ДБ
430
А65

Анисимов С.
"Дело о восстании на екатерининской ж.д."
М.-Л., 1926

64516

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ УГЛИ

СЕРГЕЙ АНИСИМОВ.

ДЕЛО О ВОССТАНИИ НА ЕКАТЕРИНИНСКОЙ Ж.Д.

ИСТПРОФТРАН
ИЗДАНИЕ Ц.К. Ж—Д.
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1926

СЕРГЕЙ АНИСИМОВ

ДБ
4 30
А 65

ДЕЛО
О ВОССТАНИИ НА ЕКАТЕРИНИНСКОЙ Ж.Д.

„ИСТПРОФТРАН"
Издание ЦКЖД
МОСКВА — 1926 — ЛЕНИНГРАД

ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФГСС РЫ
Инв. № 124948
8

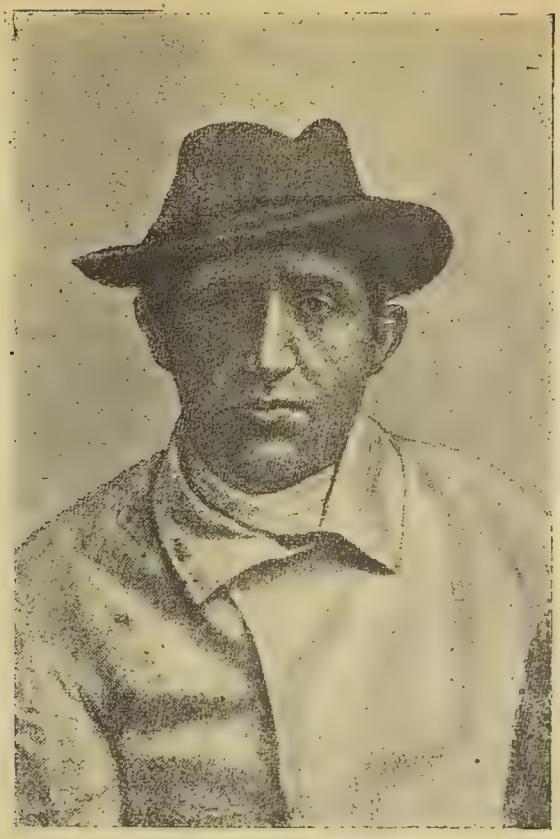
Ленинградский Гублит № 6372. Тираж 6000—13 лист. Заказ № 561.

Типография М. Сил РККФ., зд. Гл. Адмиралтейства.

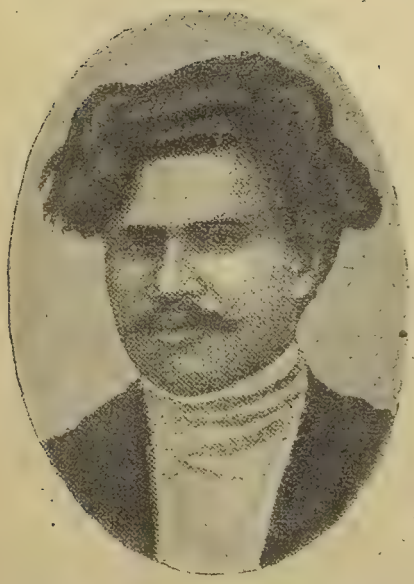
ПОСВЯЩЕНИЕ

Посвящаю эту книгу памяти 8-ми казненных по „Делу о восстании на Екатерининской железной дороге в 1905 году": Григория Ткаченко-Петренко, Александра Зубарева-Кузнецова, Василия Григоращенко, Андрея Щербакова, Ильи Митусова, Андрея Ващаева, Владимира Шмуиловича и Петра Бабича, а также памяти Прохора Динеги и всех других убитых в горловском бою.

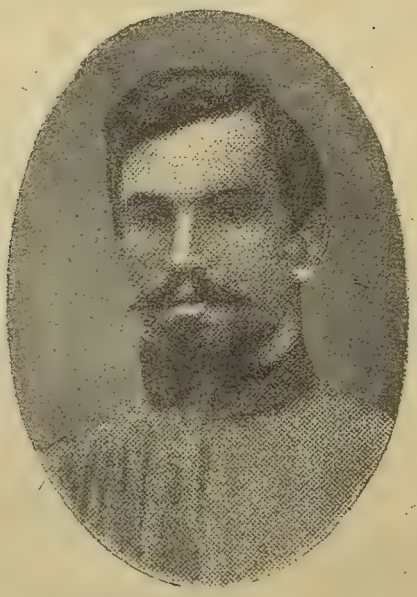
Автор.



Александр Зубарев-Кузнецов,
казнен 4 сентября 1909 г.



Григорий Ткаченко-Петренко,
казнен 4 сентября 1909 г.



Андрей Щербаков,
казнен 4 сентября 1909 г.

От Истпрофтрана.

Работа С. С. Анисимова, написанная защитником в одном из самых трагических процессов столыпинского времени по личным воспоминаниям и документальным данным, является одной из очередных книг, посвященных Истпрофтраном описанию революционного движения на отдельных дорогах. Но в ряду событий 1905 года восстание на Екатерининской ж.д., завершившееся известным горловским боем, занимает одно из первых мест. Поэтому книга, посвященная ему, далеко выходит из круга интересов одной дороги и получает большое значение. Автор дает в ней живое изображение декабрьских событий на линии Екатерининской ж. д., описывает переживания подсудимых, рисует фигуры судей, прокуроров, жандармов и развертывает всю картину суда и весь ужас сцены приговора с массовыми смертными казнями, но при этом, надо отметить, он не касается анализа и не дает политической оценки декабрьского восстания на Екатерининской ж. д.

Истпрофтран уверен, что книга окажется доступной пониманию широких кругов железнодорожников и интересной в чтении.

ОТ АВТОРА

В судебном процессе, изображенном в этой книге, автор выступал в качестве защитника и вместе со своими подзащитными переживал их трагедию. Книга написана на основании личных воспоминаний и сохранившихся материалов и записок. Кроме того, с автором поделились своими воспоминаниями и материалами и некоторые из участников процесса—инженер В. Д. Данчич, А. И. Бушуев, Н. Файнбишев, М. И. Красненко и другие.

Из официальных документов по делу автор пользовался хранящимися в Ленинградском отделении центр. архива делами бывшего департамента полиции за 1906 г. по 7-му делопроизводству №№ 860, 890 и 1057, данными предварительного следствия и обвинительным актом.

Всех привлеченных по этому делу вначале было больше 300 человек. Обвинительный акт был составлен по отношению к 184 лицам. На скамье подсудимых сидело 131. Через 20 лет после событий автор, конечно, не имел возможности устанавливать участие в них каждого отдельного лица. В массовых процессах эта задача недостижима даже в судебных заседаниях. Поэтому во всем изображении суда и событий автор старательно избегал квалификации роли в них отдельных подсудимых, за исключением нескольких лиц, бывших несомненными вождями пролетариата Донецкого бассейна в декабрьские дни 1905 г. Важнее и ценнее, чтобы перед читателем прошли самые картины суда и событий, и та бытовая и политическая обстановка, в которой они протекали. Однако, нельзя было оставлять совсем в тени и массовых участников процесса. Живые люди всегда и везде должны привлекать к себе интерес. Их воля, их деятельность создавали события. Их страдания создали трагедию процесса. Поэтому, не решаясь выступать в этой книге по отношению к ним, так сказать, судьею в истории, автор решил ограничиться документальными справками о них. С этой целью в III части книги помещены приложения,

которые многим читателям, участникам событий, дадут возможность вспомнить лишний раз своих товарищей по службе, своих друзей и сопроцессников.

Вот эти приложения: 1) список всех лиц, по отношению к которым по этому делу был составлен обвинительный акт; 2) резолюция суда и 3) справка о смягчении наказаний при конфирмации приговора командующим войсками округа и по амнистии.

9/VI—1925 года.
Москва.

ВВЕДЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

„Дело о захвате революционерами линии Екатерининской ж. д. в декабре 1905 года".

С 7-го ноября по 19-е декабря 1908 года в городе Екатеринославе временный одесский военно-окружной суд рассматривал дело „о захвате революционерами линии Екатерининской ж. д. в декабре 1905 года" и в результате этой шестинедельной судебной процедуры приговорил 32 человека к смертной казни и 60 человек к каторге на разные сроки.

Это страшное дело, по которому судилось 131 человек, сложилось совершенно неожиданно для подсудимых.

Кроме небольшой группы революционеров, остальные подсудимые представляли собою обыкновенных служащих и рабочих, вовлеченных в движение событиями и настроениями 1905 года. Машинисты, станционные агенты, рабочие ж.-дор. мастерских, телеграфисты и конторщики—все они с энтузиазмом приняли участие в октябрьской железнорожной забастовке, присоединившись к движению, которое, казалось, должно было создать новую, свободную жизнь.

Но в самый день об'явления манифеста о свободе поднялась кровавая волна черносотенных погромов. Тогда же они стали грозить правительству об'явлением новой забастовки; а правительство, привыкшее к деспотизму и угнетению, само не верило своим обещаниям и не хотело расстаться с самодержавными порядками; упорно, тупо и жестоко вело оно свою линию погромов и усмирений и добилось того, что в декабре 1905 года в Москве была действительно об'явлена вторая всеобщая забастовка, приведшая к вооруженному восстанию.

Екатеринославские железнодорожники без рассуждений, без надежды на победу тотчас присоединились к ней в смутной надежде, что будут спасены только что завоеванные свободы. Но новый кабинет министров, во главе с Витте и Дурново, двинул на них воинскую силу, и забастовка перешла в восстание. Местных войск было мало, и повстанцы железнодорожники сначала имели успех, захватив в свои руки почти всю линию Екатерининской ж. д., общим протяжением с рудничными

и заводскими под'ездными путями более 2.800 верст. Этот захват ж.-д. путей на пространстве всего Донецкого бассейна мог бы создать базу для нового революционного правительства, но провинциальные железнодорожники об этом не помышляли, они оглядывались на Москву и Петербург. А там события пошли не в пользу революции; тогда у захвативших Екатерининскую ж. д. быстро упало настроение, и новое столкновение с воинскими силами, после решительной, но слабой по вооружению попытки сопротивления, привело к их разгрому. Меньшинство, т.-е. действительные революционеры, приняли меры к тому, чтобы укрыться до лучших времен; рядовые же участники восстания, составлявшие главную его массу, укрылись в свои квартиры и быстро заселили собою все местные тюрьмы и всякие временные места заключения.

Потом для них настала долгая и мрачная полоса безмерных физических и моральных страданий. Давно привыкшие покоряться судьбе, они уже не боролись с властью, а хлопотали только о том, чтобы попасть обратно на свои места. В начале 1906 года, когда правительство еще колебалось и проводило выборы в первую государственную думу, был учрежден на Екатерининской ж. д. особый комитет для разбора степени их виновности, главным же образом для восстановления нормального движения с помощью бывш. забастовщиков. Переговорами с судебными и охранными властями комитет этот достиг того, что большая часть были признаны благонадежными и возвращены на прежние места. И они вернулись к своей прежней подневольной жизни, но с памятью о пережитом и с тревогой за будущее, так как было начато судебное дело, и исход его никому не мог быть известен.

Кроме небольшой группы революционеров, оставленных в заключении, все остальные, общим числом около 300, были освобождены, и те из них, которые чувствовали себя скомпрометированными в глазах власти, рассеялись по всему свету. Судебная власть обо всех скрывшихся разослала публикации о розыске, а о возвратившихся на прежние места продолжала вести следствие, которое потекло канцелярским порядком, почти механически, потому что политический интерес к этому делу у властей быстро миновал: в их глазах оно было по существу уже ликвидировано.

События, происходившие в декабре 1905 г. на Екатерининской ж. д., попали в политический архив. Но судебное производство о них, по неумолимому канцелярскому порядку, продолжало идти. И так как в деле было замешано множество лиц и допрашивалось очень большое количество свидетелей, то оно начало странствовать по канцеляриям, по следователям и прокурорам, почти по всей России. Прошло уже больше двух лет, а обвиняемых, выпущенных на свободу под залоги,

под поручительство или подписку о невыезде, в течение всего этого времени никакие судебные власти не беспокоили. Они служили на той же дороге и постепенно погружались в свои служебные, семейные и личные заботы. Многие из них успели совсем позабыть о своем состоянии под судом и в значительной степени утратили из памяти подробности своего участия в событиях, а судебное дело все не кончалось.

Весной 1908 г. делом о захвате Екатерининской жел. дор. в 1905 г. по каким-то случайным причинам заинтересовался всесильный в то время временщик Столыпин. Повидимому кто-то из чиновных карьеристов подсунул ему это дело, и началась очень сложная переписка между гражданскими и военными губернаторами, между судебными властями и прокуратурой, между директором департамента полиции Вуичем, генералом Каульбарсом, командовавшим одесским военным округом, и самим Столыпиным о том, чтобы направить это дело в военный суд. С необычайной изворотливостью и искусством изыскивались формальные доказательства того, что такое направление дела властью Екатеринославского губернатора Клингенберга не было бы нарушением закона. Особенно старались обойти то препятствие, что Екатеринославская губерния и весь район Екатерининской ж. д. были об'явлены на военном положении только с 20-го декабря 1905 г., события же разыгрались между 8—17 числами декабря, т.-е. до этого указа. То ловко, то очень грубо гнули закон, куда хотели, и добились своего: дело как бы само собой оказалось у прокурора одесского военно-окружного суда. Судебный следователь привлекал обвиняемых по 129, 132 и 126 статьям уголовного уложения, т.-е. за агитацию, произнесение речей, распространение прокламаций или за принадлежность к противоправительственному сообществу; обвиняемым грозило заключение в крепости или, в крайнем случае, ссылка на поселение. В военном суде положение изменилось. Помощник военного прокурора одесского военно-окружного суда капитан Шевяков составил обвинительный акт, по которому большинству было пред'явлено обвинение по 102 ст. угол. уложения, а 71 лицу по 100 статье того же уложения. Это означало, что большинству обвиняемых угрожала каторга, а некоторые из них, при условии особо жестокого отношения суда, очутились под угрозой смертной казни. В таком виде обвинительный акт был утвержден командовавшим войсками округа генералом Каульбарсом 14-го января 1908 г. В течение весны копии его вручили обвиняемым, служившим на различных станциях Екатерининской ж. д.

Однако, и после вручения копий обвинительного акта находившиеся на свободе не были заключены под стражу, даже те из них, которым была пред'явлена грозная 100 статья. Оставление на свободе, примеры других ж.-дор. процессов,

а главное — собственное обывательское отношение к миру, к жизни и особенно к политике внушало им мысль о том, что пред'явленное им обвинение — несерьезно. То же самое, очевидно, думали и прокурор одесского военно-окружного суда и командующий войсками; иначе, конечно, они не оставили бы обвиняемых на свободе. Повидимому, никто—ни суд, ни местное начальство, ни печать—не были осведомлены о замыслах Столыпина и департамента полиции и наивно воображали, будто дело попало в военный суд по неумолимым велениям закона или, точнее, в силу только того, что Екатеринославская губерния состояла на военном положении.

Обвиняемые забеспокоились о защите и обратились к адвокатам, вызвали свидетелей и, когда получили сообщение, что суд удовлетворил их ходатайства о допущении указанных ими защитников и о вызове в суд тех лиц, показаниями которых они предполагали оправдываться, снова погрузились в свои служебные дела и домашние заботы.

Прошло еще полгода, и осенью 1908 г. появилось в газетах сообщение, что скоро в Екатеринославе временный одесский военно-окружный суд будет разбирать это дело и всем обвиняемым прокуратура пред'явит 100 статью, грозящую смертной казнью. Сообщалось также, что главный военный суд командирует поддерживать обвинение по этому делу помощника военного прокурора подполковника Филимонова, а председательствовать будет военный судья генерал-майор Владимир Александрович Лопатин.

Но замечательно, что и после этого власть не тронула обвиняемых, которые продолжали мирно служить на своих жел.-дор. станциях. Все они прочли газетные сообщения и все-таки не поверили, что суд поставит их под угрозу смертной казни и что вообще такая расправа может действительно случиться. Более осторожные из них отправились к своим адвокатам и от них узнали, что по закону нельзя менять обвинение в сторону усиления в самом судебном заседании, что и на практике, при всех репрессиях за события 1905 г., таких случаев не бывало. И адвокаты, и обвиняемые ломали головы над газетным сообщением о выплывшей вдруг 100 ст., наводили справки, писали друзьям и знакомым в Петербург, но никаких новых сведений не получали. Все как будто заглохло, как будто опять никто, кроме непосредственных участников, не интересовался делом. И в газеты никаких новых сообщений не проникало.

Наконец, в октябре были получены повестки о явке в суд на 7-ое ноября 1908 г. В Екатеринославе недели за две до того открылась канцелярия военного суда в помещении здания арестантских рот на тюремной площади. С'ехались судьи и оба прокурора — Филимонов и Шевяков. Председатель, генерал Лопатин, при первых же обращениях к нему защитников о допущении к обозрению дела, о пропусках к тем обвиняемым,

которые были заключены в тюрьме, обнаруживал сильное возбуждение и нередко без всяких внешних поводов терял равновесие. Эти признаки заставили очень насторожиться адвокатов. В самом деле, по закону и по практике, пред'явления в суде нового обвинения по 100 ст. как будто не могло быть. Но, с другой стороны, они знали, что бывает и то, чего не может быть. Всеми средствами они старались узнать от Лопатина, от секретарей, от судей, от их знакомых и вообще в судебных сферах, правда ли, будто существует инструкция главного военного суда в самом судебном заседании пред'явить 100 и даже 279 „висельную" статью. Но здесь все отзывались неведением и явно конспирировали.

Однако, обвиняемые не чувствовали за собой такой вины, которая, по их пониманию, могла бы караться смертной казнью, и даже вообще не сознавали за собой никакой сколько-нибудь серьезной вины; они только тяготились долгим состоянием под судом. Поэтому, несмотря на сомнения адвокатов, а в некоторых случаях несмотря на их прямые советы скрыться от суда, несмотря на то, что каждый из них, если и не мог скрыться, то, во всяком случае, мог легко, хотя бы на время уклониться от судебной расправы, они за исключением очень немногих, пошли на суд.

С раннего утра 7-го ноября вся площадь перед зданием арестантских рот была окружена конными и пешими городовыми. Внутри дежурили караульные воинские части. За цепь городовых никого не пускали, кроме обвиняемых, у которых были повестки, свидетелей и защитников, пред'являвших пропуск за подписью самого генерала Лопатина. Обвиняемых, пришедших в суд, обратно уже не пускали, а в заседании суда их окружили тесным кольцом конвойных с шашками наголо. Едва открылось судебное заседание, прокурор Филимонов, по предписанию главного военного суда, сделал заявление об обвинении по 100 ст. угол. улож. и 279 ст. XXII кн. св. военн. пост. Защитники возражали, доказывая незаконность этого требования; но суд слушал их нетерпеливо. Лопатин обрывал их. Затем он об'явил постановление суда о том, что все наличные подсудимые, за исключением одного, обвиняются как мятежники, поднявшие восстание с оружием в руках с целью учреждения в России демократической республики взамен установленного основными законами самодержавия, и что, в виду тяжести этого обвинения, они все заключаются в тюрьму. Момент был тяжелый и удручающий, но большинство подсудимых и после этого не могли расстаться с своим наивным представлением, будто происходил суд над ними, а не судебная расправа с целью террора, и поэтому не верили в серьезность своего положения. Они отнеслись к этому, как к тяжелой и жестокой формальности, которую необходимо претерпеть, но которая не может причинить им действительного зла.

Совсем другое впечатление произвела в городе новая квалификация обвинения. Кошмар смертных казней с этого момента навис над подсудимыми. Стало понятно, что конспирировали и скрывали предложение главного военного суда только для того, чтобы обвиняемые не разбежались, что им устроили западню, в которой и захлопнули их. Суд как будто спокойно вел свою процедуру; выслушал чтение обвинительного акта, опросил подсудимых, перекликал свидетелей, распределил порядок судебного следствия.

Затем в течение всех 40 дней судебного следствия подсудимые, хотя и робели, но старательно вели свою защиту; и перед концом следствия, 6-го декабря, в день именин Николая II, они отслужили в тюремной церкви молебен и послали ему поздравительную телеграмму. Этот шаг, инспирированный губернатором через администрацию тюрьмы, тупо и упрямо проводившийся некоторыми из подсудимых, принес большинству из них тяжелые моральные страдания: решившись на него под давлением угрозы смертной казни, они чувствовали себя как бы оплеванными и в то же время понимали, что отказ подписать телеграмму вел прямым путем ва виселицу. Отказались присоединиться к телеграмме всего 19 человек, из которых 7 впоследствии не устояли, и после смертного приговора подали ходатайства о помиловании.

4 из отказавшихся ходатайствовать имели в момент декабрьской забастовки 1905 г. несовершеннолетний возраст. Это избавило их от применения смертной казни.

Остальные 8 человек, как читатель увидит из последующего, погибли, как герои [1]).

---

[1]) Вот редакция 100-ой статьи уг. уложения 1903 года: „Виновные в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой либо ее части установленных основными государственными законами образа правления или порядка наследия престола, или на отторжение от России какой-либо ее части наказываются:

Смертной казнью.

Если однако такое посягательство обнаружено в самом начале и не вызвало особых мер к его подавлению, то виновные наказываются:

Срочной каторгой.

Посягательством признается как совершение сего тяжкого преступления, так и покушение на оное.

Статья 279-ая 22-ой книги свода военных постановлений предусматривала всякого рода посягательства с оружием в руках, совершенные в военное время, но применялась на основании усиленной охраны или военного положения в мирное время военными судами, ликвидировавшими революцию 1905 года. Ужас ее не только для подсудимых, но нередко и для самих судей состоял в том, что она не допускала никакого смягчения наказания, никакого перехода к каторге. Только несовершеннолетние и лица, признанные не необходимыми участниками преступления, получали по ней бессрочную каторгу.

Автор.

Часть первая

СОБЫТИЯ

I.

Общая картина декабрьских событий 1905 года на линии Екатерининской ж. д.

События, служившие предметом судебного разбирательства, представляют большой интерес.

Обвинительный акт изображал их не только с точки зрения виновности в них тех или других лиц, что составляло его прямую задачу, но, главным образом, старался показать, что в основе событий не было никакого самопроизвольно развивавшегося революционного движения. По мнению составителей обвинительного акта, все дело было в том, что действовали и мутили народ злонамеренные агитаторы, которых в огромном количестве, как нечистую силу, напустили на железнодорожных служащих и рабочих революционные организации. Второй причиной декабрьских событий, по их мнению, было то, что октябрьская забастовка осталась „безнаказанной", вследствие чего среди служащих и рабочих упала всякая дисциплина. „Сходки и митинги стали посещаться лицами умеренного направления, которые прежде сторонились движения. Рабочие стали вести себя, независимо, вызывающе". Наконец, сыграл в деле роль, по их мнению и манифест 17-го октября 1905 г., который авторы обвинительного акта не могли, конечно, зачислить прямо в состав революционных прокламаций, потому что как ни как, но под ним стояла подпись „священной особы его императорского величества". Но нет, нет, да и прорывалось у них очень неприязненное к нему отношение. Про него говорилось, например, что он не внес в среду ж.-д. служащих и рабочих никакого успокоения, а, наоборот, был на руку агитаторам, которые не преминули им воспользоваться. Манифест давал революционным организациям возможность внушать рабочим, что настал момент, „когда можно достичь всего желаемого только путем принятия непосредственного участия в политической жизни страны", и т. п.

Таким образом, с точки зрения обвинительного акта, в этом деле было три главных виновника: во-первых, революционные организации и их агитаторы, во-вторых, какие-то неустановлен-

ные формально, закулисные авторы манифеста 17-го октября и, в-третьих, ж.-д. начальство, которое допустило быстрое падение дисциплины после октябрьской забастовки, оставив ее безнаказанной. Однако, ни одного из этих истинных виновников событий следственные власти не разыскивали и не допрашивали по делу, а составители обвинительного акта не пытались посадить на скамью подсудимых. Это были фигуры, действовавшие где-то за кулисами, или лучше, какие-то таинственные и могущественные силы, которых они поймать не могли и не пытались, на влияние которых на ход событий, они только указывали пальцами, и в бессилии перед которыми они становились в позу восклицательных знаков. Ловили же, уличали и требовали приговора они только для телеграфистов, стрелочников, машинистов. Они разыскивали против них фактические улики и устанавливали признаки, по которым их можно было подогнать под ст. уг. улож. 1903 г., и больше ни о чем не заботились. Остальное должен был определить уже сам суд или, при конфирмации приговора, командующий войсками. И действительно, и Лопатин, и Каульбарс при расправе с подсудимыми принимали в расчет не те революционные события, в которых подсудимые так или иначе участвовали, а, по выражению одного рапорта Каульбарса (см. ниже), „самое существо настоящего дела, чисто индивидуальные особенности каждого осужденного, степень участия его в деле, поведение на суде и в тюрьме и проч.“. Вследствие такого несудебного, а чисто полицейского подхода к делу очень пострадало изображение событий, происходивших на Екатерининской ж. д. и в Донецком бассейне в декабре 1905 г. по обвинительному акту. Он передавал их, можно сказать, сквозь гримасу полицейского испуга. Воспроизводя их здесь в рамках судебного процесса, мы, конечно, постараемся попутно снять с них эту полицейскую маску.

В действительности, внутренний смысл и содержание декабрьских событий в Донецком бассейне были те же, что и во всей остальной России, особенно в ее промышленных районах, где сосредоточивались большие массы пролетариата. Конечно, не агитаторы, не манифест и не слабость ж.-д. начальства создали их. В их основе лежали общие, всем известные теперь причины, приведшие страну к революции.

Декабрьские события были массовым политическим движеньем всего пролетариата России и были декретированы Петербургским и Московским советами рабочих депутатов и конференцией 29-ти российских железных дорог.

Среди рабочих Екатерининской ж. д. еще с начала 1905 г. стало прорываться в разных формах брожение, в котором находилась тогда вся страна. На разных ее станциях, в депо и в мастерских, не раз за этот год возникали частичные заба-

стовки. На Екатерининской ж. д. с сетью путей, охватывающих огромный район Донецкого бассейна с его рудниками и железоделательными заводами, со многими тысячами рудничных и заводских рабочих,—октябрьская забастовка разыгралась с особым под'емом. Хотя для многих она казалась неожиданностью, но была принята всеми без всяких рассуждений, так как отвечала необходимости об'единенного массового выступления и давала для него очень легкую форму, в которой могли участвовать самые пассивные, политически невоспитанные люди. Были, как на всех других дорогах, избраны делегаты для представительства от рабочих и служащих как для местных с'ездов, так и на всероссийский с'езд ж.-д. союза. С'езды, митинги и случайные сходки происходили непрерывно. Требования об улучшении экономического и правового положения служащих и рабочих заняли в движении не менее серьезное место, чем чистая политика. Характерно, что в то время, как 18-го октября из Петербурга был дан приказ о прекращении забастовки, на Екатерининской ж. д. большинство служб приступило к занятиям не 18-го, а только 20-го октября, т.-е. после того как администрация дороги об'явила об удовлетворении большинства пред'явленных экономических и правовых требований служащих и рабочих.

Машинисты же приступили к работе лишь 23—24 октября, когда экономические требования были удовлетворены полностью. Затем следует отметить, что делегатское собрание рабочих Екатерининской ж. д., которое заседало в составе около 700 человек, постановило ввести революционным путем 8-мичасовой рабочий день во всех мастерских и депо дороги, и это постановление немедленно было приведено в исполнение „явочным путем" в большинстве станционных депо и в мастерских дороги—в Екатеринославе, в Нижнеднепровске, в Александровске, в Сватове, в Пологах, в Гришине, в Авдеевке и других местах. Вместе с этим совершенно изменились внутренние отношения рабочих с администрацией. Были случаи расправ с мастерами и начальством в форме вывоза на тачках. Во всех депо и мастерских почти ежедневно пред'являлись новые требования, и не раз случались частичные плохо мотивированные забастовки.

Из этих проявлений революционности самыми характерными были требования об удалении непопулярных должностных лиц. Среди требований, стремившихся установить более сносное правовое положение, надо отметить требование учреждения третейских судов для разрешения недоразумений между администрацией и рабочими мастерских и депо, об учреждении смешанных комитетов для разрешения вопросов о приеме и увольнении. Среди экономических требований самым характерным было требование постройки жилых домов, так как во всем

Донецком бассейне в станционных, рудничных и заводских поселках жилищные условия были весьма плохи.

Но наряду с этим, конечно, прежде всего всех интересовала борьба с царским правительством. Погромы, жестокие усмирения крестьян, среди которых развилось аграрное движение, и подавление вооруженной силой вспыхивавших тогда в разных местах восстаний в войсках и во флоте—ясно свидетельствовали, что контр-революционная политика правительства стремится свести на нет все завоевания. В ноябре разразилось восстание в Севастополе, которым руководил лейтенант Шмидт. Через несколько дней оно было подавлено со всей откровенностью и жестокостью.

17-го ноября в Екатеринославе в английском клубе состоялось собрание ж.-д. служащих, на котором присутствовало 600—700 человек, т.-е. столько, сколько мог вместить зал. Перед этим собранием был поставлен вопрос о том, что железнодорожники, перевозя войска для подавления революционого движения в народе, тем самым участвуют в борьбе на стороне правительства и контр-революции, хотя собрание это было назначено для заслушания доклада делегатов, вернувшихся с первого с'езда всероссийского ж.-д. союза. Доклад о событиях в Севастополе перевернул всю повестку. С большим под'емом было принято следующее постановление: „собрание ж.-д. служащих и граждан г. Екатеринослава постановило: признать участие железных дорог в перевозке войск для означенной цели равносильным участию в убийстве, а ж.-д. служащих, тем или иным способм участвующих в ней, — пособниками в этих преступлениях, заслуживающими самого строгого общественного осуждения". Одновременно с этим постановлением собрание решило обратиться к местным организациям с предложением принять меры к устранению в каждом отдельном случае возможности перевозки войск для подавления революционного движения.

На этом же собрании было принято постановление послать телеграмму в газеты с протестом по поводу ареста в Москве „бюро всероссийского крестьянского союза". В этом акте екатеринославские железнодорожники видели возмутительное нарушение правительством возвещенных манифестом 17-го октября „свобод", и требовали немедленного освобождения арестованных.

В такой политической атмосфере для служащих и рабочих Екатерининской железной дороги протекли конец октября и ноябрь месяцы. За эти 7 недель, от октябрьской до декабрьской забастовки, правительство Витте, как известно, не теряло ни одного дня в своем контр-революционном наступлении. Только сначала оно кое-как маскировало его в глазах масс, поверивших манифесту, а затем, чем дальше, тем решительнее вело свою борьбу в открытую. К концу ноября почти по всей

России действовали военные положения, и в некоторых местах уже работали генералы, назначенные для борьбы с крамолой и для подавления революционного движения. При таких обстоятельствах новые забастовки уже разрозненно об'являлись служащими отдельных железных дорог; так, например, 20-го ноября 1905 г. от служащих Харьково-Николаевской ж. д. в Екатеринославе была получена телеграмма с предложением присоединиться к их забастовке, об'явленной для поддержания требования о снятии военного положения в Харькове и для прекращения подвоза войск в места, охваченные восстанием.

Вся эта революционная борьба, происходившая в промежуток между двумя общими железнодорожными забастовками, и все события, неизбежно приведшие к декабрьскому восстанию на Екатерининской ж. д., в глазах составителей обвинительного акта сводились к следующему: „попрежнему продолжали поступать донесения о своеволии служащих и рабочих, о выживании начальников и мастеров, о частых приостановках работ и других безобразиях, творимых под флагом освободительного движения. Под влиянием революционной пропаганды большинство служащих и рабочих, разыгрывая роль сознательных товарищей, а некоторые из опасения прослыть черносотенцами и хулиганами, стали говорить о необходимости низвержения правительства и созыва учредительного собрания путем выборов по четырехчленной формуле".

2-го декабря служащие Екатерининской ж. д. послали телеграмму с протестом против осуждения на казнь лейтенанта Шмидта [1]).

Вслед за арестом бюро крестьянского союза в Москве было арестовано 22-го ноября бюро почтово-телеграфного союза. 26-го ноября в Петербурге был арестован Хрусталев-Носарь, тогдашний председатель петербургского совета рабочих депутатов. Наконец, 3-го декабря во время заседания в вольно-экономическом об-ве был арестован весь петербургский совет рабочих депутатов, в числе около 160 человек, и одновременно приостановлено 8 столичных газет, т.-е. был захвачен и разбит центр революционного движения и скована печать. В этот же день был издан специальный закон, которым жестоко каралось участие в забастовках рабочих и служащих предприятий, имеющих общественное и государственное значение. Это был удар, направленный прямо в железнодорожников. Наконец, в ответ на эти меры правительства пролетариат в столицах об'явил забастовку. В управлении дороги в Екатеринославе 7-го декабря была получена из Москвы телеграмма с об'явлением о ней. Телеграмма была адресована: „всем трем

[1]) Шмидт был казнен только весною 1906 года.
Автор.

товарищам из Москвы и председателю делегатского собрания служащих Науману для сведения и указания по линии". В ней сообщалось, что конференция 29 железных дорог, центральное бюро всероссийского ж.-д. союза, петербургский и московский советы рабочих депутатов об'явили 7-го декабря всеобщую политическую забастовку.

Еще раньше этой телеграммы была получена в управлении дороги в Екатеринославе и передана по всем линиям Екатерининской ж. д. другая депеша из Москвы от 5 декабря за № 1.000.000. В ней сообщалось, что в Москве об'явлена забастовка.

Вслед за получением телеграммы с раннего утра 8-го декабря на Чечеловке, т.-е. в городском районе, примыкающем к Екатеринославским ж.-д. мастерским и к огромному железоделательному заводу Брянского о-ва, где жило до 60 тысяч рабочего населения, состоялось делегатское собрание служащих и рабочих Екатерининской ж. д. Настроение было до крайности приподнятое, но в общем—очень мрачное и в то же время решительное до отчаяния. Вопрос обсуждался в самых сильных выражениях. Речи ораторов представляли собой просто потоки негодования, изливавшегося на правительство, а не обсуждение доводов за и против забастовки, как приема борьбы, могущего иметь успех при сложившихся политических обстоятельствах. Говорившим и всем присутствовавшим казалось, что другого выхода нет — так же, как это казалось конференции 29 железных дорог и московскому и петербургскому советам рабочих депутатов. 51 голосом против 3 собрание постановило присоединиться к всеобщей политической забастовке и немедленно начать ее. И тотчас по всем станциям Екатерининской ж. д. была дана телеграмма: „сегодня, с 10 часов утра об'явлена всеобщая забастовка всех дорог и рабочих" за подписью „товарищи".

Для руководства забастовкой в Екатеринославе, по общему соглашению всех местных революционных организаций, был образован общий боевой стачечный комитет, в который вошли по одному представителю с одним голосом делегаты следующих организаций; от забастовочного распорядительного комитета Екатерининской ж. д., от делегатского собрания рабочих гор. Екатеринослава, от об'единенного комитета Р. С.-Д. Р. П., от Екатеринославской с.-д. организации „Бунда", от Екатеринославского комитета партии с.-р., от стачечного комитета почтово-телеграфного союза. Эта вновь создавшаяся организация получила название „Коалиционного или об'единенного боевого стачечного комитета". Она стала выпускать ежедневно свои бюллетени, в которых сообщала о политическом положении во всей России и публиковала свои распоряжения по вопросам забастовки. Начал свою деятельность этот комитет

с того, что сейчас же издал прокламацию с об'яснением поводов к новой всеобщей забастовке. В ней было заявлено, что эта мера принята, как крайняя и последняя, петербургским и московским советами рабочих депутатов и конференцией из представителей 29 российских железных дорог. Цель забастовки—противодействие контр-революционным мерам правительства.

Согласно общим директивам совершенно так же, как это происходило на других дорогах, об'единенный боевой стачечный комитет об'явил, что железная дорога будет перевозить беспрепятственно и бесплатно всех солдат без оружия как запасных, так и желающих ехать в отпуск, до любого места, и что пассажиры, застигнутые в пути, будут доставлены до ближайших городов.

Нужно заметить, что оба эти условия забастовки чрезвычайно затруднили ее проведение, так как требовали от рабочих и служащих явки на работу и в значительной степени были причиной того, что во многих местах декабрьская забастойка не удалась на железных дорогах. Особенно много возни было с перевозкой запасных солдат. Между тем отказаться от нее было также рисковано. Дело происходило через два месяца с небольшим после подписания Витте мира с японскими представителями, которым закончилась русско-японская война. Демобилизованные запасные двигались тогда с Дальнего Востока и из Сибири во все места России по всем направлениям и по всем ж.-д. линиям. Часто они шли в составе целых эшелонов, с оружием и под командой офицеров. Настроение их было весьма озлобленное на всех и на все. Каждую минуту их недовольство могло вылиться в возмущение и насилие не только против своего военного начальства или гражданских властей, но против железнодорожников, если бы они воспрепятствовали их движению. Случаи разгромов станционных буфетов и погромов на станциях происходили постоянно.

Вообще с демобилизованными запасными нужно было быть очень осторожными, и мера эта вызывалась действительной необходимостью. Екатеринославский коалиционный боевой стачечный комитет, согласно директивам центра, постановил закрыть все промышленные, торговые, общественные и правительственные учреждения с тем, чтобы забастовка действительно была всеобщая. Она не распространялась только на государственный банк и на сберегательные кассы, служащим которых стачечный комитет дал приказ непременно работать, „чтобы граждане могли получить свои вклады и обменять бумажки на золото". Предполагалось, что таким образом можно довести правительство до немедленного банкротства.

В тот же день 8-го декабря в Екатеринославе действительно стали все заводы, железнодорожные мастерские, прекратилось

движение поездов и трамваев в городе, остановились типографии и перестали выходить газеты, прекратилась работа в промышленных и торговых заведениях. Вся жизнь города, промышленная и торговая замерла, а на улицах, наоборот, было необычайное оживление.

Забастовочный распорядительный комитет Екатерининской ж. д. 8-го декабря, разослав по линии телеграфный приказ всем служащим и рабочим о немедленном приступе к забастовке, в той же телеграмме дал инструкцию о сформировании на узловых станциях и на станциях, имеющих паровозные депо, местных распорядительных забастовочных комитетов. Кроме того, для движения делегатских и воинских поездов было предложено избрать распорядителей этого движения. Для информации и инструктирования должно было быть установлено на всех станциях дежурство телеграфистов.

В Москве был завязан главный узел событий и исход московского восстания должен был решить борьбу.

Поэтому первым делом, по сформировании комитета, была командировка в Москву одного из членов „за получением инструкций".

Везде думали о Москве, везде ждали от нее инструкций и старались поддерживать ее. Но правительственный центр находился тогда в Петербурге. Нельзя было поразить его восстанием в Москве, а в Петербурге декабрьские события проходили относительно слабо, там не было восстания, и правительственный центр ни на минуту не был сбит с позиции. Там он собрался с силами, оттуда он направил свой удар на Москву, разгромил в ней революцию, и потом начал быстро, жестоко и систематично ликвидировать движение по всей России.

Пока решающие положение события разыгрывались в центрах, Екатеринослав и весь Донецкий бассейн были от них отрезаны; здесь развернулись свои события, по напряженности, пожалуй, не уступавшие тому, что происходило в Москве.

Телеграфный призыв забастовочного комитета Екатерининской ж. д. был принят очень нервно, с большим возбуждением, но без того внутреннего под'ема, который обычно дает надежда на успех или вера в победу. На станциях, где были рудничные и городские поселки, возбуждение было особенно велико. Все знали, что вместе с забастовкой могут произойти погромы. Шахтеры в массе не представляли собою рабочих, порвавших навсегда с деревней. Большинство из них шло в шахты на заработки из малоземельных и голодных районов центральной России. Озлобленные и экономически неустроенные в жизни, они в течение зимы несли очень тяжелую и нередко опасную для жизни работу в недрах земли, не имея ни угла, ни семейного приюта, ни культурных учреждений, где бы можно было

провести досуг, на лето в значительном числе возвращались к себе на родину к своим более или менее голодным семьям, чтобы зимой опять вернуться на рудники.

Когда в октябре, вслед за манифестом, правительство организовало погромы, то в Донецком бассейне администрация и черносотенцы повели среди шахтеров усиленную агитацию против железнодорожников. В Горловке, где в декабре произошел бой с войсками, в октябре был жестокий еврейский погром. Такие же погромы были и в других местечках и поселках Донецкого бассейна. Для ограждения от них почти на всех крупных станциях были сформированы особые дружины самообороны. В заботах об их усиленной организации прошел весь ноябрь месяц. На вооружение дружин самообороны собирались деньги и среди ж.-д. служащих, и среди поселкового населения. Для самообороны покупали разными нелегальными путями револьверы. Обвинительный акт изображал учреждение этих дружин самообороны, как очень хитрый и ловкий ход агитаторов и революционеров, которые распускали, будто бы, злонамеренные слухи о том, что рабочие шахт угрожают железнодорожным служащим разгромом в случае новой остановки работ рудников и шахт. По обвинительному акту никакой действительной опасности погромов не было, несмотря на то, что в октябре погромы в действительности имели место. Это была, будто бы, только уловка революционеров для того, чтобы добиться создания кадров для будущих боевых дружин на случай восстания.

На самом деле, возможность новых погромов на станциях и в поселках как шахтерами, так и запасными, очень усиливали то нервное возбуждение, с которым была встречена в Донецком бассейне телеграмма 8-го декабря с призывом к забастовке. Получив ее, большинство ж.-д. служащих немедленно, как-то с азартом бросилось действовать в интересах забастовки и всего движения. Одни старались во чтобы то ни стало сохранить свои станции, уберечь от расхищения грузы и имущество, предохранить их от разгромов запасными. Другие собирали митинги в станционных помещениях, говорили о провокации правительства, убеждали стать на сторону революции и поддерживать движение. Более решительные проклинали царя и его правительство, но, кроме призывов к забастовке, т.-е. к чисто пассивной поддержке Москвы, никто не имел никаких практических боевых лозунгов. Телеграфисты сидели и днями и ночами на своих аппаратах и на фонофорах и ловили со всех концов всевозможные приказы и слухи и тотчас распространяли их. Машинисты никак не могли окончательно уйти от своих паровозов, так как то и дело приходилось проводить поезда с запасными или с делегатами. Начальники станций, их помощники, товарные кассиры следили все время

за стоявшими на их станциях груженными вагонами и снаряжали самооборону для их охраны.

Так прошли на станциях Екатерининской ж. д. первые дни декабрьской забастовки, очень скрашенные тем, что во всех больших станционных помещениях происходили в это время почти непрерывно, иногда даже по ночам, многолюдные митинги, на которых выступали и свои и приезжие ораторы и произносили речи, и в них изливали общее негодование по отношению к правительству.

Обвинительный акт все это характеризовал очень популярным тогда во всяких правительственных актах и сообщениях словом „беспорядки", и только потом на суде прокуроры заменили это определение словами „открытый мятеж". В действительности, конечно, здесь не было ни того, ни другого, а было неудавшееся, но подлинное революционное движение.

Таковая была общая картина в первые дни декабрьской забастовки на Екатерининской ж. д. События, происходившие на отдельных станциях, представляются в следующем виде.

II.

Станция и город Екатеринослав.

Еще вечером 7-го декабря, когда стало известно о получении телеграммы из Москвы с призывом к всеобщей забастовке, на ст. Екатеринослав состоялся грандиозный митинг, превратившийся в очень многолюдную демонстрацию. Были красные флаги, произносились речи, пели марсельезу. С 8 часов утра в ж.-д. мастерских и на Брянском заводе раздались тревожные гудки, работы прекратились, а рабочие и мастеровые с флагами и с пением марсельезы двинулись в управление дороги, затем в депо и в различные учреждения города, где к ним присоединялись рабочие и служащие. Обвинительный акт утверждал, что революционеры снимали с работ, и при этом многие из них были вооружены револьверами, которыми они, будто бы, грозили всем нежелавшим добровольно уходить с работы. Это утверждение должно было подтверждать точку зрения обв. акта на все события, как на следствие подстрекательства и насилий со стороны злонамеренных агитаторов. В действительности все шло само собой и развивалось стихийно. Многотысячная толпа забастовщиков прошла с демонстрацией по главной городской улице — Екатерининскому проспекту, и затем разошлась, когда все предприятия и учреждения в городе стали. Часть забастовщиков со ст. Екатеринослав захватила состав одного из дачных поездов, разукрасила его паровоз красными флагами и с пением марсельезы отправилась в Нижнеднепровск, расположенный на противоположной от города стороне Днепра, где находятся центральные ж.-д. мастерские Екатерининской ж. д. и много железоделательных и механических заводов. На всех них с утра раздавались тревожные гудки, происходили митинги и единодушно принимались постановления о присоединении к забастовке. По прибытии этого поезда на ст. Нижнеднепровск также состоялись многолюдный митинг и демонстрация.

Екатеринославская губернская администрация не принимала никаких мер ни к противодействию забастовке, ни к разгону митингов и демонстраций. Как об'ясняли потом представители

администрации на следствии, они и не могли ничего предпринять, потому что в Екатеринославе не было войск или, вернее, оставались только караульные команды, так как расквартированные в Екатеринославе Керчь-Еникальский, Симферопольский и Феодосийский полки еще не возвращались с театра военных действий, а те кадровые части их, которые оставались на месте, были командированы на подавление восстания в Севастополь или в различные места Екатеринославской губернии для борьбы с аграрным движением. Так, например, начальник ж.-д. жандармского отделения в Екатеринославе на следствии показывал, что в его распоряжении находилось лишь 25 нижних чинов, которые охраняли разные места станции. Поэтому он мог действовать только убеждением, но, конечно, его никто не хотел слушать, да и сам он не рисковал на открытые ораторские выступления.

При таком положении забастовочный распорядительный комитет Екатерининской ж. д. легко и без сопротивления установил свою власть в управлении дороги. Его постановлением были устранены от должностей начальник дороги и начальники отдельных служб, которые по собственной инициативе предпочитали отсиживаться дома все забастовочное время. На их места комитетом были назначены новые лица из его состава. Первые дни забастовки все шло очень легко и гладко, за исключением нескольких инцидентов с проходившими мимо запасными. Забастовочному комитету приходилось хлопотать об их перевозке и контролировать, чтобы у них не было оружия. Одним из самых характерных эпизодов такого рода надо считать следующий: на ст. Екатеринослав прибыл вагон, в котором находилось 32 вооруженных нижних чина 207 пехотн. Кишиневского полка. Так как по условиям забастовки не полагалось перевозить вооруженных солдат, то их вагон отцепили и поставили на запасный путь. Комендант по перевозке войск на ст. Екатеринослав доложил об этом своему военному начальству. Тогда командир 34 пех. дивизии приказал солдатам сдать ружья воинскому начальнику. Солдаты с величайшей охотой и весело исполнили это и вернулись на станцию, а забастовочный комитет тотчас же отправил их в город Кишинев. Этот случай великолепно характеризует отношения между Екатеринославскими ж.-д. служащими и местными властями, которые должны были их усмирять. Он интересен и как показатель настроения в войсковых частях того времени. И, может быть, любопытнее всего здесь стремление всех участников этого эпизода во чтобы то ни стало покончить дело миром и избежать вооруженного столкновения. Позиция революционных партий, прекрасно понимавших, что без насильственного ниспровержения правительства в революции обойтись нельзя, массой тогдашних железнодорожников еще не

была достаточно усвоена. Другая же сторона—местные военные и полицейские власти проявляли миролюбие, лишь притворяясь овцами. События их озлобляли до крайности и только отсутствие военной силы заставляло их или прятаться, или играть в сочувствие движению, или дипломатически маневрировать подобно мудрому начальнику 34-ой дивизии, заставившему солдат сдать свое оружие воинскому начальнику. Эти солдаты, конечно, сдали бы свое оружие всякому, кто у них его более или менее смело потребовал, и прежде всего тем же самым бастовавшим железнодорожникам, как это случалось в те же дни на станциях в Донецком бассейне, где настроение было более повышенное. Но местным железнодорожникам была еще чужда мысль о необходимости борьбы с оружием в руках, и инцидент с 32 нижними чинами Кишиневского полка был разрешен с истинно Соломоновой мудростью с обеих сторон без всяких столкновений и недоразумений. А солдаты были им весьма удовлетворены, так как это окончательно освобождало их от воинских обязанностей.

Вторым характерным моментом психологии руководителей забастовки на ст. Екатеринослав была величайшая заботливость об имуществе, которое представляли застрявшие на их станции грузы, размещенные в товарных вагонах на путях. Для их охраны они устанавливали дежурства организованной ими самообороны, вооруженной револьверами, добытыми в большинстве случаев с большим риском всякими нелегальными путями. Не раз по ночам дежурные патрули самоотверженно преследовали воров, обкрадывавших вагоны и при этом обычно стреляли в воздух.

11-го декабря утром на ст. Екатеринослав были расклеены об'явления с предложением служащим и рабочим немедленно начать занятия. Об'явления эти сейчас же после расклейки были сорваны. В тот же день около 3-х часов дня станция Екатеринослав была занята войсками. Члены комитета покинули ее без сопротивления. Однако, это занятие еще не означало решительной вооруженной борьбы с забастовщиками. Войска не производили никаких расправ и арестов, а только несли охрану станции и не допускали забастовщиков распоряжаться движением. В виду такого маневра распорядительный стачечный комитет Екатерининской ж. д. начал рассылать свои приказы и инструкции по линии с двух станций, ближайших к Екатеринославу, к западу и востоку, со ст. Горяиново и со ст. Нижнеднепровск, расположенных в заводских предместьях Екатеринослава. Коалиционный боевой стачечный комитет ответил на маневр начальства лишь постановлением прекратить отправление и прием поездов на ст. Екатеринослав до тех пор, пока станция не будет очищена от войск. А чтобы это постановление было ссуществлено, он распорядился разобрать путь

между Горяиновым и следующей станцией к западу, Диевкой. Об этой мере было сообщено начальнику службы движения с заявлением, „что движение будет открыто, если ст. Екатеринослав будет очищена от войск".

На эти меры военное начальство ответило такой же дипломатической мерой и, по его приказу, были разобраны пути от ст. Екатеринослав до ст. Нижнеднепровск, и движение поездов действительно прекратилось.

В бюллетене стачечного комитета от 13-го декабря было сообщено, что на призыв начальника дороги стать немедленно на работу, под угрозой расчета, рабочие ответили отказом. Боевой стачечный комитет при этом об'являл, что ни один рабочий не может стать на работу впредь до особого распоряжения комитета.

В управлении дороги с 8-го декабря никаких занятий не происходило.

Таким образом, в Екатеринославе обе стороны вели себя более или менее пассивно, ожидая разрешения событий в других местах, где они имели более острый характер.

Начиная приблизительно с 15-го декабря, забастовочное настроение здесь быстро пошло на убыль, так как стало известно, что на многих железных дорогах забастовка уже прекратилась. В номере 924 „Русских Ведомостей" от 19-го декабря появилось сообщение, что бюро всероссийского ж.-д. союза решило окончить политическую забастовку и послало по всем линиям ж. д. следующую телеграмму: „на основании соображений, которые вслед за сим будут опубликованы в газетах, центральное бюро союза, признавая настоящий момент соответственным для перехода к парламентской борьбе, об'являет окончание ж.-д. забастовки и призывает товарищей приступить к работе с 19-го декабря; бюро рекомендует товарищам энергично готовиться к предвыборной кампании для проведения своих представителей в государственную думу".

Таково было к двадцатым числам декабря положение екатеринославских железнодорожников.

В каком положении находились екатеринославские власти в период декабрьской забастовки можно определенно судить по докладу екатеринославского губернатора от 7-го декабря 1905 г. за № 10.052. В нем он писал министру внутренних дел, что положение настолько серьезно, что безотлагательно необходимо не только в интересах губернии, но и значительной части государства, принять предлагаемые им меры. На первом месте он ставил необходимость немедленного увеличения военной силы в пределах губернии. Он писал, что о дополнительной присылке войск уже много раз просил настоятельно высшее военное и гражданское начальство. А теперь губерния ослаблена посылкой из Екатеринослава на беспорядки в Севастополь Симферопольского полка в пол-

ном составе. Губернатор предупреждал „что беспорядки в Екатеринославской губернии могут отразиться на многих местностях России, получающих отсюда уголь, хлеб, соль и многочисленные продукты фабрично-заводского производства, кроме того, сотни тысяч рабочих из многих мест империи находят здесь постоянный крупный заработок и являются кормильцами своих семейств, не имеющих возможности прокормиться на родине“... „Донецкий каменноугольный район“,—писал дальше губернатор,—„расположенный почти всецело во вверенной мне губернии, является ныне одним из самых серьезных пунктов России в смысле снабжения минеральным топливом, в виду того, что бакинские нефтяные промыслы значительно ослабели, а Домбровский каменноугольный район от забастовок долго бездействовал“.

Но еще больше беспокоило губернатора другое обстоятельство, а именно: „большинство предприятий губернии принадлежит иностранным компаниям, убытки коих, в случае погромов, несомненно, будут пред'явлены к возмещению нашему правительству, как равно и возможные личные убытки значительного числа иностранцев, служащих в этих предприятиях“. Дальше губернатор сообщил, что „в губернии повсеместно происходит сильное брожение среди крестьян, перешедшее в аграрные беспорядки в Верхнеднепровском уезде“. По этим причинам губернатор просил дополнительно командировать ему на время, „до полного успокоения“, не менее полка пехоты и трех эскадронов или сотен кавалерии и немедленно возвратить 133 пехотн. Симферопольский полк из Севастополя.

„Убежденно удостоверяю“,—вопил он в конце этой части своего доклада,—„что наличных военных сил недостаточно в течение зимы, т.-е. до апреля, когда новобранцы станут в строй; а наибольшая необходимость в войсках, несомненно, окажется с февраля, т.-е. с начала полевых работ и обширных аграрных захватов и погромов“. Дальше губернатор писал, что необходимо немедленно распустить по домам из войсковых частей всех нижних чинов, призванных из запаса.

Необходимо усилить наблюдение за произведениями периодической печати, а то „после издания манифеста 17-го октября многие периодические издания как местные, так и получаемые из других мест переполняются статьями революционного характера. Широкое распространение газет в народе вызывает самые разнообразные толки и вносит смуту в мирное доселе население“... „Для успешной борьбы с этим злом в порядке закона 24-го ноября сего года необходимо немедленное назначение в город Екатеринослав отдельного цензора, на вакансию, остающуюся незамещенной уже очень продолжительное время“.

Как на одну из мер успокоения губернатор указывал еще на „необходимость немедленного увольнения из войск земских

начальников и чинов полиции, призванных из запаса по мобилизации".

Дальше в этом докладе указывалось, что следует отсрочить время, назначенное для явки новобранцев к воинским начальникам для отправления в войска, в виду обнаруженного брожения среди новобранцев.

Но самым центральным местом этого доклада, не менее важным, чем требование о присылке войск, было обращение к высшему начальству с просьбой раз'яснить ему, как собственно надлежит понимать манифест.

„Хотя манифест 17-го октября не отменил положения об усиленной охране", — писал губернатор, — „но отсутствие вполне ясных и точных указаний со стороны министерства повидимому ставит в затруднение чинов жандармской полиции. Деятельность их, равно как и охранных отделений, за последнее время проявляется более слабо. Не имея оснований отнести это к индивидуальным качествам личного состава, я такое положение дела об'ясняю вероятным отсутствием общих руководящих указаний, скорейшее издание коих поэтому необходимо".

Дальше губернатор просил командировать в Екатеринослав машинистов из состава ж.-д. баталионов.

Таково было положение и настроение екатеринославского губернатора в день получения известия о начале всеобщей забастовки, т.-е. 7-го декабря, а 22-го декабря 1905 г., т.-е. немедленно по окончании забастовки и по восстановлении телеграфного сообщения, екатеринославский губернатор послал председателю совета министров графу С. Ю. Витте следующую телеграмму:

„На телеграфный запрос вашего сиятельства о положении дела в губернии докладываю: общее положение губернии тревожное. В Екатеринославе и на заводах беспорядков и столкновений с войсками не было, магазины торгуют, трамваи и электричество действует, часть стачечного комитета арестована, большинство рабочих склонны работать, заводы стоят вследствие отсутствия угля из-за забастовки железной дороги. Много случаев обезоружения полиции, гордовой убит. С возвращением Симферопольского полка посланы войска по линии Екатерининской дороги занять узловые станции и прекратить произвольное и восстановить правильное движение. При занятии станции были столкновения с жертвами в Александровске, Горловке и Гришине. Харьково-Севастопольская дорога возобновила движение, Екатерининская, вероятно, возобновит на днях. В Верхнеднепровском уезде погромы затихают, там 12 дней вице-губернатор с войсками. Войска неоднократно действовали оружием, были жертвы, грабители задерживались, награбленное отбиралось. Местная полиция усилена из других уездов. В прочих уездах аграрные беспорядки незначительны,

но идет сильное брожение агитаторов крестьянского союза, главари задерживаются. Почтово-телеграфные чины работают. В Государственном банке и в казначействах усиленно брали вклады. Губерния внезапно в ноябре лишилась трех полков: Симферопольский и Еникальский экстренно посланы на мятеж в Севастополь, Бердянский из запасных распущен в отуск. Многократно и безуспешно просил министерства военное и внутренних дел и командующего войсками добавить войск; значительное увеличение военной силы считаю крайне необходимым. Согласно указаниям министерства внутренних дел губерния об'явлена на военном положении, хотя я дважды докладывал, что малочисленность войск лишает эту исключительную меру действительности. Дважды в ноябре в Петербурге я лично докладывал о необходимых мерах, при немедленном проведении коих я вполне надеялся без военного положения сохранить порядок в губернии. Затем дважды посылал чиновника с личным докладом к министру об этих мерах, но вследствие забастовки дорог он возвращался.

Позволяю себе доложить вашему сиятельству, что за два года службы в Екатеринославе я непрерывно болел местной малярией, осложненной острым катарром кишек, что заставило меня в начале ноября решиться просить перевода в одну из центральных губерний. Сознание ответственности за порядок и руководительство делом не позволяли мне оставить службу в тревожное время. За передачею генерал-губернатору ответственности и руководства, я просил управляющего министерством освободить меня по болезни от должности губернатора. Убедительно прошу ваше сиятельство доложить государю императору, что лишь полная невозможность работы во вредном для меня климате при изнурительной малярии и отказ в переводе меня в центральную губернию могли заставить меня в настоящее время просить об увольнении от должности екатеринославского губернатора, несмотря на горячее желание служить царю и отечеству".

Этот доклад и телеграмма екатеринославского губернатора, показывают, что в его лице екатеринославские забастовщики имели противника, у которого не было возможности вступать с ними в решительную борьбу посредством вооруженных сил. Он желал быть в стороне от событий, и еще после первой забастовки начал ходатайствовать, чтобы его перевели из Екатеринослава или уволили.

По отношению к событиям в Екатеринославе эти документы об'ясняют, почему они прошли так бескровно.

III.

Станция и посад Нижнеднепровск.

Нижнеднепровск представляет из себя большой заводский центр, в котором находились центральные мастерские Екатерининской ж. д., большой штампажный завод, большой железоделательный завод бывш. русско-бельгийского о-ва и много других. Забастовка началась здесь с утра 8-го декабря. Общая картина ее была такая же, как и в Екатеринославе, т.-е. на заводах и в мастерских ж. д. раздались тревожные гудки, и рабочие высыпали из них с красными флагами и собрались на станции, куда прибыл украшенный революционными флагами поезд из Екатеринослава. Начался митинг, закончившийся пением марсельезы и многотысячной демонстрацией.

На ст. Нижнеднепровск образовался местный забастовочный распорядительный комитет, который тотчас же начал проводить согласно инструкции общепринятый порядок частичного движения и установил дежурство телеграфистов.

Дальше митинги и собрания на ст. Нижнеднепровск происходили почти непрерывно. Все события текли своим естественным ходом соответственно общему настроению и положению, создавшемуся на Екатерининской ж. д. Местной особенностью было разве только то, что заводская молодежь не могла оставаться совершенно пассивной во время этой забастовки, и группа нижнеднепровской самообороны решила и настойчиво провела разоружение всех жандармских унтерофицеров и всех городовых и чинов местной полиции. В самом деле, очень странно было видеть всех этих лиц, являвшихся с оружием на станцию и могущих в будущем выступить с донесениями о деятельности тех или других лиц своему начальству. Терпеть их подле себя во время забастовки, в разгар этой, хотя и пассивной, но напряженной борьбы, было бы нелепостью. Между тем, привыкши быть хозяевами в стране, они не сдавались и выступали как бы символами будущих судов и расправ. Понятно, что их всех обезоружили. Одних тут же на станции, других на квартирах. Замечательно, что ни над одним из них не было при этом совершенно никаких насилий.

Эта мера в обвинительном акте тоже об'яснялась исключительно подстрекательством и угрозами агитаторов и комитетчиков, которым будто бы „никто из благомыслящих служащих станции не мог противодействовать, так как они имели при себе оружие".

Из отдельных эпизодов здесь следует отметить следующее:

Когда со станции Гришино была получена телеграмма о посылке в Александровск боевой дружины на помощь в случае столкновения с войсками, то на ст. Нижнеднепровск была быстро сформирована и направлена с особым поездом дружина из 38 человек. Вооружены они были револьверами и шашками, отобранными у жандармов и полицейских, двумя винтовками, самодельными пиками, сделанными в кузнице из сортового железа, нарубленного в виде прутов длиною аршина по два и отточенных с одного конца. По утверждению обвинительного акта, ничем впрочем неподтвержденному и непроверенному, эта дружина повезла с собою в Александровск 20 бомб. Она участвовала там в бою и несколько человек из нее были убиты, и между ними рабочие Трусилов и Шишко. Когда эта дружина возвращалась после разгрома назад в Нижнеднепровск, за ней следовали по пятам в особом воинском поезде части 133 пех. Симферопольского полка. Чтобы не быть захваченной, она разобрала путь между станциями Илларионово и Игрень, соседней с Нижнеднепровском. Однако, не желая производить крушения воинского поезда, а стремясь только задержать его и уйти от преследования, дружинники не конспирировали разборки пути, и он был своевременно исправлен. Приехав в Нижнеднепровск, дружина рассеялась.

18-го декабря ст. Нижнеднепровск была занята войсками и „беспорядки" прекратились.

IV.

Станция Ясиноватая.

Все события, происходившие на ст. Ясиноватой, обвинительный акт изображал, как результат деятельности необычайно энергичных и в своем роде сатанински настроенных агитаторов с соседней станции Авдеевки. Если бы не эти авдеевские гастролеры, то, по обвинительному акту, выходило, что в Ясиноватой все было бы тихо и смирно. Но „авдеевские агитаторы" сочли нужным приехать в Ясиноватую, и „путем агитации привели ясиноватовцев к убеждению в том, что улучшение их материального положения невозможно без изменения политического строя государства, а потому прежде всего необходимо общими усилиями ниспровергнуть существующее правительство, что возможно лишь путем присоединения к предстоящей всеобщей забастовке".

Согласно обвинительному акту, до их приезда ясиноватовцы негодовали на делегатов, которые, кроме экономических требований, занимались еще и политикой. Но авдеевские агитаторы так их возбудили, что, когда 8-го декабря на ст. Ясиноватой была получена из Екатеринослава депеша с требованием начать забастовку, то достаточно было предложить по аппарату служащим ст. Ясиноватой „немедленно примкнуть к забастовке", чтобы большинство, „совсем нежелавшее бастовать", испугалось телеграммы, в которой было сказано: „г о р е т о м у, к т о н е п р и м к н е т к з а б а с т о в к е", и, после митинга в казарме для ремонтных рабочих, об'явило, что все служащие ст. Ясиноватой присоединяются к забастовке. Правда, по причине тесноты помещения казармы „не ясно было настроение большинства, но забастовка немедленно началась".

Общая картина забастовки на ст. Ясиноватой изображалась в обвинительном акте в таком виде:

„Захватив власть, станцию со службами, подвижной состав, паровозы и ж.-дор. телеграф, председатель и члены комитета устранили законную администрацию и терроризировали благомыслящих служащих и всех не сочувствовавших им. В средствах не стеснялись, при чем открыто заявляли,

что смирят непокорных и принудят их к повиновению самыми крайними мерами. Они грозили также тем, что для расправы пригласят авдеевский боевой комитет, в распоряжении которого, как всем было известно, находилось много оружия".

Вследствие деятельности тех же авдеевских агитаторов местному фельдшеру „Гриценко и его единомышленникам удалось, еще задолго до декабрьской забастовки, вооружить значительную группу служащих для защиты, как они говорили, себя от хулиганов, которые, будто бы, разбили одну из соседних станций, Макеевку", хотя на Макеевке действительно в свое время был погром, как и на других станциях. Но авдеевские агитаторы продолжали упорно распространять слухи о, будто бы, предстоявших погромах станций и достигли того, что у них создалась целая толпа вооруженных людей. Эта самооборона из заводской молодежи разоружила на Ясиноватой всех жандармских унт.-офицеров и местных стражников, и из этого оружия был создан склад в одной из будок для стрелочников. Тут хранились две солдатские винтовки, 6 охотничьих ружей, 4 шашки, охотничьи патроны и дробь. Этот арсенал дополнили еще самодельные пики, сделанные в кузнице ясиноватовского депо из железных прутьев.

Помимо этой деятельности по созданию самообороны, главной работой агитаторов в первые дни забастовки, как и на всех других станциях, было непрерывное проведение митингов, на которых присутствовали обычно не только станционные служащие и рабочие и жители поселка, но много крестьян из окрестных деревень. В своих речах ораторы утверждали, что арестами второго декабря правительство „посягнуло на права населения и свободы, дарованные манифестом 17-го октября" и „попутно обвиняли министров и вообще высшее правительство в казнокрадстве", а также говорили, „что войска в Манчжурии и в Екатеринославе перешли на на сторону народа".

Из этого описания обвинительного акта совершенно очевидно, что на ст. Ясиноватой происходило приблизительно то же, что и в Нижнеднепровске, и события здесь должны были закончиться таким же естественным путем, как в Нижнеднепровске и Екатеринославе, когда забастовка вообще в России пошла на убыль, и центральное бюро ж.-дор. союза об'явило о необходимости приступить к работам. Но в Ясиноватой этого не случилось. Здесь разыгрался совершенно неожиданно очень трагический эпизод, в котором был убит командир 12-ой роты 280 пех. Балаклавского полка шт.-капитан Карамышев. Это был решительный боевой офицер, который не хотел, подобно Екатеринославскому губернатору и всем другим властям, играть пассивной роли, уклоняясь от столкновений с забастовщиками или даже притворяясь сочувствующим

движению, как это делали тогда многие другие лица его положения. Карамышев или не понимал происходивших событий, или слишком переоценивал свои военные возможности.

9-го декабря утром он прибыл на станцию Ясиноватую с ротой солдат, которой командовал. Так как в то время через все станции проходили отдельные воинские части, то ее прибытие не произвело большого впечатления. Рота заняла продовольственный пункт, расположенный по близости от станции, и здесь ничто не изменилось с ее прибытием. По-прежнему происходили митинги, на которых присутствовали и солдаты из ее состава, и отправлялись паровозы и поезда только по распоряжению стачечного комитета. Речи, которые произносились на митингах шт.-капитану Карамышеву, повидимому, были нестерпимы. Рота его состояла по преимуществу из запасных и, по его выражению, была „отчаянная". Солдаты, добиваясь увольнения с действительной службы в запас, пьянствовали, учиняли буйства и, кроме того, пред'являли начальству различного рода требования. „Командиру роты шт.-капитану Карамышеву", по утверждеению обвинительного акта, „железною рукой удавалось сдерживать их и заставлять нести службу, но местные и приезжие агитаторы не упускали представлявшихся случаев для развращения нижних чинов. Тогда шт.-капитан Карамышев решил пресечь агитацию в самом ее корне".

За 4 дня пребывания на ст. Ясиноватой (с 9-го по 13-е декабря) он успел приобрести себе определенную репутацию человека, с которым нельзя поладить и вызвал против себя общее раздражение и возмущение. Между прочим, с Карамышевым был такой случай: он потребовал как-то себе паровоз и вагон для поездки на ст. Скотоватую. Не желая с ним сталкиваться, комитет подал ему паровоз с вагоном. Карамышев сел в него с вооруженным отрядом солдат. Тогда машинист отказался его вести и заявил, что вооруженных людей, согласно инструкции, перевозить нельзя. Карамышев вызвал из вагона солдат, сел с ними на паровоз и заставил силой везти себя.

13-го декабря в 10 часов утра, собрав на станции человек 150 служащих, шт.-капитан Карамышев об'явил им, что с этого момента весь район об'является на положении усиленной охраны. Он запрещает какие-либо сборища и требует, чтобы все служащие слушались своих начальников и прекратили всякие беспорядки. Никаких комитетов он, капитан Карамышев, не признает и не допустит, чтобы кто-нибудь, помимо законной администрации, распоряжался движением поездов. Всякая же попытка противодействовать его распоряжениям будет подавлена оружием. Распустив собрание, он поставил часовых у входа на станцию, у кассы и в аппаратной комнате телеграфа.

При такой решительности Карамышева комитет должен был или сдаться или, наоборот, заставить сдаться самого Карамышева. Соотношение сил совершенно очевидно для комитета было такое, что сдаваться ему не было никакой надобности. Вопрос заключался только в том, как наиболее ловко и безболезненно дискредитировать ретивого шт.-капитана перед его нижними чинами. Еще в собрании, созванном Карамышевым, председатель комитета потребовал от него бумаги, на основании которой он об'являет положение усиленной охраны. Тот замялся, а потом предложил навести справку у губернатора. Уже этим простым маневром авторитет капитана был так подорван, что он сейчас же после расстановки часовых, на всякий случай, увел свою роту в продовольственный пункт, где она квартировала, в полуверсте от станции. Вскоре после этого на Ясиноватую прибыл воинский поезд с запасными солдатами, которые были в очень приподнятом настроении. Комитет тотчас же устроил митинг, и с участием запасных была организована очень шумная манифестация с протестом против об'явления станции на положении усиленной охраны. Участникам манифестации комитетом было предложено обезоружить выставленных Карамышевым часовых. Но те уперлись. Не желая совершать над ними насилия, их убеждали сдать оружие и уйти добровольно с постов, но часовые просили комитетчиков их не трогать, чтобы они не попали под суд за сдачу оружия. С своей стороны, сами они тоже никого не тронут, и с этого момента их присутствие ничуть не мешало комитету проводить забастовку. Однако, вид их явно раздражал толпу, и кончилось тем, что толпа манифестантов просто оттеснила часовых с постов, и они возвратились в казарму. На этом весь инцидент мог бы и закончиться, но капитан Карамышев был упрям и нестерпел такого дискредитирования своей власти. Тотчас же он явился на станцию со всей своей ротой в боевом порядке и, громко крича, потребовал, чтобы все разошлись. Но толпа не только не исполнила этого, а ответила насмешками. Тогда с целью напугать демонстрантов шт.-капитан Карамышев скомандовал роте „пальба". Толпа и после этого не разошлась. Тогда он и фельдфебель обнажили шашки и бросились с ротой на толпу—разгонять ее прикладами. Безоружная толпа отступила, грозя солдатам и Карамышеву кулаками и обливая его площадной бранью.

„Никому из ж.-дор. служащих и рабочих во время удаления не было причинено ни смерти, ни увечия",—так выражался обвинительный акт о результатах этого побоища, но, конечно, у многих пострадали и бока, и физиономии, и общее раздражение было доведено до крайней степени. Машинист воинского поезда, стоявшего на станции, по требованию комитетчиков, начал давать тревожные гудки. Тогда Карамышев

сам, с несколькими солдатами, вскочил на паровоз и стащил машиниста и его помощника и „собственноручно надавал ему оплеух“, как было сказано в обвинительном акте.

Рассеяв толпу, он немедленно увел свою роту в казарму на продовольственный пункт и приказал солдатам обедать и ложиться спать и отдыхать, прибавив, что вечером снова придется итти на станцию, так как ожидается приезд авдеевской боевой дружины. Повидимому, он ясно понимал, что его борьба с комитетом только начинается, но отнесся к этому довольно легкомысленно. Более осторожный фельдфебель предложил ему выставить посты для охраны, но Карамышев ответил пренебрежительно, что люди устали, и что нет необходимости охранять себя от этой сволочи Согласно показанию фельдфебеля, внесенному в обвинительный акт, Карамышев, будто бы, тогда же сказал ему, „что он жалел православных людей, а потому не приказал стрелять“. По отношению к авдеевской боевой дружине, повидимому, он предполагал принять иные меры. Затем Карамышев и его рота пообедали и улеглись спать: рота в казармах продовольственного пункта, а Карамышев в особом домике при нем из четырех комнат, в одной из которых помещался он сам, в другой зауряд-прапорщик с своей сожительницей, в третьей два рядовых и в четвертой была кухня.

На станции же в это время происходило следующее. Воинский поезд с запасными солдатами ушел. К платформе был подан новый паровоз и тревожными гудками собрал ясиноватовскую самооборону. Весь комитет под охраной ее отправился в Авдеевку. Перед отправлением на станции их окружала толпа и кричала им, чтобы они торопились. В Авдеевке ясиноватовцы застали дружинников со ст. Гришино. Было созвано экстренное заседание и на нем решено немедленно ехать и общими силами разоружить роту Карамышева. Дружинники наполнили 4 вагона и в 4-м часу дня отправились в Ясиноватую. Под'езжая, они остановились у семафора и отправили разведку. Узнав, что на продовольственном пункте все отдыхают и спят, они решили действовать немедленно, с тем, чтобы дело обошлось бескровно. Их паровоз с вагонами быстро подошел к станции без всяких свистков и сигналов при закрытом семафоре. Дружинники бросились на часовых у телеграфного аппарата, у кассы и у входа на станцию и моментально их обезоружили без всякого сопротивления. Через несколько минут после этого к станции также без всяких сигналов подошел поезд с боевыми дружинами со ст. ст. Дебальцево и Мушкетово. Всей этой операцией командовал гришинский учитель Динега, человек очень решительный и волевой, бывший одним из вождей движения и погибший впоследствии в горловском бою. Разоружив часовых, а кстати и станцион-

ных жандармских унт.-офицеров, Динега усадил дружинников обратно в поезд и тот задним ходом направился к продовольственному пункту, отстоявшему, как сказано, в полуверсте от станции. У воинской платформы, против казармы продовольственного пункта, их поезд остановился. Динега немедленно окружил казарму дружинниками, укрыл их за вагонами и ж.-д, насыпью. Сам же взял с собой человек 20 и быстро направился к домику, где помещался шт.-капитан Карамышев. Беспрепятственно войдя туда, Динега разбудил его и предложил сдаться, забрав предварительно все его оружие. Этот ловкий маневр должен был бескровно закончить всю операцию разоружения роты, и сначала все шло хорошо. Капитан Карамышев как будто понял безнадежность положения и заявил, что он сдается; но затем, уже во дворе, воспользовавшись тем, что ему поверили, он вдруг закричал своим солдатам: „в ружье!" и поднял тревогу. Тогда, окружавшие его дружинники, произвели по нему несколько выстрелов из револьверов. Все это произошло мгновенно, никто не отдавал себе отчета, а Карамышев упал смертельно раненый в сердце. От крика „в ружье!" и выстрелов проснулись солдаты, спавшие в казарме, но из 45 человек их выбежало наружу лишь пять-шесть. Они стали беспорядочно стрелять; дружинники им отвечали; но эта стрельба сразу прекратилась, как только солдаты поняли, в чем дело. При этой пальбе было ранено легко два человека. Дружинники кричали: „Братцы, зачем же вы в нас стреляете, мы в вас стрелять не будем". Затем солдаты присоединились к дружинникам, и начались общие об'ятия и поцелуи. Солдаты двинулись с ружьями на станцию, сели в поезд и вместе с дружинниками уехали в Авдеевку, под красным флагом, на котором был лозунг: „Да здравствует социализм!". Впоследствии солдаты показывали, что оружие у них было отобрано насильно во время переезда из Ясиноватой в Авдеевку, но в действительности они, конечно, отдали его добровольно. В Авдеевке солдат встретил председатель комитета. Им была предложена закуска в буфете, и после угощения их отправили в Екатеринослав, где они уже безоружные, явились к воинскому начальнику. А у авдеевской дружины осталось от них 53 винтовки.

После была составлена опись имущества шт.-капитана Карамышева, при чем в сумке оказалось 400 рублей. Они были отданы на хранение его подчиненному зауряд-прапорщику.

Все это, как сказано, разыгралось 13-го декабря, при чем все события шли необычайно быстро одно за другим. Вся ст. Ясиноватая в этот день с самого собрания, созванного Карамышевым, была до крайности возбуждена, но никто решительно не думал и не предполагал вступать с ним в бой. Всем казалось, что Карамышев разыгрывает более или менее легко-

мысленный фарс. Все понимали, что его солдаты очень ненадежны и при решительном столкновении изменят ему. Динега собирал сравнительно большие силы дружинников для того, чтобы обеспечить исход операции без всякого сопротивления. Когда Карамышев сдался, то беседа с ним пошла в таких мирных тонах, что казалось, что все кончено. И если бы не его совершенное безумие и безнадежная выходка на дворе продовольственного пункта с диким воплем: „в ружье", которого большинство спящих солдат через стены и закрытые в зимнее время окна не могли даже услышать, то он, несомненно, остался бы жив и невредим. Но Карамышев с самого утра, что называется, лез на рожон.

Это была первая кровь, пролитая во время забастовки на Екатерининской ж. д. Стало ясно, что больше не будет такого спокойного занятия станций войсками, какое было 11-го декабря в Екатеринославе, 12-го в Нижнеднепровске, да и в той же Ясиноватой, когда явился туда 9-го декабря с своей ротой злосчастный штабс-капитан Карамышев. Динега и все другие комитетчики, да и рядовые дружинники, после этого понимали, что всякое появление войск будет означать кровавое столкновение. Все должны были готовиться к этому и решать сдаваться ли без борьбы и скрываться, т.-е. считать движение проигранным или сопротивляться с оружием в руках, хотя всем было очевидно, что дружинники воевать с организованными войсками неспособны. Успеха можно было ожидать только в случае перехода войск на сторону революции, и все старались культивировать в себе эту надежду и поддерживать ее в других. Главное же не был еще известен исход восстания в Москве, и сдача до разрешения московских событий, казалась прямой изменой народному делу. В таком настроении все с отчаянием начали готовиться к встрече войск и к бою, который неизвестно еще где должен был разыграться.

14-го декабря днем, председатель яксиноватовского комитета явился из Авдеевки с инструкцией, по которой он должен был разгромить продовольственный пункт, чтобы в нем не могли быть вновь размещены воинские части для борьбы с забастовщиками. Он взял с собой нескольких дружинников, и они быстро разбили в щепы двери и окна и сломали печи этого здания.

По отношению к телу шт.-капитана Карамышева ясиноватовский комитет принял все меры, чтобы оно было погребено согласно христианским обрядам. Его отправили в соседнее село Землянки с просьбой к местному священнику предать его земле, при чем были даны даже деньги на похороны, но священник без распоряжения начальства хоронить его не решился.

Штабс-капитан Карамышев был военным чиновником, не понимавшим положения, азартным и легкомысленным служакой,

не терпевшим подрыва воинской дисциплины. Едва ли он думал, что борется с железнодорожниками за самое существование самодержавного государственного строя. По его натуре и привычкам ему был непонятен и невыносим „беспорядок", и он прекращал его своими мерами, и потом спокойно спал, не слишком рассуждая о том, к чему эти события могут привести и какой в них политический смысл. Карамышев его просто не искал и им не интересовался и погиб жертвой своего легкомыслия.

Характерной также чертой, свидетельствовавшей о своеобразной лойяльности, была забота о деньгах, оставшихся после Карамышева. Замечательно, что не только эти деньги, но и вообще все казенные деньги, которые попадали в руки комитетчиков не только на Ясиноватой, но и на всех других станциях из касс, от артельщиков, от грузоотправителей или поступали от случайных пассажиров, а также всякое другое казенное имущество и даже револьверы и шашки, отобранные во время забастовки у жандармов и полицейских чинов, были все сохранены, и с окончанием забастовки возвращены по принадлежности.

Разгромив 14-го декабря продовольственный пункт, ясиноватовские комитетчики захватили остававшегося на нем подчиненного Карамышева зауряд-прапорщика, а на станции двух жандармских унт.-офицеров, о которых им стало известно, что они ездили на ст. Скотоватую, чтобы сообщить в Бахмут по начальству о всем случившемся накануне. Их посадили в вагон и свезли в Авдеевку,—как говорили, для суда. Все трое в вагоне, конечно, очень струсили и жандармы потом рассказывали на следствии, что им, будто бы, грозили расстрелом или сожжением в паровозной топке. В действительности этот суд явился только новым доказательством отмеченной лойяльности ж.-д. забастовщиков. Судей было 7 человек. Карамышевскому зауряд-прапорщику они предложили возвратить сданные ему на хранение деньги его погибшего начальника и затем ехать на родину; но тот заявил, что он уже отправил деньги в Мариуполь воинскому начальнику, а ехать на родину он не хочет. Тогда судьи просто отпустили его без всяких условий, хотя всем было очевидно, что на случай будущего судебного дела это был один из самых опасных свидетелей.

Жандармским унт.-офицерам суд задал вопрос, что побудило их ехать на ст. Скотоватую сообщить начальству в Бахмуте об убийстве Карамышева и о разоружении солдат. Они отвечали, что боялись „служебной ответственности", если бы не сделали этого. Председатель суда на это сказал им:—„Ну, значит, вы против народного движения", и ушел совещаться с судьями. Вот тут-то, в ожидании приговора, жандармы и подслушали, будто в совещательной комнате кто-то предлагал

сжечь их в паровозной топке; но кончилось дело тем, что их отпустили обратно в Ясиноватую и приказали безвыходно сидеть в своих квартирах и не показываться ни на станции, ни в поселке.

Этот суд состоялся 15-го декабря.

16-го декабря в Ясиноватой стало известно о том, что в Горловке драгуны стреляли в рабочих, и что дружинники готовятся дать войскам отпор. Были получены телеграммы с вызовом со всех станций всех дружин для решительной борьбы. В тот же день через Ясиноватую проследовал поезд, в котором, по утверждению обвинительного акта, было до 760 вооруженных ружьями и пиками дружинников. Все ехали в возбужденном состоянии. Пели марсельезу. Кричали „ура" и всячески подогревали себя. Однако, настроение было мрачное, а у многих прямо отчаянное. Все уже понимали безнадежность предстоявшей борьбы и ехали, главным образом, по чувству долга. Около 2-х часов ночи 17-го декабря прошел через Ясиноватую в Горловку санитарный поезд и навел на всех еще более мрачное настроение. В Горловку отправилась и вся ясиноватовская дружина. При проводах ее станция была переполнена служащими и шахтерами. От'езжавшие убеждали шахтеров присоединиться к ним, но без успеха. Перед от'ездом говорили речи, клялись, пели марсельезу, кричали „ура". Когда дружинники уехали, на станции стихло и настроение стало еще мрачнее. Утром 17-го декабря пришла весть, что в Горловке идет бой. Затем пронесся слух, что из Екатеринослава идут туда на подкрепление войска. Все почувствовали катастрофу и стали готовиться к расправам. В аппаратной комнате были уничтожены все катушки и тетради с комитетскими печатями и вообще вся компрометирующая корреспонденция. Все кто мог скрыться—скрылись.

Вскоре затем прибыли на ст. Ясиноватую войска и „порядок был восстановлен", как говорилось в обвинительном акте, т.-е. начались обыски и аресты, но все это производили не военные, а полицейские власти. Ни погромов, ни расстрелов не было. Репрессии не обращались в террор.

V.

Станция Авдеевка.

Описание событий на ст. Авдеевке обвинительный акт начинал издалека. После октябрьской забастовки на ст. Авдеевке в общественном собрании чуть ли не каждый день служащие обсуждали свои экономические нужды. Сборищами их руководили делегаты, избранные в октябре. Дальше обвинительный акт устанавливал личность этих делегатов и обвинял их в демагогии и в очень хитрой агитации в пользу учреждения самообороны. „На собраниях они неоднократно говорили о том, что предстоит вторая железнодорожная забастовка, что поэтому следует ожидать нападения шахтеров, которые будут мстить за то, что останутся без работы вследствие ж.-д. забастовки". При этом, как и в других местах, обвинительный акт стыдливо умалчивал о жестоких черносотенных погромах, свежее воспоминание о которых действовало несравненно сильнее всяких агитаторов. Наконец, на собрании 27-го ноября „вследствие этой агитации" некоторая часть служащих решила учредить самооборону. Тотчас же был обсужден вопрос о приобретении оружия. Сначала хотели покупать только револьверы. Но затем один из машинистов сообщил, что военное начальство распродает в городе Павлограде старые берданки по 3 р. 70 к. за штуку. Этот случай решили использовать. Но, как сказано в обвинительном акте, „вопрос о приобретении оружия для самообороны разрешился только после 4 декабря. В этот день, около 9 часов вечера, на ст. Авдеевка началась паника вследствие полученной телеграммы из Очеретино о том, что ст. Макеевка сожжена, Ясиноватая горит, а Авдеевка окружена хулиганами; в этой телеграмме рекомендовалось собраться и принять меры, так как „дело не шуточное".

На станции начался переполох, которым, как сказано в обвинительном акте, „воспользовались агитаторы". Они отправились в общественное собрание и стали собирать оружие, сносившееся туда населением станции и поселка. Оружие принималось и записывалось. Тогда же, после переговоров со ст. Гришино, было решено послать помощь в Ясиноватую для

защиты служащих, „при чем из Авдеевки должны были поехать 50 самооборонщиков".

Снесенное оружие хранилось в общественном собрании в комнате под сценой. Там же хранилась теплая одежда для патрулей, выданная смотрителем склада по записке начальника депо. Ее выдавали по мере надобности. Патрули высылались днем и ночью для охраны жителей, станции, поселка и грузов. В патрулировании принимали участие многие служащие ст. Авдеевки, при чем, отправляясь в наряд, получали из общественного собрания оружие и теплую одежду, которые затем сдавали туда же.

Забастовка на ст. Авдеевка началась 8-го декабря, немедленно после получения телеграммы из Москвы. Первыми забастовали телеграфисты, а за ними, конечно, „по подстрекательству приезжих агитаторов и делегатов", и остальные служащие и рабочие. О присоединении к забастовке была послана по всей линии телеграмма за № 1258; в ней авдеевские служащие „клялись или пасть костьми или добиться свободы путем ниспровержения самодержавия и насилия". Текст этой телеграммы был прочитан и принят на митинге в общественном собрании.

Как только была об'явлена забастовка, движение прекратилось. Делегаты захватили в свою власть станцию, подвижной состав, паровозы и ж.-д. телеграф и заставили начальника станции и других старших служащих подчиняться им беспрекословно. К 10-му декабря для управления станцией из делегатов был образован распорядительный комитет, он же и комитет самообороны.

На приобретение оружия для самообороны были собраны пожертвования с жителей и торговцев поселка.

В первых числах декабря в распоряжение самообороны, по одной версии, как сказано было в обвинительном акте, „было немного охотничьих ружей и револьверов, взятых у служащих и жителей поселка, а по другой—до 500 ружей и 300 револьверов". Для приобретения оружия ездили в Екатеринослав, в Ростов и Харьков.

В ночь на 11-ое декабря начальнику самообороны был сдан транспорт оружия в количестве около 100 разных систем револьверов с патронами. Затем были привезены берданки в числе до 50 шт. Наконец, для пополнения вооружения были сделаны пики. Из материального склада в кузницу было доставлено 31 пуд железа, которое разрубили на куски по $2^1/_2$ арш. Один конец заострили, а на другом сделали кольцо. Кроме того, авдеевская самооборона получила из Горловки часть найденного там динамита.

Одновременно с этой напряженной и очень хлопотливой деятельностью по охране поселка, станции и грузов и по вооружению самообороны в общественном собрании ежедневно

один за другим происходили митинги, на которых делегаты и приезжие ораторы открыто призывали к вооруженной борьбе с правительством и доказывали, что после переворота будет жить лучше.

Вскоре после начала забастовки был получен печатный бюллетень боевого стачечного комитета, в котором предлагалось обезоруживать станционных жандармов и проезжавших воинских чинов. Станционные жандармы, которых до этого приказа из Екатеринослава, никто не тронул, были, конечно, разоружены. Это происходило совершенно так же, как и на других станциях, т.-е. у них только отбирались шашки и револьверы, но персонально их не трогали. А они или сидели по своим квартирам и собирали там данные и улики для будущего судебного дела или даже разными путями строчили и посылали донесения своему начальству о происходившем и просили присылки войск и помощи.

Таким образом, выходило, что, хотя власть на месте была захвачена или, лучше сказать, местная правительственная власть сама собой свалилась или исчезла, захватчики ее, призывавшие на митингах к борьбе с правительством вооруженной рукой, совершенно не знали, что им делать с той властью, которая вдруг оказалась в их руках, и оставляли своего противника готовиться к нападению на них и к их разгрому. Ожидая вестей об исходе событий в столицах и крупных центрах, они лишь ловили своими телеграфными аппаратами всякие смутные слухи о них. Единственно, что они ясно и твердо сознавали—это свой долг поддерживать борьбу, которая шла в столицах, и поддерживали ее, как могли.

Из отдельных эпизодов этой своеобразной революционной борьбы на ст. Авдеевка любопытны следующие моменты:

11-го декабря кто-то из дружинников, просматривая в товарной конторе документы на прибывший груз, заподозрил одну накладную с надписью „антрацит". Вагон с этим антрацитом был вскрыт и в нем оказалось больше 200 ящиков патронов для солдатских винтовок, отправленных с Луганского патронного завода. Часть из них была взята в арсенал авдеевской дружины в общественном собрании, а остальные отправлены в Гришино и Дебальцево местным комитетам.

С 12-го декабря,согласно полученной инструкции, авдеевские дружинники стали разоружать жандармов, солдат и офицеров. Часа в три в этот день через авдеевку проезжали 8 солдат 12-й роты 280 пехотн. Балаклавского полка, отправленных шт.-капитаном Карамышевым из Ясиноватой в Херсон в качестве больных. Повидимому, это были люди, от которых их начальство просто спешило избавиться. Когда дружинники потребовали от них оружия, они выдали его с полной готовностью. Вся сцена разоружения прошла в самых дружеских

тонах и закончилась совместным посещением буфета. Между тем обвинительный акт инкриминировал ее участникам, как одно из явно мятежнических действий, и в результате уличенные рисковали применением к ним висельных статей закона.

В тот же день проезжали через Авдеевку какие-то казаки в числе 30 человек. Вероятно, это были запасные, распущенные по домам. Сцена с казаками должна была пройти в таких же приблизительно тонах, но тут вышло осложнение. Как известно, в царское время казаки должны были являться на службу на собственном коне, в собственной амуниции и вооружении. У проезжавших в вагоне, конечно, никаких коней не было, но при них были их собственные шашки, и казакам было жалко расставаться с ними. Однако, председатель комитета приказал дружинникам отобрать их. Казаки уступили при обещании дружинников, что шашки запишут и возвратят, запросив боевой стачечный комитет в Екатеринославе. Таким образом было отобрано 16 шашек, а к вечеру пришла телеграмма распорядительного стачечного комитета Екатерининской ж. д., в которой сообщалось циркуляром по всей линии до Ростова, что шашки казаков представляют их личную собственность и форму, а потому отобранию не подлежат. Очевидно, и распорядительный комитет стремился избегать недоразумений между забастовщиками и воинскими чинами.

Таким же порядком, без всяких осложнений, было отобрано три шашки и револьвер у проезжавших мимо офицеров. При этом ни один из них ничуть не пострадал, по отношению к ним не было проявлено никакой враждебности и совершенно так же, как при разоружении нижних чинов, не был забыт по этому случаю станционный буфет. Кстати сказать, не только авдеевский буфет, но и вообще все буфеты на всех станциях, за исключением моментов скопления на них большого количества запасных, ничуть не бастовали, а наоборот—поддерживали забастовку, можно сказать, обратным способом—очень усиленной работой, которая вносила оживление среди митинговавших непрерывно пассажиров, застревавших надолго на узловых станциях из-за прекращения правильного движения пассажирских поездов. В тот же день во время митинга в общественном собрании были отобраны шашки и револьверы у жандармского унт.-офицера. У другого жандарма и у стражников оружие было взято на квартирах.

Для усиления средств на покупку оружия авдеевским комитетом было решено отобрать выручку у сидельца казенной винной лавки и у начальника почтовой конторы. Но один из них заявил, что сдал деньги приставу для взноса в государственный банк в Юзовке, а другой просто отказался. Взять у него деньги силой дружинники не решились и назначили ему срок для добровольной сдачи, но в указанный срок за деньгами не явились.

Но самым характерным эпизодом за время, протекшее до горловского боя, было следующее столкновение с драгунами 13 декабря, около часу дня, вблизи Авдеевки. В степи показался взвод драгун под командой корнета. Эта военная прогулка была предпринята властями, повидимому, с целью рекогносцировки, а может быть при удаче и для занятия ст. Ясиноватой, с тем, чтобы ликвидировать движение, как это было сделано в Екатеринославе и в Нижнеднепровске. Жители донесли комитету. Последний поднял тревогу паровозными свистками, на которые тотчас же собрались вооруженные дружинники. При в'езде драгун в стационный поселок один из комитетчиков обратился к драгунам с речью, в которой убеждал их повернуть обратно и „не лезть в кашу".

— Куда вы едете, братья-товарищи?

Но драгуны продолжали свой путь по поселку. Тогда комитетчик подскочил к корнету, командиру взвода, и схватил его лошадь за поводья.

— Куда едешь? Стой!—кричал он офицеру, и, обращаясь к драгунам, предлагал им сдаться.

Корнет, смущенный и не знавший, что ему предпринять, злобно крикнул ему.

— Уходи прочь! Тебя не трогают, и ты не трогай.

Но тот не отпускал лошади. Тогда офицер пришпорил ее и, повернув на комитетчика, сбил его с ног и поехал дальше.

Упавший поднялся и начал ругаться. Вокруг него собралась толпа и, провожая офицера с драгунами, кричала корнету:

— У нас так делать нельзя!

На крик сбежались поселковые жители, и драгуны оказались окруженными со всех сторон. Корнет приказал драгунам вынуть шашки и расчистить себе путь для отступления. Но те шашки вынули, а толпы не атаковали. В это время навстречу драгунам выехал верхом на лошади во главе всей дружины председатель комитета, у которого в руке был револьвер системы Наган. Под'ехав вплотную к корнету, командиру взвода, председатель спокойно, но твердо сказал ему:

— Господин корнет! Не принимайте решительных мер. Иначе будет кровопролитие и с вашей и с нашей стороны.

Офицер как будто послушал его и, скомандовав солдатам: „в ножны", повел взвод дальше.

Обрадованная этим толпа закричала „ура". Мальчишки начали свистеть. Кто-то из жителей поселка предупредил драгунского унт.-офицера, что они могут нарваться на бомбы. Тогда корнет повернул свой взвод обратно и, скомандовав „рысью", повел его к выезду в степь. В это время кто-то повис на узде у одного из драгун. Солдаты бросились к нему и отбили товарища. Тогда толпа стала хватать за поводья лошадь корнета. Тот замахнулся шашкой. В ответ раздался

выстрел из берданки, вслед за которым весь взвод драгун поскакал в степь; в догонку им раздалось несколько выстрелов. По обвинительному акту их было до 50. Но стреляли, очевидно, в воздух. Никто не был ранен. Драгуны, уходя, не отвечали. И все обошлось благополучно, только при невыясненных обстоятельствах оказалась раненой одна строевая лошадь, которую солдаты пристрелили.

Этот кавалерийский рейд в Ясиноватую с очень ничтожными силами всего одного взвода должен был показать начальству, что его наличные военные силы недостаточны для немедленной вооруженной борьбы с забастовщиками. Оно это поняло и до прихода войск из Екатеринослава никого ни трогало.

С своей стороны, авдеевские дружинники не преследовали драгун. Но случай с драгунами и неожиданная беспорядочная стрельба по ним заставила насторожиться. Казалось, что противник должен немедленно предпринять репрессии. Чтобы встретить его отпором, авдеевцы немедленно вызвали к себе на помощь боевую дружину со ст. Гришино и она прибыла в Авдеевку.

Но не успели еще пережить и оценить происшедшего столкновения с драгунами, как из Ясиноватой товарищи потребовали помощи для описанного выше разоружения роты Карамышева. Приехавшие в Авдеевку ясиноватовские комитетчики рассказали о маневре, предпринятом этим офицером, и привели всех в крайнее волнение. Положение было трудное. С одной стороны, необходимо было помочь ясиноватовцам, а с другой—самим казалось необходимым готовиться к новому натиску. Надо было действовать быстро, пока части противника не соединились вместе. После краткого совещания было решено ехать в Ясиноватую и разоружить там роту Карамышева. И около трех часов все собравшиеся дружинники отправились в Ясиноватую и разоружили там 12-ую роту Балаклавского полка. Затем все вернулись в Авдеевку и привезли с собою разоруженных солдат. Накормивши их, отправили с поездом в Екатеринослав, а сами организовали в Авдеевке шумную демонстрацию с марсельезой и красными флагами, которая на время очень подняла общее настроение.

На другой день, 14-го декабря, в Авдеевку с'ехались боевые дружины со многих станций. Вожди этих дружин весь вечер этого дня провели в совещаниях. Одновременно принимались все меры, чтобы узнать планы и намерения противника. Всем казалось, что ближайший натиск его будет предпринят на поселок и станцию Гришино. Поэтому 15-го декабря все дружины, собранные в Авдеевке, отправились, во главе с руководителем гришинской дружины — учителем Динегой, на ст. Гришино; но 16-го декабря стало известно, что столкновение с войсками, которое должно было иметь решительный характер, готовится

в поселке при ст. Горловке, и все дружины 16-го декабря направились туда. Там 17-го декабря разыгрался бой с войсками, окончившийся решительным поражением железнодорожников и рабочих.

Отправляясь в Горловку, все уже предчувствовали роковой исход событий, ибо к этому времени, хотя и смутно, всем уже было известно о неудаче движения в столицах. Поезд, увозивший из Авдеевки дружинников в Горловку, отходил с огромным красным плакатом с девизом: „Смерь или свобода!“ и „Да здраствует свобода!“.

С утра 18-го декабря войска заняли ст. Авдеевку, и „порядок был восстановлен“, как значилось в обвинительном акте в виде припева к описанию событий на каждой станции.

Начались обыски и аресты.

VI.

Станция Горловка. Горловский машиностроительный завод, рудники Южно-Русского общества промышленности.

Станция Горловка была единственным местом на всей Екатерининской ж. д., где забастовка перешла в подлинное восстание, закончившееся открытым боем с войсками. С самых первых дней после манифеста 17-го октября события, происходившие здесь, имели более глубокое содержание и несколько другой внутренний смысл, чем на большинстве других станций, (исключая Гришино, Енакиево и их поселки). В Горловке находятся одни из самых больших и самых старых рудников Донецкого бассейна, принадлежавшие тогда Южно-Русскому обществу промышленности. Здесь же имеется большой машиностроительный завод. Поэтому Горловка представляет собой большой поселок, в котором сосредоточено много заводских и рудничных рабочих. Среди них с давних пор велась революционная пропаганда и, естественно, рабочие играли преобладающую роль по сравнению с ж.-д. служащими. Здесь сразу, еще с октября месяца, выдвинулись на первый план требования о передаче рабочим фабрик и заводов. Обвинительный акт приписывал выставление их энергичному и талантливому революционеру - организатору и пропагандисту Зубареву-Кузнецову, а не той готовой и восприимчивой среде, в которой он работал. Зубарев-Кузнецов, будто бы, использовал настроение рабочих в своих целях, когда в действительности он только угадывал его и отчетливо формулировал давно знакомые и давно усвоенные распрогандированными рабочих требования, под знаком которых в окончательном итоге и прошла русская революция.

— Если собственники не желают отказаться от части своего дохода для поддержания нормального хода работ в тяжелое время,—говорил Зубарев-Кузнецов,—то рабочие могут силой заставить их это сделать, ибо завод создан потом

и кровью рабочих и должен составлять их, а не капиталистов, неотъемлемое достояние.

Или дальше:

— Единственный путь, идя которым рабочие могут добиться улучшения своего экономического положения, состоит в том, чтобы низвергнуть правительство, созвать учредительное собрание и поставить во главе выборных от народа.

Распропагандированные Кузнецовым железнодорожники произносили горячие речи, „в коих призывали собравшихся поддержать всеобщую политическую забастовку и возбуждали к борьбе с правительством для немедленного ниспровержения его и отобрания земель, заводов, рудников и фабрик у помещиков и капиталистов".

Такого рода требования играли в Горловке главную роль и поднимали революционное настроение несравненно сильнее, чем все призывы к сохранению свобод, дарованных манифестом 17-го октября. Они же при первом столкновении с заводской администрацией привели к открытому восстанию и упорному бою с войсками. Только участие в событиях значительного числа рабочих машиностроительного завода дало дружинникам возможность рассчитывать на сопротивление двинутым в Горловку войсковым частям.

С другой стороны, именно горловские события должны были привлечь внимание Столыпина и побудить его к таким тяжким репрессиям, каким за декабрьскую забастовку железнодорожники по суду нигде не подвергались, ибо военная расправа Ренненкамфа и Меллера-Закомельского на Сибирской ж. д. была простым военным налетом, следовавшим непосредственно за событиями и была рассчитана только на немедленное прекращение забастовки. В данном же случае террор был пущен в ход через три года после событий, повидимому по инстинктивному ужасу перед социальной революцией, призрак которой уже тогда вставал в событиях, подобных горловским.

Внешняя последовательность их представляется в следующем виде:

Еще 1-го декабря, т.-е. еще за неделю до железнодорожной забастовки, директор машиностроительного завода, бельгийский инженер Лоэст, об'явил рабочим, что вледствие „беспорядков", происходивших в России, в делах завода наступил кризис. Заказчики не платят денег за исполненные заказы, торговли изделиями завода нет, и поэтому завод не может итти прежним ходом. Полагая, что кризис временный, дирекция завода не хочет рассчитывать рабочих, но должна сократить производство. Вместо рабочего дня в 10 часов об'является 6-часовой с соответствующим уменьшением заработной платы на 40%. Рабочие, подавленные в первый момент этой мерой, согласились было работать на новых

условиях, но затем их настроение быстро и резко изменилось. Эту перемену обвинительный акт приписывал агитации Зубарева-Кузнецова. Рабочие прекратили работы, организовали митинг и демонстрацию с пением марсельезы. В ответ на это появилось об'явление директора завода, что те рабочие, которые не согласны работать по 6 часов с соответствующим понижением заработной платы, приглашаются получить через две недели, т.-е. 17-го декабря полный расчет.

Одновременно с забастовкой на заводе началось движение и на рудниках Южно-Русского о-ва промышленности. Хотя работы на них не были прекращены, но по вечерам в здании рудничного училища стали ежедневно происходить собрания и митинги, на которых обсуждалось общее политическое положение и все вопросы местной борьбы с рудничной и заводской администрацией.

В таком состоянии готового каждую минуту разразиться взрыва застала Горловку телеграмма с призывом начать вторую всеобщую политическую забастовку. Можно представить себе, как она подняла и накалила и без того возбужденное настроение. Получена она была вечером 8-го декабря. Всю ночь работали гектографы и пишущие машины. И еще до зари на станции, на заводе, на рудниках и по всему поселку были расклеены афиши, приглашавшие рабочих и служащих станции, завода и рудников и всех жителей поселка на общий митинг в станционном здании, который должен был начаться в 10 часов утра. С раннего утра 9-го декабря на станции и вокруг нее толпилось много народа. Затем в зале II-го класса состоялся очень многолюдный митинг. Помещение не вмещало всех желавших присутствовать. Очень многие оставались во дворе и на платформе. На митинге читались телеграммы из Москвы, Екатеринослава и с разных станций Екатерининской ж. д. Ораторы призывали всех сплотиться в решительной борьбе с правительством. Представители рудничных и заводских рабочих делали заявления, что они об'единяются с железнодорожными служащими и будут поддерживать их. Эти заявления встречались восторженными одобрениями.

После митинга работы на станции прекратились. Пропускались только проходившие в этот день поезда. Вечером часов в 8 в том же зале состоялся новый митинг, на котором одних рудничных и заводских рабочих и железнодорожных служащих было не меньше 2.000 человек, и они заполняли все смежные помещения станции. На этом митинге ораторы доказывали, что все должны поддерживать начатую по всей России всеобщую политическую забастовку в целях немедленного ниспровержения правительства и „возбуждали к отобранию земель, заводов, рудников и фабрик у помещиков и капиталистов". Здесь же было постановлено прекратить с 12 часов ночи всякое движение поездов. На этом же митинге

был избран распорядительный комитет, который немедленно вступил в управление станцией.

„С 10-го декабря",—как значилось в обвинительном акте,— „ст. Горловка со службами фактически перешла во власть забастовщиков, а законная администрация станции была устранена и вместе с благомыслящими служащими терроризирована забастовщиками"...

В тот же день явился в Горловку с Петровских заводов другой вождь Ткаченко-Петренко, талантливый и непримиримый революционер, представлявший в процессе другую равнозначущую с Зубаревым-Кузнецовым фигуру. По утверждению обвинительного акта „распорядительный комитет ст. Горловки по всем вопросам управления станцией совещался с ними обоими, а также с делегатами от заводских и рудничных рабочих". Иными словами, движение в Горловке, начатое еще раньше заводскими рабочими, продолжалось теперь соединенными силами всех его участников. Его несомненными вождями здесь стали Зубарев-Кузнецов и Ткаченко-Петренко, опытные и очень твердо настроенные революционеры. К ним впоследствии присоединился еще учитель Динега (со ст. Гришино), убитый потом в горловском бою, человек также очень большой революционной воли и настроения, хотя, может быть, и не обладавший таким, как они, революционным тактом и выдержкой.

При таких общих условиях и при таких вождях совершенно понятно, что горловские события в революционном смысле должны были далеко оставить за собой не только то, что происходило на других станциях Екатерининской ж. д., но и далеко опередить такой большой промышленный центр, как Екатеринослав.

Из отдельных событий в Горловке надо отметить следующее:

Интересным моментом здесь надо считать грандиознейшие митинги, происходившие на станции у пакгаузов в течение 10-го и 11-го декабря, на которых присутствовало тысяч до 5-ти, а может быть и больше, заводских и рудничных рабочих, масса окрестных крестьян, приезжавших в Горловку на базар, а главным образом для того, чтобы узнать, „что делается на свете". Чтобы облегчить крестьянам участие в митингах, железнодорожники в эти дни снаряжали особые поезда по всем рудничным веткам и развозили их участников по домам. Основной темой ораторов был тезис о необходимости вооруженной борьбы с правительством.

Как общий припев ко всем речам, обвинительный акт утверждал, что „на этих митингах говорилось о необходимости отобрать в пользу народа вообще и рабочих в частности помещичьи, монастырские и кабинетские земли, а также рудники, заводы и фабрики".

Очень заботили комитет во все время забастовки отношения с шахтерами, представлявшими весьма горючий, но и очень ненадежный материал, который, как казалось, в некоторой своей части мог быть использован противником для организации погромов. Так, когда была об'явлена ж.-д. забастовка, то рабочие заводов и служащие рудников немедленно присоединились к забастовавшим железнодорожным служащим. Тогда Зубарев-Кузнецов собрал на одной из частных квартир заседание комитета с делегатами от рабочих и служащих завода и рудников и здесь решительно заявил, что забастовка на заводе и на рудниках начата неожиданно и совершенно несвоевременно, что вообще рудники и заводы Донецкого бассейна в этот момент не бастуют, и потому, оглядываясь на своих товарищей, рабочие рудников и заводов в Горловке могут сорвать забастовку. Кроме того, шахтерам необходимо заработать денег с тем, чтобы ехать на родину на праздники, и забастовка может вызвать среди них очень нежелательные осложнения. В виду этого Зубарев-Кузнецов предложил забастовку на заводе и рудниках немедленно прекратить и об'явить, что она была организована с демонстративной целью, чтобы выразить сочувствие и оказать поддержку железнодорожникам. После этого собрания утром работы на заводе и на рудниках возобновились, а железнодорожная забастовка на ст. Горловка продолжалась своим порядком.

Еще должно быть отмечено происшествие с 5-ой ротой 136 пехотн. Таганрогского полка. Вечером 12-го декабря эта рота неожиданно прибыла на ст. Горловку в то время, когда на ней никого не было, и начальник станции разместил ее в зале I и II классов. Среди забастовщиков это вызвало протесты. Молчаливо терпеть занятие такой позиции, как станционное здание, вооруженными солдатами они не могли. Пребывание на станции вооруженной войсковой части должно было или немедленно вызвать вооруженное столкновение или повлечь сдачу и отступление. В первый момент комитет принял „дипломатическую" меру. Он приказал станционным сторожам не топить печей в зале, вылить керосин из ламп, не ставить самоваров и запереть все служебные помещения, и одновременно послал начальнику 34 пехотной дивизии, в распоряжении которого находилась эта рота, и Бахмутскому исправнику, а также жандармскому ротмистру следующую телеграмму: „требуем немедленно убрать войска со ст. Горловки, во избежание кровавого столкновения". В ответ на это начальник дивизии вечером 13-го декабря распорядился отправить роту на ст. Никитовку в 6 верстах от Горловки, но комитет отказался дать ей поезд. Тогда она отправилась в Никитовку пешком.

В виду такого маневра начальства на следующий день, 14-го декабря, комитету пришлось организовать поездку в Ни-

китовку. Утром 14-го декабря в Горловку прибыл оттуда поезд с красными флагами, с которым приехало человек 50 служащих ст. Никитовки в очень повышенном и тревожном настроении и потребовали подкрепления. Тогда горловский комитет собрал своих ораторов и кое-кого из дружинников и все вместе отправились в Никитовку. Там они организовали огромный митинг совершенно беспрепятственно, так как оказалось, что выступившая туда рота ст. Никитовки не заняла, а прошла куда-то по неизвестному направлению. По окончании митинга горловские забастовщики вернулись к себе обратно.

Деятельность горловского комитета по вооружению дружинников также весьма любопытна.

Еще задолго до забастовки заводские рабочие собирали деньги на вооружение и создали самооборону на случай нового нападения хулиганов. Это было тем легче сделать, что торговцы, лавки которых были разграблены в октябре месяце, охотно жертвовали им деньги на приобретение оружия. Для организации самообороны собирались также деньги среди заводской администрации и служащих. Таким образом в Горловке была создана довольно большая дружина.

Зубарев-Кузнецов не уставал собирать деньги на самооборону и по его поручению это производилось на каждом митинге. Кроме того, среди конторских, рудничных и заводских служащих было собрано 609 рублей. 100 рублей было получено даже от директора машиностроительного завода Лоэста. 300 рублей, как выяснено было на следствии, были получены из станционной кассы у начальника станции под оставленную ему взамен денежную расписку. Сколько денег было собрано с торговцев и жителей поселка, осталось не выясненным, так как они, естественно, конспирировали свои пожертвования, боясь судебной ответственности. Затем был снаряжен паровоз со специальным вагоном, в котором два члена комитета ездили в Таганрог покупать оружие, доставлявшееся туда контрабандой из-за границы. Они вернулись в Горловку, но привезли с собой только часть купленного ими, потому что по дороге дружинники ст. Харцызск другую часть оружия выпросили для себя. Затем, как и на других станциях, играли большую роль охотничьи ружья, собранные со всего поселка, и самодельные пики.

Приведенный подсчет сумм и оружия надо считать далеко неполным. Все скрывали на следствии свое участие, да никто точно и не знал количество имевшегося вооружения. Одно только несомненно, что свое вооружение горловцы считали недостаточным и слабым по сравнению с дружинами станций Гришино и Авдеевка.

VII.

Горловский бой.

Хотя, как описано выше, все складывалось так, что рабочие Донецкого бассейна и бастовавшие служащие Екатерининской ж. д. роковым образом должны были вступить в открытую борьбу с посылавшимися против них воинскими частями, но до самого последнего дня никто не знал, как и где разыграется сражение. Для него нужен был повод. Нужен был какой-то провокационный случай, от которого участники событий должны были вспыхнуть, как порох, и броситься в бой, на успех которого ни у кого из них не могло быть обоснованной надежды.

Этот повод был создан, с одной стороны, директором машиностроительного завода, бельгийским инженером Лоэстом, а с другой — местным полицейским приставом Немировским, которого в течение всего движения стачечный комитет не трогал, как бы забыв принудить его удалиться из Горловки вместе со станционными жандармами, подобно тому, как и общая жандармская полиция долго оставалась нетронутой забастовщиками и на всех других станциях.

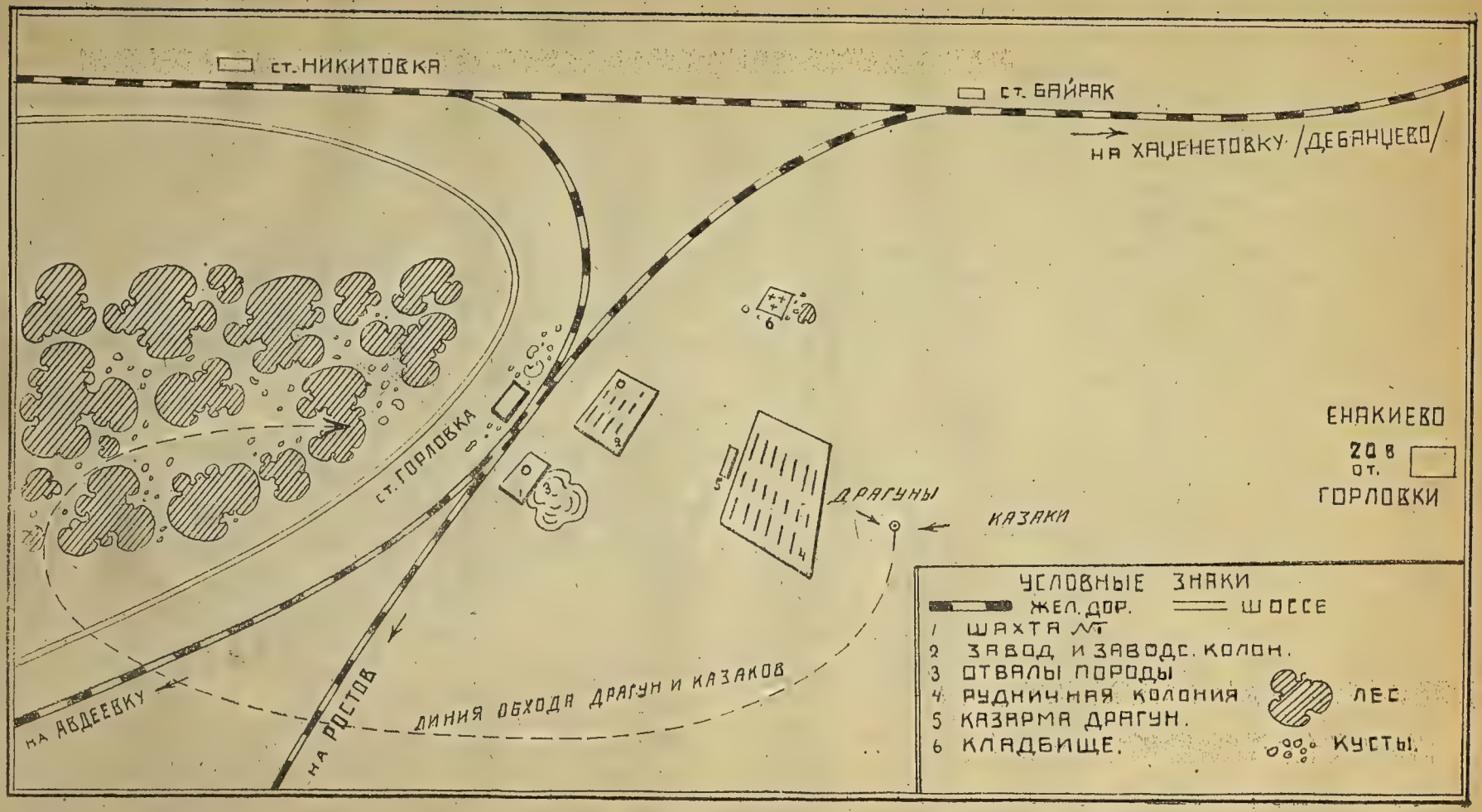
Накануне 17-го декабря, т.-е. того дня, когда по об'явлению Лоэста должны были быть рассчитаны все рабочие, не желавшие принять 6-часового рабочего дня с сокращением платы на 40%, Зубарев-Кузнецов и сорганизованные им рабочие решили заставить Лоэста отказаться от этой меры. Часов в 11 утра Кузнецов со своими единомышленниками, в числе около 20 человек, явился в контору завода и прошел прямо в кабинет Лоэста. Последний сначала хотел было увильнуть от переговоров и сбежать из кабинета, но рабочие закрыли двери, и он вынужден был об'ясниться с Зубаревым-Кузнецовым. Пока происходили эти об'яснения вокруг конторы собралось человек 400 рабочих. Зубарев-Кузнецов пред'явил от имени их всех требование отказаться от расчета не подчинившихся приказу директора рабочих и продолжавших работать на прежних условиях. Лоэст заявил, что он согласен и постарается уладить дело со своим правлением. Впоследствии, на допросе у следователя и в суде, Лоэст уверял, что

он никогда не думал серьезно исполнить это требование, а согласился на него только потому, что был вынужден под угрозой насилий над собой. Рассказывали, что, будто бы, когда Лоэст отказался удовлетворить требование, Зубарев-Кузнецов схватил его за лацканы или даже за горло. Повидимому, кто-то из служащих завода дал знать по телефону приставу Немировскому о происходившем в кабинете Лоэста. Очень быстро завод оказался окруженным нарядом полиции во главе с приставом и отрядом драгун в 90 человек, которые постоянно квартировали в Горловке и имели там свои казармы. Узнав об этом, рабочие потребовали от Лоэста, чтобы он гарантировал им беспрепятственный выход с территории завода. Лоэст и на это согласился. В сопровождении депутатов от рабочих, бледный, с перекошенным лицом, он вышел к капитану, командовавшему отрядом, и к приставу Немировскому и в присутствии рабочих заявил им, что он согласен на все требования рабочих и пойдет обратно в контору для окончания с ними переговоров. Затем, уже из конторы, Лоэст переговорил еще раз по телефону с Немировским и заявил, что он получил согласие и обещание, что рабочие будут пропущены через заводские ворота без задержки. После этого Кузнецов с Лоэстом во главе всей массы рабочих, находившихся в то время на заводе, направился к воротам, но едва они подошли, как Немировский обратился к рабочим с требованием выдать Кузнецова и отпустить директора, угрожая рабочим стрельбой. Произошла заминка, которой Лоэст ловко воспользовался и быстро перебежал расстояние между воротами и отрядом драгун, окружавшим полукругом выход с завода. После этого Немировский еще раз пригрозил стрельбой, требуя выдачи Зубарева-Кузнецова, и когда в ответ на это раздались негодующие крики, немедленно последовал залп. Несколько человек было убито и около 20 ранено. Рабочие бросились в рассыпную, драгуны их преследовали. У Зубарева-Кузнецова была прострелена рука, но он скрылся. Вечером, в тот же день, он был доставлен товарищами в заводскую больницу к доктору Шошникову, который сделал ему ампутацию руки. А часов около 10 по его инициативе комитет разослал телеграмму по всем станциям, заводам и рудникам Донецкого бассейна, в которой сообщалось о стрельбе в безоружных рабочих, и был призыв немедленно прибыть в Горловку для вооруженного отпора драгунам. В одной из таких телеграмм значилось: — „Енакиево. Боевой дружине. Мы все без оружия, требуем немедленной помощи со всех сторон. Комитет". Ни одна из других телеграмм не была приложена к делу, так как все они были до обысков и арестов уничтожены. Были вызваны боевые дружины со ст. ст. Дебальцево, Енакиево, Ясиноватой, Авдеевки и Гришино.

Очень быстро вслед за этими телеграммами первыми прибыли в Горловку поезда с боевыми дружинами со ст. Енакиево и Харцызск. При этом случилось так, что с поездом харцызской дружины возвратились в своем вагоне ездившие в Таганрог за оружием горловские комитетчики. Очень скоро вслед за двумя этими поездами прибыли дружины со ст. Ясиноватой и Дебальцево. Нужно вообще сказать, что мобилизация дружинников в этот вечер (16-го декабря) происходила с необычайной быстротой, и также быстро они были переброшены в особых поездах со своих станций в Горловку. Таким образом в течение вечера на станцию прибыло около 8 поездов с дружинниками, которые были вооружены револьверами, ружьями и в очень небольшом числе винтовками, отобранными у роты солдат, разоруженной 13-го декабря в Ясиноватой (до 50 штук), берданками, купленными в казенных складах, шашками военного образца и в главной массе самодельными пиками. Общая численность всех собравшихся из различных концов Донецкого бассейна рабочих с разного рода оружием была по единодушному свидетельству участников до 3.000 человек, хотя точного учета их никто не производил. В течение всей ночи на станции шли совещания вождей с'ехавшихся дружин, при чем все сознавали, что вооружение у них весьма плохо и дожидались приезда гришинской дружины, у которой, по общему убеждению, должны были быть винтовки. Надо сказать, что сомневавшихся в возможности успеха было довольно много, и не один из дружинников остался ожидать боя только из чувства долга и товарищеской солидарности. А боевая дружина со станции Ясиноватой, которая еще 13-го декабря так решительно участвовала в разоружении у себя роты шт.-капитана Карамышева, решила, что давать бой с такими силами нельзя, и ночью же вернулась обратно в Ясиноватую. После ее от'езда вожаки остальных боевых дружин долго совещались о том, что делать. На всякий случай, они дали знать на шахты, что не следует опускать в нее утреннюю смену рабочих, так как ожидается сражение.

Наконец, около 7 часов утра 17-го декабря на ст. Горловку прибыли один за другим два поезда, один с гришинской, другой с авдеевской боевыми дружинами. С их приездом настроение сразу поднялось. Было созвано очень короткое совещание. Вслед за ним дружины были разбиты на отряды и решительно двинулись в поселок для нападения на драгунские казармы. Один из этих отрядов занял шахтное здание шахты № 1, второй — эстакаду и отвалы породы около этой шахты, высотой сажен в 10 — 20. Занятые таким образом дружинниками позиции были очень недурно защищены и представляли большие удобства для обстрела драгунской казармы (см. чертеж ситуации горловского боя и вид ст. Горловки, снятый в 1905 г. с трубы надшахтенного здания).

Станция Горловка (Екатерининской ж. д.).



Ситуация боя на ст. Горловка.

На этих позициях расположилась основная масса дружинников, а два небольших отряда двинулись к казарме драгун по Садовой улице и заняли дворы, окружавшие казармы, разместившись за заборами. К 8 часам утра все эти приготовления были закончены, и дружинники вдруг начали обстрел казарм со всех своих позиций. Но так как все эти приготовления на станции шли совершенно открыто, то для войсковых частей это нападение не было неожиданным. Начальник отряда был предупрежден о том, что в Горловку с'езжаются вооруженные дружинники и принял свои меры. Находившийся под его командой отряд состоял всего из одной сводной роты 136 пехотн. Таганрогского и 135 пехотн. Керчь-Еникальского полков, общей численностью в 114 человек, и команда драгун 23 драгунского Вознесенского полка в числе 90 человек. На подкрепление, как выяснилось впоследствии, он вытребовал еще отряд казаков. Едва начался обстрел, как начальник отряда дал несколько залпов по заборам, за которыми засели стрелявшие дружинники, быстро собрался и стал, отстреливаясь, медленно отступать в степь в направлении на Енакиево, расположенное верстах в 20 от Горловки.

Когда войска начали отступать, среди дружинников началось ликование. Этот отход войск они истолковали, как свою победу, и очень усилили огонь по ним, который был уже безвреден вследствие дальности расстояния. Затем часть дружинников бросилась на конный двор и в казармы и разгромили их.

Тем временем войска, выйдя в степь, соединились там с полусотней казаков в составе 60 человек, которая была выслана в помощь им с Петровских заводов. Встреча их произошла в степи, где-то между рудничной колонией и ст. Енакиево. Тогда соединенный отряд сделал глубокий обход и зашел в тыл ст. Горловки через лес, расположенный за нею (см. чертеж и вид). Спешив здесь драгун и казаков, войска повели правильное наступление на станцию, обстреливая ее станционные постройки, мост, перекинутый через ж.-д. пути, и надшахтное здание шахты № 1, где засели и откуда отстреливались дружинники. Под прикрытием обстрела с моста и с надшахтного здания, большая часть дружинников вышла навстречу войскам, и на территории станции произошло решительное сражение, которое часам к 3-м дня окончилось разгромом рабочих. Тогда находившиеся в станционном здании и около него дружинники выбросили белый флаг и послали в качестве парламентера, для установления условий сдачи, вождя гришинской дружины учителя Динегу, (но не доходя линии противника, он был убит. В это время те, кто находились на мосту и в надшахтном здании, пользуясь затишьем, поспешили сесть в стоявшие на станции на готове поезда

и в них быстро разъехались по своим станциям. Те же, кто не успел этого сделать и имели в руках пики, с которыми не было возможности сопротивляться войскам с огнестрельным оружием, сдались. Таких было около 500 человек. Их окружили казаки, поставили на колени и потребовали, чтобы они несколько раз пропели „боже царя храни", а затем отпустили по домам.

Справедливость требует отметить, что казаки и войска не били и не трогали никого из сдавшихся, и очень быстро вместе с драгунами и пехотой и всей полицией ушли из Горловки в направлении на Енакиево. Вместе со сдавшимися дружинниками в станционном здании был окружен войсками импровизированный лазарет, в котором помогали раненым „братья и сестры милосердия". Их тоже никто не тронул и они уехали потом из Горловки в своем санитарном вагоне.

Уезжая в поездах, дружинники увезли с собой большинство раненых и убитых. Поэтому точного числа потерь рабочих в горловском бою установить нельзя, но по подсчету участников событий в ближайшие дни после боя устанавливалась цифра убитых выше 200 человек.

После отъезда дружинников и ухода войск, в течение 4-х дней в Горловке стояла совершенно мертвая тишина. В эти дни были только организованы похороны жертв этого первого вооруженного столкновения рабочих Донецкого бассейна и железнодорожников с войсками, жертв революции. В заводской столовой были собраны тела 26 убитых во время расстрела у ворот завода 16-го декабря и оставшихся на поле сражения. Они были уложены в красные гробы. Подняв на плечи, товарищи несли их в страшную снежную метель на кладбище. А вокруг гробов огромная многотысячная толпа рабочих под дикое завывание метели пела похоронный марш „вы жертвою пали в борьбе роковой"...

Все составлявшие шествие напряженно ожидали каждую минуту нападения, приготовления к которому могли быть легко скрыты в белой снежной мгле.

Никто не знал, куда ушли и вообще ушли ли войска, где они находились и что думало предпринять победившее в борьбе начальство. Только все напряженно ждали репрессий и расправ, и всем казалось, что во время похорон скорее всего могут совершиться новые расстрелы рабочих.

Общая картина была необычайно жуткая, а самый момент опускания гробов в братскую могилу без речей, без пения, в полной тишине, нарушавшейся только заунывными песнями метели, прошел особенно трагично.

Могилу зарыли второпях и не успели еще насыпать над нею холма, как ее засыпала и прикрыла белым саваном вьюга...

И тотчас вся толпа с кладбища уныло разбрелась по своим норам...

VIII.

Станция Никитовка.

Нигде на протяжёнии всего обвинительного акта не обнаруживается с такой рельефностью его наивная и жалкая на современный взгляд идеология, как в описании событий на станциях Никитовка и Енакиево. Здесь все было необычайно хорошо, — так, как должно было быть во всей тогдашней России в мечтах ее правителей. Служащие этих станций были необычайно благомыслящие, считали себя благоденствующими, мирно трудились и спали, несмотря ни на какие происходившие вокруг забастовки. И даже когда „злонамеренные агитаторы" толкали их примкнуть к движению и призывали, то к экономической, то к политической забастовке, они ни за что не хотели их слушать и оставались в блаженстве прежнего неведения и благонамеренности.

9-го и 10-го декабря на ст. Никитовке происходили митинги, собранные двумя „злонамеренными агитаторами", из которых один был местным телеграфистом, а другой — конторщиком. На этих митингах они мутили станционных служащих при содействии жителей пристанционного поселка. Обсуждался вопрос, следует или не следует присоединиться к политической забастовке. Телеграфист и его помощник—конторщик, требовали присоединения и предлагали избрать их в комитет, но благомыслящие служащие отказались от выборов и увильнули от прямого ответа на вопрос о забастовке, предложив послать делегатов на ст. Лозовую, чтобы узнать все как следует, где и что происходит.

11-го декабря неугомонный телеграфист собрал новый митинг и снова требовал немедленной посылки делегатов. Однако, служащие не сдавались и открыто высказывались, „что они не сочувствуют политической забастовке, ибо от нее очень легко перейти к мятежу", и „что они хотят добиваться лишь улучшения своего материального положения". Тогда агитаторы поступили более решительно: они произнесли речи, „в коих доказывали, что прежде всего необходимо низвергнуть правительство, а затем всем будет хорошо". После этого телеграфист читал прокламации преступного содержания (вероятно,

для того, чтобы подкрепить свои слова авторитетом), как, например, „чего хотят люди, ходящие с красными флагами“ и др.

„В конце концов, служащие станции сдались на увещания оратора, но обещали забастовать лишь тогда, когда забастуют Харьков, Лозовая, Славянск“.

Об этом телеграфист и конторщик, бывшие в сношениях с агитаторами соседних станций, поспешили сообщить в Горловку. 12-го декабря оттуда приехал агитатор и говорил на митингах „зажигательные речи“, в „коих призывал немедленно низвергнуть правительство и созвать учредительное собрание“. Речь его „настолько была необузданна, что служащие заволновались и стали спрашивать, „что же будет с царем?“ Заметив это, агитаторы поспешили об'яснить, „что они ведут борьбу не с царем, а с его правительством“.

Тем не менее горловский агитатор „особенного успеха не имел“. Тогда на следующий день, 13-го декабря, явилось из Горловки для агитации сразу человек 20. Они призывали на митинге в театре „к забастовке с тем, чтобы низвергнуть правительство, а кроме того — предлагали вооружаться. Их зажигательные речи заканчивались возгласами: „Да здравствует свобода, братство и равенство! Долой правительство!“ А один из них говорил, „что если никитовские служащие не приступят к забастовке, то горловцы привезут своих рабочих, которые разобьют станцию“.

После этих речей один из ораторов, подметив, что толпа в достаточной степени наэлектризована, вышел вперед и сказал:

„Кто за свободу, за правду, за народ, поднимите руки“.

Все собрание подняло руки.

„Клянитесь победить или умереть!“

Присутствовавшие на митинге поклялись.

„Поклянитесь еще!“

Те еще раз поклялись.

После этого фуражки и шапки полетели кверху и началось пение революционной дубинушки с припевом „добывать себе свободу“...

Вот и весь процесс, посредством которого агитаторы обратили благомыслящих никитовцев в таких же „козлищ“, как они сами. И хорошо бы, если бы одних только служащих. А то на всех митингах, начиная с 8-го декабря, присутствовали жители поселка, расположенного при станции.

Дальше все пошло своим, уже известным читателю, по описанию других станций, порядком. Горловцы настояли на избрании распорядительного комитета; в председатели его попал тот самый телеграфист, а в его помощники — тот самый конторщик, которые были причиною всего зла в Никитовке. Они составили протокол о своем избрании, который оканчивался словами:

„Победить или умереть!"...

После избрания комитета „законная администрация станции была устранена", распорядительный комитет захватил в свою власть станцию, паровозы, подвижной состав, железнодорожный телеграф и фонофор. Станционная касса перестала продавать билеты, а забастовщики стали собирать с проезжавших пассажиров деньги на образование забастовочного фонда и на покупку оружия. Сборы на оружие производились также среди жителей поселка, служащих и рабочих. Затем комитетчики ездили куда-то на юг за покупкой оружия.

Когда станция оказалась занятой 5-ой ротой 136 пехотн. Таганрогского полка, они потребовали ее удаления и послали телеграмму в Бахмут, что удалят ее силой, если начальство само не распорядится убрать солдат. В тот же день, „совершенно независимо от телеграммы", пятая рота 136 Таганрогского полка, получила приказание перейти в Горловку. „Уход роты был истолкован, как уступка со стороны военных властей. Беспорядки усилились".

Как видит читатель из этого описания, никакого рая, населенного людьми, неведающими политического добра и зла, как изображал обвинительный акт, в Никитовке на самом деле не было. Движение и здесь развивалось по тем же самым законам, как и на других станциях. Только в Никитовке не было больших промышленных предприятий и приходилось поэтому прибегать к содействию горловцев, как располагавших большими силами для ведения политической борьбы, что и дало повод составителям обвинительного акта представить массу служащих станции Никитовки в виде верных овец самодержавия. При этом не нужно думать, что обвинительный акт просто наивничал. Нет! Он видел в событиях, то, что ему хотелось видеть. А хотелось, чтобы революции не было, чтобы по всей стране расстилалось благонамеренное болото, по которому там и здесь шатались злонамеренные агитаторы, как охотники за дичью и производили „беспорядки". А если все дело в агитаторах, то, конечно, их жалеть нечего, с ними надо расправиться по-настоящему, ничуть не миндальничая.

Из отдельных эпизодов по ст. Никитовке нужно отметить следующее:

Как раз к 17-му декабря, к тому трагическому дню, когда рабочие дружины были так жестоко разбиты в Горловке, и, разъехавшись по домам, развезли по всей Екатерининской ж. д. свое подавленное, безнадежное настроение,—на ст. Никитовке скопилось значительное количество запасных нижних чинов и рабочих с шахт, получивших расчет и ехавших домой на праздники. Никитовский комитет разогнал свои вагоны и паровозы для мобилизации дружинников к горловскому бою и поэтому

не мог отправить их по назначению. Запасные, возвращавшиеся тогда с японской войны и буйствовавшие на всех станциях, где их задерживали, стали буйствовать и здесь, угрожая расправой комитету. Их поддерживали шахтеры. Положение комитета оказалось критическим, так как движение по существу уже было раздавлено. Тогда никитовский комитет, собрав служащих, об'явил, что он прекращает свою деятельность. На прощание комитетчики убеждали товарищей не падать духом и не считать дело окончательно проигранным, ибо закончившаяся неудачей всеобщая политическая забастовка представляет собой не конец, а лишь один из начальных моментов революции.

Эта речь была произнесена около 5 часов вечера, когда в Никитовку уже приехали дружинники, разбитые на голову в горловском бою.

В подтверждение своей версии составители обвинительного акта привлекали по ст. Никитовке к ответственности только двух названных агитаторов и комитетчиков: телеграфиста и конторщика.

IX.

Станция Енакиево, Петровские заводы и Веровский рудник.

Перейдя, вслед за Никитовкой, к событиям в Енакиеве, обвинительный акт начинает их изложение в той же манере, какую он усвоил, изображая благонамеренную Никитовку; но материал, который давали разыгравшиеся здесь события, никак не укладывался в такие наивные рамки. Поэтому, начав слабым рисунком изображения енакиевского благомыслия, обвинительный акт очень быстро перешел на изображение революционных чудищ, которыми были переполнены, с его точки зрения, Петровские заводы и Веровский рудник.

Тут на первом плане, как это в действительности и было, оказался бывш. литейщик Петровских заводов Ткаченко-Петренко, несомненный революционер и по духу, и по воспитанию, очень талантливый, выдержанный в работе, которого прямо обожали товарищи. Его личность лучше всего характеризуется письмом, оставленным им в конторе тюрьмы перед казнью (см. ниже).

Ткаченко-Петренко работал на Петровских заводах еще задолго до революции 1905 г., а после манифеста 17-го октября ему удалось сплотить вокруг себя значительную часть рабочих этих заводов.

В первые же дни после 17-го октября он от имени рабочих обратился к директору завода с целым рядом экономических требований, которые были выработаны очень тактично, в значительной степени улучшали положение рабочих и были приемлемы для заводоуправления, которое поспешило удовлетворить их. Затем для посредничества между администрацией и рабочими в их нуждах и по вопросам внутреннего распорядка на заводе были избраны от каждого цеха делегаты. Таким образом, наряду с прежней подпольной ячейкой создалась большая легальная организация, которая очень быстро приобрела популярность среди рабочих. Для заседаний делегатов Ткаченко-Петренко добился от администрации завода особого помещения в доме для холостых, а для общих собраний помещения школы.

Обставив такими удобствами свою революционную работу, Петренко стал организовывать регулярно общие собрания всех рабочих завода. „Сначала на них обсуждались экономические нужды рабочих“,—как говорилось в обвинительном акте,—„но скоро характер их совершенно изменился. Собрания обратились в политические митинги, на которых Ткаченко-Петренко и другие приезжие агитаторы из Одессы и из Петербурга стали произносить горячие речи о том, что необходимо вести отчаянную борьбу с правительством, даровавшим 17-го октября свободу, а затем ее отнявшим, что государством управляют самовластно министры и бюрократы. Чтобы их сдержать, необходимо прежде всего низвергнуть существующее правительство и заменить его выборными от народа, на правах учредительного собрания, упразднив при этом всякое начальство и священников... что надо отобрать земли, рудники и заводы у собственников, капиталистов, и проч.“

„На собраниях во время речей водружались красные и черные флаги с революционными надписями, а кроме того, пелись революционные песни: „Марсельеза“, „Вставай, подымайся, рабочий народ“, „Отречемся от старого мира“, „От Алтая до Алтая нет дурнее Николая“, „Николай вином торгует“ и пр., при чем под Николаем разумели священную особу государя императора“.

Уже из этого описания обвинительного акта совершенно очевидно, что никаких благонамеренных овец в Енакиеве не было. Наоборот, здесь подобно Горловке движение сразу выявило свою социальную основу, и составителям обвинительного акта недаром пришлось отмечать в речах ораторов требования отобрания земли, рудников и заводов у собственников и капиталистов.

Меняя далее тон, обвинительный акт переходил на изображение Ткаченки-Петренки и его товарищей самым густыми красками. „По выражению одного из свидетелей, речи Ткаченко-Петренко были в высшей степени грубы и носили разбойнический характер“.

Кроме работы на заводах, Ткаченко-Петренко и его товарищи стали ездить в окрестные деревни для агитации среди крестьян. Одновременно с этим среди рабочих завода „агитаторы стали усиленно распространять слухи о предстоявших, будто бы, погромах и о том, что надо учредить самооборону, которая могла бы отражать нападения“.

Действительно, Ткаченко-Петренко очень усиленно агитировал за учреждение самообороны и постарался, как мог, вооружить ее. В самооборону вошли очень многие рабочие завода. Для нее были куплены револьверы. Из рабочих была создана специальная исполнительная комиссия, у которой было свое постоянное помещение, где хранились тюки прокламаций и нелегальных изданий для распространения среди рабочих. На расходы по пропаганде и вооружению она собирала деньги среди

жителей поселков, рабочих и станционных служащих. Опираясь на самооборону, исполнительная комиссия, руководимая Ткаченко-Петренко, приняла на себя наблюдение за порядком на заводе и во всех поселках, окружавших завод и станцию. Обладая вооруженной силой, она стала фактической властью еще задолго до октябрьских событий. Приблизительно то же происходило и на соседнем Веровском руднике, где после 17-го октября также были избраны делегаты, пред'являлись требования, организовывались митинги и была создана из рабочих своя дружина. Руководителями движения и здесь были Ткаченко-Петренко и его товарищи.

Размалевывая их, обвинительный акт характеризовал их выступления следующими словами: „никакого порядка на этих митингах не было, при чем одновременно вносились и обсуждались самые разнообразные предложения, как, например,— предложение разбить потребительскую лавку и уничтожить царскую семью".

Помимо рабочих, ими были распропагандированы и служащие конторы Веровского рудника. Здесь открыто говорили, „что рабочие хорошо делают, что борются за свободу, и что служащим надо соединиться с рабочими, чтобы низвергнуть существующее правительство и поставить во главе правления выборных от народа".

При таком общем положении и настроении на Петровских заводах и на Веровском руднике совершенно естественно, что 17-го декабря, когда разыгрался бой рабочих Донецкого бассейна с войсками, енакиевские дружинники отправились в Горловку.

Так описываются в обвинительном акте события на Петровских железоделательных заводах, находящихся у самой станции Енакиево. События же на самой станции Енакиево обвинительный акт пытается перелицовать в той манере, в какой сделал это по отношению к ст. Никитовке.

„С об'явлением ж.-д. забастовки 8-го декабря служащие ст. Енакиево не пожелали к ней пристать. Несмотря почти на полное прекращение движения по случаю забастовки узловых станций, служащие являлись на занятия, и станция продолжала функционировать".

Но и здесь, как в Никитовке, нашелся собственный „злонамеренный агитатор". Это был один „из немногих служащих, сочувствовавших забастовке"—станционный конторщик, находившийся в близких отношениях с Ткаченко-Петренко и другими агитаторами. Он собирал деньги на приобретение оружия для самообороны и распространял прокламации и нелегальную литературу. 8-го декабря этот конторщик „пытался уговорить служащих присоединиться к забастовке и подписать принесенную им телеграмму о приступе к ней, но они отказались, и даже пожаловались на него начальству".

„Вообще порядок на ст. Енакиево, усиленно поддерживаемый начальником станции, никем из служащих нарушен не был".

Словом, в Енакиеве в самый разгар декабрьской забастовки продолжалась идиллия мирного общения служащих с начальством. Но и тут случилась та же беда, что в Никитовке.

„13-го декабря вечером на станции паровозы двух поездов, пришедших со стороны Дебальцева, произвели тревогу паровозными свистками". Об этом было сообщено по телефону на завод и оттуда сейчас же явились рабочие, захватив с собой ружья, револьверы и пики, и отправились в Авдеевку, самовольно захватив стоявшие поезда (как знают читатели, они ездили разоружать роту шт.-капитана Карамышева).

„С этого времени",—говорилось в обвинительном акте,— „до поражения боевых дружин войсками в Горловке ст. Енакиево находилась во власти вооруженной толпы рабочих и жителей поселка"...

Вокзал сделался сборным пунктом для всех участников беспорядка, которые толпились там по целым дням, распевая революционные песни. Там же агитаторы, один за другим, произносили зажигательные речи, призывая слушателей „нанести последний удар ненавистному правительству". Таким образом на этот раз порядок был нарушен даже не агитаторами, а просто тревожными свистками двух паровозов, а агитаторы уже потом „воспользовались создавшимся положением".

На станции, как и в поселке, производили сбор денег для боевой дружины. При этом сборщики „позволяли себе вымогать деньги у нежелавших жертвовать добровольно". Затем они стали требовать от начальника станции, чтобы он ходил с ними в поселок для той же цели. Он пробовал отказаться, „но не сумел отделаться и отправился с ними в поселок для сбора денег".

„В ночь на 15-ое декабря уехавшие в Авдеевку вернулись поездами на ст. Енакиево, при чем стреляли из ружей и кричали, что они победили".

„После этой поездки дружинники стали вести себя еще более вызывающе. Они стали кричать, что победа на их стороне, а потому нужно вешать тех, кто к ним не присоединился"...

„Такое настроение рабочих поддерживалось тем, что распускались заведомо ложные и невероятные слухи о текущих событиях. Так, например, передавалось за достоверное, — что государь император в плену у рабочих".

Это было росписью обвинительного акта и характерно здесь только то, что фабрикация этих слухов приписывалась крупному революционеру Ткаченко-Петренко.

15-го декабря рабочие завода стали спешно изготовлять из заводского железа пики.

16-го декабря была получена из Горловки телеграмма с просьбой прибыть для защиты товарищей. Около 2-х часов дня почти вслед за телеграммой со станции Дебальцево прибыли в Енакиево два поезда с вооруженными дружинниками. Они остановились у Петровских заводов и подняли тревогу паровозными свистками. Рабочие тотчас бросили работу на заводе и толпами устремились на станцию. По дороге они разоружали всех жандармов, которые попадались им на пути. Группа рабочих зашла в дом полицейского надзирателя и разоружила его. Другая группа в доме для приезжих отобрала шашку у квартировавшего там офицера. В доме № 31 для холостых у солдат ж.-дор. баталиона, которые жили там, принимая с завода рельсы для казны, было отобрано 6 казенных винтовок. Другой из номеров, где жили солдаты, оказался запертым. Двери его были взломаны, и оттуда взято еще 4 винтовки. Затем все собрались на станции. У большинства в петлицах были красные ленточки.

„Со стрельбой и пением марсельезы, „Отречемся от старого мира“ и других революционных песен, дебальцевский поезд, в который уселись и рабочие Петровских заводов и Веровского рудника, а также и некоторые станционные служащие, отошел в Горловку в 5 часов вечера“.

В 10 часов вечера со станции Енакиево отошел в Горловку второй поезд с рабочими дружинниками, а около часу ночи на 17-ое декабря—третий. Но третий поезд не дошел до Горловки и вернулся обратно, так как командир казачьей сотни разобрал путь вблизи ст. Криничной.

17-го декабря часов около 3-х пополудни в Енакиеве и поселке стало известно о поражении дружинников в Горловке.

Затем в ночь на 18-ое декабря енакиевские дружинники возвратились на завод в двух поездах и пешком. Тогда же выяснилось, что при нападении на войска убиты рабочие Андрей Трубкин, Дмитрий Апостолов, Белоруков, Чернышев и Бодров. Некоторые вернулись с огнестрельными ранами.

Того же 18-го декабря на ст. Енакиево явились казаки, разобрали стрелки и сняли телеграфные и телефонные аппараты.

В тот же день было об'явлено военное положение. Однако, вскоре за этим казаки ушли и никаких репрессий не предпринимали. Аресты и обыски начались на Петровских заводах и в Енакиеве уже в январе месяце.

При обысках, как значилось в обвинительном акте, „было установлено существование Петровской группы Донецкого союза Р.С.-Д.Р.П.“, и было отобрано значительное количество прокламаций этой партии с печатью названной группы, талонные книжки для сбора пожертвований и проч.

X.

Станция Алчевская, Донецко-Юрьевский завод и Жиловский рудник.

При описании событий на ст. Алчевской надо помнить сказанное выше о своеобразной лойяльности железнодорожников, участвовавших в революционном движении 1905 г. Они стихийно были захвачены поднимавшейся волной революции, сознание же их продолжало сидеть в прежних обывательских гнездах. Обвинительный акт совершенно неверно гримировал лица подсудимых, то под злонамеренных агитаторов, то под крепких верноподданных. Чувствуя наличность участия в деле подлинных революционеров, но не всегда умея различать их на основании донесений и показаний жандармских унт.-офицеров, он пускал свой невод очень широко и хватал всех, кто только в него попадался. А унт.-офицеры считали революционерами всех, кто только обнаруживал в эти дни в чем-либо свое неповиновение начальству, а особенно тех, кто имел столкновения лично с ними. От такого способа распознавания революционеров в результате получалась мешанина, в которой судьи, имевшие на глазах очки, рисовавшие им всех подсудимых, как революционных злодеев, не могли разобраться.

Описание событий по станции Алчевской обвинительный акт начинал сообщением, что 8-го декабря с поездом из Дебальцево приехали неизвестные агитаторы, в числе коих был какой-то „блондин", и остановились в трактире поселка. Служащие станции пригласили их к себе на совещание в товарную контору. Затем в тот же день из Москвы и от стачечного комитета Екатерининской ж. д. были получены по телеграфу циркулярные записки о приступе ко всеобщей забастовке. „По получении их, два помощника начальника станции обошли всех служащих и железнодорожных рабочих и приказали забастовать. Многие бросали работы только потому, что опасались насилия".

8-го декабря почти прекратилось пассажирское движение.

С 9-го декабря регулярно обращались лишь поезда № 21 и № 22, назначенные для перевозки рабочих дебальцовским распорядительным комитетом.

11-го декабря на ст. Алчевской по распоряжению стачечного комитета дороги состоялись выборы уполномоченных от служащих для сношения с комитетами других станций.

Все, как будто, шло по выработанному революционному порядку, и комитеты, как будто, уже представляли власть, которой все подчинялись не только за совесть, но и за страх. И вот среди этой-то, как будто, совсем революционной обстановки произошло следующее событие совсем другого порядка. На станцию явился ротмистр, начальник отделения жандармского ж.-дор. полицейского управления, и организовал какое-то совещание с начальником станции в его кабинете. И представьте себе, комитетчики, по словам обвинительного акта, „без приглашения позволили себе войти в ту комнату, в которой находились начальник станции и ротмистр, и, не стесняясь присутствием поименованных лиц, завели разговор, в коем осуждали действия правительства, а затем, выйдя в зал, сказали толпе, что в комнате происходит „совет нечестивых". Под влиянием этого толпа стала вести себя еще более вызывающе и принудила ротмистра „выйти в зал и об'яснить, что он приехал по служебной надобности".

Когда ротмистр потребовал себе вагон с паровозом для от'езда, то сначала было возникло сомнение, следует ли давать их ему, но потом паровоз был подан и ротмистр благополучно уехал.

Что же это революция или нет? Конечно, революция, но революция на провинциальной ж.-дор. станции.

Большой заботой забастовщиков в Алчевской было сохранение во что бы то ни стало казенного имущества станции и особенно грузов. О них они заботились, можно сказать, не щадя живота, и для их охраны, главным образом, и создавали самооборону и вооружали ее.

Наконец, на третьем плане стояли заботы о собственной защите на случай возможного повторения погромов в том роде, в каком они были в октябре во многих станционных поселках Донецкого бассейна, торговое население которых состояло, главным образом, из евреев, а как известно — именно в их адрес и были тогда направлены черносотенные погромы.

Вечером 13-го декабря на станции Алчевской была получена телеграмма о высылке боевой дружины в Авдеевку на помощь. Телеграмма эта вызвала большую тревогу. В железнодорожной школе было созвано собрание служащих и на нем возник вопрос о приобретении оружия. Опасность погрома стала казаться реальной, да и в действительности она

была и чувствовалась каждый раз, когда на станции появлялись запасные или шахтеры. Было очевидно также, что не дремали и хулиганы, имевшие за собой соблазнительный опыт октябрьского погрома, оставленного властями безнаказанным. Все настаивали на необходимости запастись оружием и учредить самооборону.

14-го декабря была вновь получена телеграмма с вызовом боевой дружины на станцию Авдеевку, которую будто бы громили казаки. Тревожными гудками паровоза и звонками по телефону с Донецко-Юрьевского завода и из Жиловского рудника были собраны вооруженные рабочие. В двух поездах они отправились в Авдеевку. В тот же день, в 6 часов вечера, было получено известие, что дружинники „возвращаются с победой". Когда они приехали, их приветствовали криками. Настроение, которое создано было этим событием, обвинительный акт охарактеризовал следующими словами: „польщенные встречей и выражением сочувствия, дружинники тогда же на станции рассказывали, что в Авдеевке они разбили казаков и драгун и обезоружили сдавшихся, и что в Ясиноватой им сдалась рота солдат с пулеметами, при чем ротный командир был убит, а труп его выброшен и валяется на станции; там же они отобрали у солдат три ружья и боевые патроны. По словам дружинников, из Екатеринослава на помощь забастовщикам идут два полка, перешедших на сторону восставшего народа, генерал Трепов убит, комитет министров в плену, граф Витте выехал за границу, а государь император — в Москву".

„Под влиянием этих толков", — говорилось в обвинительном акте, — „ни кем не сдерживаемая и поощряемая агитаторами, толпа стала бесчинствовать. К ней присоединились крестьяне из соседних деревень, которые постоянно толклись на станции".

По этому описанию можно подумать, что день 14-го декабря и следующие на ст. Алчевской были временем буйного торжества революции, что тут совершались какие-то расправы над представителями старого строя. В действительности же ничего подобного не было.

Как пример бесчинства, обвинительный акт указывал, что 16-го декабря на ст. Алчевской были разоружены 8 прибывших с поездом казаков. От них потребовали выдачи оружия на основании распоряжения стачечного комитета. Казаки заявили, что оружия у них нет. Тогда их повели в контору станции для об'яснений с комитетом, а в их отсутствие в оставшихся в вагоне мешках были найдены 2 ружья и 6 шашек, которые и были взяты.

Вторым примером „бесчинств" обвинительный акт выставлял обезоружение полицейского надзирателя и городовых,

которые проезжали в этот день поездом на соседний рудник Золотое.

Совершенно ясно, что самая возможность появления полицейских чинов с оружием среди бесчинствующей толпы совершенно исключена. В такую толпу они не лезли. Если они появлялись среди нее, то только потому, что видели и понимали ее настроение, совершенно безопасное для их личности, и поэтому, не стесняясь „революции", продолжали отправлять свои обязанности „на благо царю и отечеству".

Того же 16-го декабря на ст. Алчевской была получена телеграмма с вывозом боевой дружины в Горловку. Об этом со станции по телефону было сообщено на Донецко-Юрьевский завод, и была поднята тревога паровозными свистками. Когда дружинники собрались, в Горловку были отправлены поезда с вооруженными рабочими и станционными служащими.

17-го декабря оттуда была получена телеграмма о поражении.

Вечером 17-го декабря и днем 18-го декабря ездившие в Горловку вернулись в рассыпную обратно в Алчевскую.

19-го декабря начальник станции сообщил приставу Донецко-Юрьевского завода, что распорядительный комитет перестал существовать, и что он вступил в управление станцией.

20-го декабря станция Алчевская была занята войсками, и начались обыски и аресты.

В ближайшем соседстве со станцией Алчевской расположен большой железоделательный Донецко-Юрьевский завод. На нем происходило приблизительно то же, что и на Петровских заводах, т.-е. здесь после октябрьского манифеста была создана организация из делегатов от рабочих, которые должны были устанавливать отношения с заводоуправлением. По утверждению обвинительного акта, случилось это потому, „что рабочие, соблазненные надеждой улучшить свое материальное положение, подпали под влияние агитаторов. Заводоуправление, которому отлично известны были агитаторы, старалось по мере возможности устранить их вредное влияние" и т. д.

Но до чего лойяльно в действительности протекали события на заводе можно судить по следующему случаю: 6-го декабря, в день имянин Николая II-го, после молебна в литейном цехе агитаторы потребовали от священника отслужить панихиду по борцам за свободу. Получив отказ под тем предлогом, что по церковным законам в царские дни панихид служить не полагается, один из агитаторов сказал, что рабочие живут по гражданским законам, и настаивал на своем требовании. Но священник наотрез отказался, и день обошелся одним молебном за здравие Николая II-го и без панихиды за упокой революционеров.

Разница с Петровским заводами была та, что здесь не было ни революционной ячейки, ни своего вождя, какой был там в лице Ткаченки-Петренки.

8-го декабря делегаты „привезли на завод приезжих агитаторов, которые с этого времени стали открыто призывать к борьбе с правительством и к вооруженному восстанию. Они убеждали рабочих примкнуть ко всеобщей забастовке в виду ее политического значения".

9-го декабря на заводе снова был большой митинг. По утверждению обвинительного акта, ораторы говорили на нем о том, что „манифест обанкротился, что граф Витте просил денег даже в Турции, но везде получил отказ, что в казне денег нет, что рабочим надо скорее выбирать свои вклады из сберегательных касс, что войска перешли на сторону народа и что у правительства нет теперь никакой силы".

10-го декабря во всех цехах были расклеены об'явления за подписью председателя делегатского собрания, что 11-го декабря состоится народный митинг в прокатном отделении. На этот митинг явилось около 2.000 человек рабочих, крестьян и железнодорожных служащих. По словам обвинительного акта, — „многих привлекало то, что устроители митинга распорядились „отслужить в начале молебен". На молебне многолетие государю императору и царствующему дому провозглашено не было", — как отмечал обвинительный акт, с очевидной целью доказать ловкость и революционность организовавших митинг злонамеренных агитаторов. После молебна были произнесены речи. Ораторы доказывали, что рабочим необходимо присоединиться ко всеобщей политической забастовке и вооружиться, читали телеграммы от рабочих мариупольского и горловского заводов о присоединении к забастовке и раз'ясняли ее цели.

Когда они спросили, желают ли рабочие присоединиться к ней, то большинство, но далеко не все, ответили утвердительно.

Но самым любопытным моментом в описании этого митинга был его конец: по предложению председателя, музыка исполнила, как он сказал, „любимый русским народом гимн за свободу—марсельезу", при чем присутствовавшие подпевали. Затем кто-то потребовал сыграть „боже царя храни", и это тоже было исполнено, как бывало в половине 90-х годов, во время франко-русского альянса (союза) оба эти гимна исполнялись оркестром Большого театра в Москве перед началом всех спектаклей.

Помимо этих курьезов, на митинге были и серьезные моменты, заставлявшие чувствовать тревогу и высокое напряжение. Кто-то из железнодорожников неожиданно влез на стол и прочел телеграмму, что на ст. Белой происходит погром. Замечательно, что тотчас же собралось человек около 300 рабочих, которые вооружились самодельными пиками и

всяким другим оружием и поехали в Белую. Но оказалось, что в Белой благополучно. Они поехали обратно, и тут в пути им было сообщено, что погром идет не в Белой, а в Мануиловке. Рабочие отправились туда, и действительно оказалось, что там небольшая группа пьяных шахтеров буйствует на станции. Их привели к порядку и вернулись на ст. Алчевскую.

Часов в 10 вечера того же дня вооруженные рабочие удалили с постов в поселке всех городовых. Пристав завода сообщил об этом дирекции. Она вошла в переговоры с делегатской комиссией от рабочих „по выработке устава профессионального союза", и на следующий день последний выпустил об'явления с просьбой не затрагивать, не оскорблять и не снимать с постов городовых. Это было 11-го числа.

12-го и 13-го числа городовые благополучно несли свою службу. Но затем, в следующие дни, рабочие не могли выдержать их вида и угрозами и насмешками довели их до того, что городовые сами спрятались по домам.

16-го декабря на Донецко-Юрьевском заводе состоялось общее собрание рабочих для заслушания и утверждения проекта устава профессионального союза. Но помимо повестки на этом собрании „ораторы восхваляли победу дружины в Авдеевке и в Ясиноватой и говорили, что правительство погибло, что его уже нет". Затем возник очень важный практический вопрос: кто-то предложил, чтобы дирекция завода и полиция передали рабочим ружья, которые были выписаны заводом с разрешения полицейских властей. В тот момент, когда обсуждался этот вопрос, со станции дали знать, что Горловку громят казаки. Рабочие тогда стали требовать от директора завода и пристава, чтобы ружья были выданы немедленно, и те сейчас же согласились, об'яснив потом на следствии, что они были вынуждены к этому угрозой. Ружья были распределены между рабочими. Затем в Горловку отправилось два эшелона вооруженных людей, из которых только 30 человек имели винтовки, а у остальных были пики, у некоторых — револьверы. Дружинники из Алчевской приехали в Горловку, как описано выше, раньше гришинцев и авдеевцев. Здесь они узнали, что солдаты стреляли в рабочих у ворот завода, что несколько человек убито.

Приехало в Горловку, как говорили, тысяч до 3-х, но очень многие поняли, что с пиками против огнестрельного оружия воевать нельзя и сочли за лучшее уклониться от боя и уехали обратно. Установлено было следствием, что из оставшихся и принявших участие в бою были убиты рабочие Донецко-Юрьевского завода Мирошниченко и Фесенко.

Затем Алчевская, как и другие станции, была занята войсками.

XI.

Станция Дебальцево.

Описанные моменты, в которых звуки „марсельезы“ перемешивались с „боже царя храни“, были нередкостью. Но рядом с ними слышались и трагические звуки подлинной революции. Уже тогда в воздухе, которым дышала Россия, несомненно чувствовалась гроза и буря. И трагический момент, — участие дружинников в горловском бою, и возвращение с трупами убитых после поражения, которым закончились события на ст. Алчевской, повторялся почти на всех станциях Екатерининской ж. д.

И этот момент для всего движения железнодорожного и заводского пролетариата Донецкого бассейна в декабрьские дни 1905 г. надо считать наиболее типичным. Только, может быть, московское восстание может сравниваться с ним в этом отношении.

Хотя на ст. Дебальцево не было боев, и здесь не было у движения выдающихся революционных вождей, но, пожалуй, на событиях, разыгравшихся на этой станции, легче всего показать правильность такого утверждения.

Забастовка на ст. Дебальцево началась, как и в других местах,—8-го декабря. На станции прекратились всякие работы. В тот же день был избран распорядительный комитет. В него вошел, между другими, казненный впоследствии по приговору суда Андрей Ващаев. По мнению составителей обвинительного акта, комитет этот подчинился влиянию негласных руководителей и приезжих агитаторов, и члены комитета делали все то, что им приказывали. „Из приезжих агитаторов выделялись Зубарев-Кузнецов, какой-то неизвестный и другие“. Сославшись на одного из свидетелей, обвинительный акт утверждал, что Зубарев-Кузнецов неоднократно произносил в Дебальцеве на митингах в станционном помещении „замечательные политические речи“. В них он доказывал необходимость ниспровержения существующего правительства путем восстания. Остальные ораторы „ему вторили, и требовали“ разоружить нижних чинов для того, чтобы создать запас оружия для дружины. Но были среди членов комитета и такие, „которые стояли за мирное течение забастовки и были против насилия. Они, сколько могли, сдерживали остальных“.

На митингах, происходивших ежедневно, на станции собирались, кроме служащих, рабочие соседнего механического завода и крестьяне окрестных деревень. Начиная с 9-го декабря, дебальцовский распорядительный комитет „захватил в свою власть станцию, ж.-д. телеграф и другие средства для передачи известий, а также подвижной состав и паровозы и полновластно распоряжался на станции, игнорируя законную администрацию".

„Одновременно с учреждением комитета был разрешен в положительном смысле вопрос о вооружении забастовщиков". Вскоре в Дебальцеве появились так называемые самооборонщики, вооруженные пиками, ружьями и револьверами.

„Сравнительно легкий успех вскружил головы агитаторам",— как утверждал обвинительный акт. Уверенные в своих силах, они 11-го декабря рассылают от имени дебальцевского распорядительного комитета всем центральным комитетам российских ж. д. телеграмму, в которой в интересах общего дела просят товарищей „поднять энергию".

14-го декабря на ст. Дебальцево состоялась „антиправительственная манифестация для поднятия сознания у рабочих и служащих". Агитаторы собрали громадную толпу, „которая с красным флагом отправилась в церковь, где служила панихиду по борцам за свободу".

Для современного читателя такая демонстрация должна казаться во всяком случае странной и вызывать улыбку. Но еще любопытнее было то, что случилось при выходе из церкви. Был вынесен портрет государя императора и пропето „боже царя храни". Конечно, не все были согласны с этим и вероятно очень многих этот маневр должен был покоробить. Но все же „боже, царя храни" пропели без прямых столкновений и ругани, а затем толпа пела революционные песни, в которых были такие слова: „затем дубинушку на Николину спинушку" или „Эй, дубинушка, ухнем, а Николушка сам пойдет". С огромным одушевлением исполнялся похоронный марш „Вы жертвою пали в борьбе роковой". Замечательны также речи, которые произносились во время манифестации неожиданными ораторами, взятыми, так сказать, от сохи. В этих речах основным мотивом было утверждение, что „царя надо освободить от рук бюрократии", как будто в том социальном и политическом зле, которое олицетворяло собой самодержавие,—царя и бюрократию можно было отделить друг от друга.

Это, так сказать, дебальцевская опера декабрьских дней. А вот вам рядом и подлинная революция: того же числа по вызову из Авдеевки состоялась поездка так наз. самооборонщиков. Перед этой поездкой к станционному весовщику явилась толпа вооруженных дружинников, которые потребовали выдачи им из состава станционных грузов накладной на два ящика

пороха, а другую на 146 пудов динамита. Весовщик уклонился, отозвавшись незнанием. Тогда дружинники сами отыскали эти грузы, вскрыли вагон и завладели ими. Часть динамита была отправлена в Авдеевку вслед за дружинниками.

И потом опять начались явления такого порядка: 15-го декабря по инструкции стачечного комитета из Екатеринослава отбирали оружие у чинов жандармской полиции, ходя по квартирам. На самой станции толпа вдруг наткнулась на подполковника отдельного корпуса жандармов, заведывавшего жандармским отделением, и потребовала было у него шашку, но он убедил их, что его шашка не отточена и потому безвредна, и оружие осталось при нем.

И тут же рядом шли события совсем другого рода. Так, того же 15-го декабря, по приказанию комитета, рабочие слесаря изготовили около 70 оболочек для взрывчатых снарядов, которые затем пиротехник начинил динамитом. Снаряды эти до времени хранились в мастерских и кладовых. В тот же день самооборонщикам были розданы ружья, тоже добытые из состава грузов, как и динамит и порох. А на следующий день, 16-го декабря, дебальцевские служащие и рабочие в числе нескольких сот человек отправились на бой в Горловку, где приняли участие в нападении на войска. Они уехали с красными и черными знаменами с лозунгом „смерть врагам". При этом они захватили бывшее у них оружие и некоторое количество изготовленных ими бомб.

Замечательно, что с ними ездил также и один из членов комитета, стоявший за мирное течение забастовки и бывший убежденным противником насилия. Он отправился туда только для того, чтобы удерживать своих товарищей-дружинников от боя. При столкновении же с войсками он сам был ранен. Это был типичнейший представитель той очень многочисленной группы участников движения, которые тогда не видели настоящего лица самодержавия и, как этот член комитета, пели иногда „боже, царя храни". Характерно, что как раз по предложению этого человека при выходе описанной демонстрации из церкви был вынесен портрет Николая II и пропет гимн самодержавию.

17-го декабря, как известно читателю, пролетариат Донецкого бассейна потерпел в Горловке поражение. Дебальцевские дружинники вернулись оттуда в рассыпную. Затем, как сказано было в обвинительном акте, „беспорядки на станции Дебальцево прекратились сами собой", а вскоре на нее прибыли войска. Начались обыски и аресты. Между прочим, при обысках в вагонах и у забастовщиков, были отобраны 13 бомб, 6 ящиков динамита, 8 ружей, 4 револьвера и 1 шашка. Часть бомб была найдена в одной из мастерских, закопанной в земляном полу.

XII.

Станция Юзово.

8-го декабря на ст. Юзово были получены телеграммы от конференции 29 железных дорог и центрального бюро всероссийского ж.-д. союза, а также от забастовочных комитетов из Екатеринослава, Ясиноватой, Авдеевки и Мариуполя, в которых говорилось, что политическая забастовка начата „для защиты народа и родины"... „в ограждение добытых кровью свобод и равноправия человека" и т. д. Тотчас же с получением телеграммы появилось об'явление с приглашением служащих на митинг в школу к 6-ти часам вечера. Здесь без разногласий было решено присоединиться к забастовке. Была составлена и послана в Екатеринослав и по всей линии телеграмма, в которой говорилось: „мы, служащие ст. Юзовка, на сходке 8-го декабря постановили присоединиться к общей забастовке", т.-е. формула об'явления забастовки была чисто пассивная. Впоследствии, по возникновении судебного дела, свидетели из администрации станции об'ясняли следователю, что многие служащие присоединились к забастовке, несмотря на ее политическую цель, из опасения бойкота со стороны служащих других станций, а также потому, что они в случае отказа присоединиться не рассчитывали на поддержку управления дороги. Дальше они об'яснили, что начальник ст. Авдеевки, прослуживший 21 год, смотритель зданий той же станции и еще несколько человек за то, что не приняли участия в октябрьской забастовке, судились судом товарищей этой станции и по приговору этого суда были уволены со службы управлением дороги.

Таким образом, очевидно, что в первый момент по об'явлении забастовка являлась в сознании многих участников средством обороны от незакономерных действий правительственных лиц, которое как бы уже узаконили предшествовавшие события.

Но наряду с этим совершенно лойяльным настроением в той же Юзовке шла и нарастала и другая волна движения, чисто революционного характера. Еще до забастовки шли приготовления к организации самообороны и посылались делегаты на другие станции узнать, что там делалось. Делегаты

ездили также по окрестным рудникам и деревням узнать, не угрожает ли станции опасность от шахтеров и крестьян. И мера эта была не напрасной и не случайной, ибо в октябре в Юзовке был черносотенный погром.

9-го декабря на собрании служащих были прочитаны телеграммы с других станций об образовании на местах распорядительных комитетов для руководства забастовкой и об организации дружин самообороны. Почти без обсуждения, так как дело казалось совершенно очевидным, был избран такой же комитет и на ст. Юзово. Думали и решали только вопросы о том, кого персонально ввести в состав комитета. Затем с целью обезопасить себя от нападений хулиганов и охранить станцию и грузы служащие ст. Юзово учредили самооборону.

Немедленно же по избрании комитета начальнику станции было об'явлено, что он и все другие начальствующие лица устраняются от должностей, но что они не должны уходить с постов, так как они не уволены, а только устранены на время забастовки, и что комитет в случаях надобности будет обращаться к ним за советами.

Юзовский комитет так же, как и на других станциях стал распоряжаться паровозами и подвижным составом. Особенно много хлопот ему доставляла перевозка постоянно скоплявшихся на станции пришлых рабочих-шахтеров, направлявшихся по домам, в деревню, с окрестных шахт и рудников.

В деятельности юзовского комитета оригинальным было учреждение особой кассы забастовочного фонда. В него поступали суммы установленного комитетом сбора с пассажиров за проезд в тех поездах, которые пропускались во время забастовки. Из этого фонда производилась выдача жалованья служащим, а главное его назначение заключалось в том, чтобы обеспечить всем бастовавшим жалованье за время забастовки, так как „прежнее правительство" об'явило, что за забастовочное время платить не будет.

Эта необычайная предусмотрительность юзовского комитета в то же время обнаруживает его убеждение, что после окончания забастовки не только „прежнее правительство", но и „прежняя администрация" должны остаться на месте. И в то же время этот самый комитет ведет организацию боевой дружины, и когда рабочие Донецкого бассейна переходят от обороны к нападению на войска, он без размышлений посылает туда свою дружину.

Но это впереди, а пока что комитет захватил для своих надобностей ж.-д. телеграф и все средства сообщения и установил очень лойяльные отношения с начальствующими лицами станции, которые во все время забастовки содействовали ему в управлении ею и помогали сберегать ж.-д. имущество и охранять безопасность при скоплении на станции

рабочих шахтеров и проходивших через нее запасных солдат. Интересно, например, что во время забастовки были приняты меры к ограждению ж.-д. полотна на случай заносов, так как были метели.

В то же время комитет вел очень напряженную деятельность по организации непрерывно происходивших митингов и собраний. Его члены выступали на них, и он выписывал ораторов из соседних мест. Митинги эти посещались не только служащими, рабочими и жителями поселка, но привлекали к себе массу окрестных крестьян, которым приходилось настойчиво об'яснять политический смысл происходивших событий. Очень быстро настроение об'единялось и поднималось, а крики „долой самодержавие" все чаще и решительнее раздавались на этих собраниях.

11-го декабря на ст. Юзово была получена из Гришино от распорядительного комитета телеграмма, которая была разослана по всей линии до Ростова. В ней говорилось, что надо „организовать боевые дружины и разоружить воинских чинов, жандармов и полицию, так как тогда победа будет обеспечена".

Переход в наступление, правда, запоздалый и дезорганизованный, был очевиден; настроение создалось само собой. Обсудив телеграмму, комитет решил последовать совету гришинцев, и на следующий день началось разоружение городовых и жандармских унт.-офицеров, которые попадались на глаза. У тех, кто сидел по домам, отобрали его на квартирах или вызывали на станцию и обезоруживали. Жандармы и городовые являлись по этим повесткам. Тогда им об'ясняли, что из центрального комитета получена телеграмма о разоружении жандармов и полиции, и что „было бы смешно, если бы в Юзове этого не сделали свои служащие, а приехали бы специально для этого забастовщики с других станций".

Все это происходило в очень мирных тонах, без всяких столкновений и насилий, так как жандармские и полицейские чины не сопротивлялись.

Помимо описанной деятельности юзовский комитет вел еще усиленную агитацию в окрестных селах. Туда непрерывно ездили ораторы, за которыми являлись на станцию посланные от крестьян.

В результате выносились резолюции и посылались телеграммы. Так, 13-го декабря главный распорядительный комитет Екатерининской дороги получил телеграмму, что в селе Александровке (близ Юзовки) около 400 крестьян присоединились к бастующим железнодорожникам и высказывали „солидарность в горячем участии бороться за свободу до последнего дня смерти".

Но среди этих митингов, речей и телеграмм события быстро катились сами собой к роковой, кровавой развязке.

14-го декабря в Юзове была получена телеграмма: „передайте товарищам окрестных рудников и заводов просьбу авдеевцев немедленно произвести демонстрацию, которая оттянет войска, скопляющиеся в Авдеевке". В ответ на нее 15-го декабря около 40 вооруженных людей сели в поезд, состоявший из паровоза с вагоном, и отправились в Авдеевку с довольно смутным представлением о целях этой поездки: не то для того, чтобы помочь авдеевским дружинникам в борьбе с войсками, столкновения с которыми ожидали, не то вследствие слуха, что на Авдеевку напали хулиганы. На другой день ездившие туда дружинники вернулись и тотчас же принялись усиливать свое вооружение изготовлением пик, которое шло в эти дни почти на всех станциях. Это была своего рода эпидемия, в которой не было никакого практического смысла, но людям, стремившимся стихийно к бою, нужно было иметь в руках какое-нибудь оружие, и ухватились за пики, как за единственно возможный вид его, который они могли приготовить собственными руками и для которого был готовый материал. На ст. Юзово взяли 11 пудов железа для пик в материальном складе и выковали из них 37 штук. Юзовские дружинники, однако, не участвовали в горловском бою вследствие того, что в ночь на 15-го декабря казаки разобрали пути и обрезали провода на перегоне между ст. Юзово и Рутченково. Комитет пытался экстренно восстановить пути, но не мог этого сделать. Когда 17-го декабря получилось известие о поражении рабочих в Горловке, общее настроение сразу упало. Митинги прекратились сами собой.

20-го декабря на станции была получена телеграмма об об'явлении военного положения с предложением всем служащим немедленно приступить к исполнению своих обязанностей. Она была прочитана на собрании служащих, и вслед затем комитет сложил с себя обязанности.

На следующий день двое из бывш. членов комитета от имени служащих обратились к начальнику станции с предложением вступить в управление ею, „тот исполнил их просьбу", как говорилось в обвинительном акте, и с этого числа забастовку на ст. Юзово можно считать прекратившейся.

XIII.

Станция Алмазная, село Чернухино, ст. ст. Чаплино Межевая, Демурино и Просяная.

Все эти станции не представляли собой заводских центров и узловых пунктов линии ж. д. Поэтому события здесь не могли развернуться, как в других местах.

На ст. Алмазной не было даже создано своего распорядительного комитета. Она бастовала, так сказать, автоматически, потому что бастовали узловые пункты, между которыми она находилась. Алмазная не могла формировать своих поездов, а могла только принимать и принимала те поезда, которые через нее проходили. Вся деятельность забастовщиков по этой станции выражалась в том, что они вели деятельные сношения с соседним дебальцевским комитетом, ездили туда на митинги и привозили оттуда ораторов. Затем их деятельность направилась на соседний Кадиевский рудник, куда они возили ораторов для организации митингов. Обвинительный акт приписывал ораторам этих митингов только утверждение „что путем забастовки можно добиться проведения в жизнь манифеста 17-го октября, что надо создать в России порядок, чтобы хозяином был сам народ, для чего надо бастовать, что самодержавная власть есть кучка министров - воров, которые распоряжаются народом по своему произволу“ и т. д. Никакого социального момента в этих речах, повидимому, не выдвигалось, и движение здесь имело совершенно пассивный характер более или менее сочувственного присоединения к забастовке, которую об'явили и проводили соседние узловые станции. Самостоятельно разрабатывался здесь только один вопрос — об охране станции и грузов и о личной защите на случай погрома шахтерами. Прекращение движения поездов вызывало скопление их на станции, раздражало и каждую минуту могло вызвать осложнения. Разговоров о самообороне было много, но, в конце-концов, было решено самооборону не учреждать.

Затем много хлопот причинял забастовщикам ст. Алмазной один из помощников начальника станции, который настаи-

вал, что вместо самообороны надо предложить всей линии Екатерининской ж. д. прекратить забастовку, „тогда шахтеры будут спокойны“. И однажды он добился своего и провел вопрос о посылке по линии депеши с предложением прекратить забастовку „в виду того, что станции Алмазной, окруженной шахтами, угрожает опасность быть разгромленной шахтерами“. Однако, телеграмма эта не была послана, так как телеграфисты категорически отказались принять ее. Начальник станции Алмазной оставался у власти.

Обвинительный акт вменял в вину забастовщикам этой станции только случаи самовольной отправки поездов.

Дня за три, за четыре до горловского боя в Алмазную приезжали из Дебальцово вооруженные дружинники разыскивать оружие и разоружать местных жандармских унт.-офицеров.

Утром 17-го декабря в Алмазную была доставлена телеграмма о том, что казаки окружили Горловку и будто бы разоряют мосты и линии ж. д. и избивают служащих и рабочих. Об этом было дано знать на Кадиевский рудник и другие соседние рудники. Часам к 3-м дня оттуда собрались дружинники, и для них в Алмазную был подан поезд из паровоза и двух вагонов, в котором разместилось человек 60 вооруженных пиками и ружьями рабочих. Перед отправлением в Горловку говорили речи. Уехали они в очень приподнятом настроении, но поезд с ними дошел лишь до Дебальцева, где дружинники узнали о поражении в Горловке и вернулись в Алмазную.

Вот в общих чертах все существенное, что происходило на этой станции в декабрьскую забастовку.

—

По ст. и селу Чернухино описание событий обвинительный акт прямо начинал с вечера 16 декабря. Часов в 6 вечера этого дня к станции Чернухино со стороны Дебальцова подошел паровоз с тремя вагонами и стал давать тревожные свистки. На них сбежались крестьяне и железнодорожные служащие. Им прочли „какой-то комитетский манифест“, как значилось в обвинительном акте, в котором говорилось о необходимости „немедленно ниспровергнуть существующее правительство путем вооруженного восстания и отобрать земли у помещиков для распределения между крестьянами“. Затем были произнесены речи, при чем один из говоривших заявил, „что для осуществления указанных в комитетском манифесте целей всем надо вооружаться, а для вооружения можно взять шашку и револьвер, между прочим, у станционного жандарма“. Толпа выразила ему одобрение и отправилась вместе с ним на станцию и здесь был отобран у жандарма казенный револьвер. При этом взявший его местный земский учитель дал ему ручательство, что отвечает за целость и действительно

впоследствии вернул его. Затем этот учитель с несколькими крестьянами сел в поезд и уехал на ст. Дебальцово.

Второй эпизод на этой станции произошел на следующий день, около полудня. Сюда опять пришел паровоз из Дебальцова и поднял тревогу свистками. На этот раз собралась огромная толпа крестьян вокруг сельского правления. Произносились речи. Ораторы просили крестьян поддержать железнодорожников и присоединиться ко всеобщей забастовке. Крестьяне спрашивали ораторов, каким образом они могут присоединиться к забастовке не служа на ж. д. На это им отвечали, что „их присоединение должно заключаться в неплатеже правительству податей и налогов, недаче рекрутов и разоружении полиции".

Затем ораторы предложили крестьянам итти в соседние экономии отобрать оружие у находившихся там казаков, вооружаться и ехать на сражение в Горловку. Но предложения эти, повидимому, носили совершенно академический характер, потому что обвинительный акт умалчивал, что было дальше. Только в результате был разоружен местный урядник, который торчал тут же в собравшейся толпе. Оружия при себе у него не было, и группа рабочих, у которых в руках были пики, а у одного даже кинжал, свела его на квартиру и отобрала у него старую сломанную шашку. Затем дальше, по словам урядника, его заставили принести клятву, „что никакого другого оружия у него нет", он поклялся и рабочие удалились. Однако, по этой станции один из подсудимых—земский учитель был приговорен к смертной казни.

Подсудимым по ст. Чаплино вменялось в вину, что, когда 8-го декабря была об'явлена всеобщая забастовка, то они присоединились к ней и выбрали распорядительный комитет. При этом случилось так, что начальник станции оказался в то же время и председателем комитета, так что распределение ролей по управлению станцией осталось прежним. Только одному из помощников начальника, который мешал проводить порядок, определенный центральным забастовочным комитетом, было предложено не являться на свои дежурства.

„Ж.-д. телеграф", — говорилось в обвинительном акте, — „был захвачен забастовщиками. Служебные телеграммы не принимались и не передавались вовсе. Что же касается комитетских телеграмм, то таковые были в обращении".

Затем был случай, что через Чаплино проезжало несколько солдат с оружием. Чаплинский комитет, по постановлению общего собрания служащих, обезоружил их и сдал отобранное оружие одному из членов гришинского комитета. Дальше чаплинский комитет просил как-то телеграммой прислать ему из Гришина „следственную комиссию на общее собрание

13-го декабря, где будут судить одного из служащих „за действия во вред товарищам".

В своей деятельности распорядительный комитет подчинялся указаниям гришинского комитета.

Митинги на ст. Чаплино проводились ораторами, приезжавшими из Гришино. На них произносились антиправительственные речи. Вот и все, что обвинительный акт мог собрать в виде улик против железнодорожных служащих этой станции.

Положение в деле подсудимых по станциям Просяная, Межевая и Демурино было еще проще. О них обвинительный акт говорил, что „15-го декабря гришинские дружинники, под начальством какого-то товарища Николая, проезжая через станции Просяную, Межевую и Демурино, останавливали там свой поезд и во время остановок совершали экспедиции на квартиры местных жандармских унт.-офицеров для разоружения их. При этом у двух жандармов были отобраны казенные шашки, а у третьего, кроме казенной, еще и его собственная. Эти же дружинники отобрали также револьвер и шашки у двух станционных жандармов ст. Чаплино".

XIV.

Станция Гришино.

События по ст. Гришино излагаются в конце обвинительного акта, тогда как они должны были быть помещены в начале, ибо фактическим центром движения в Донецком бассейне было Гришино, а не Екатеринослав.

Главной фигурой здесь был учитель Прохор Динега.

После 17-го октября он организовывал в ж.-д. библиотеке и в театре, а затем прямо на станционных путях против здания станции почти ежедневные собрания и митинги. О них вывешивались об'явления с указанием программ. Эти митинги привлекали почти всех железнодорожных служащих и рабочих и многих жителей поселка. Здесь обсуждались экономические нужды, резолюции „делегатских собраний" и составлялись наказы делегатам, отправлявшимся в Екатеринослав. Здесь же обсуждались недоразумения между служащими и начальством на правах товарищеского суда. Основным содержанием была, конечно, революционная пропаганда, а главным оратором был тот же Динега, который, по словам обвинительного акта, „на почве разговоров о том, что начальство и правительство не заботятся о служащих, старался убедить свою невзыскательную аудиторию, что первой причиной всех бед является современный политический строй России, что их нужды могут быть удовлетворены только тогда, когда путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования будет созвано учредительное собрание, которое обратит Россию в демократическую республику, для чего необходимо бороться с правительством путем открытого всеобщего восстания, неплатежа налогов и податей, отобрания земли, рудников, фабрик и заводов у помещиков и капиталистов в пользу народа и другими подобными зверствами".

Кроме Динеги, на митинге выступала учительница ж.-д. училища Лидия Доброва, приезжие агитаторы, которых Динега выписывал из Екатеринослава и даже из Москвы. Вокруг Динеги сплотилась целая революционная организация, у которой в поселке была своя конспиративная квартира, где хранились и откуда распространялись прокламации и брошюры „пре-

ступного содержания". Организация эта „разжигала страсти до крайних пределов", — как утверждал обвинительный акт. „Ее революционная агитация имела успех, несмотря на то, что многих из присутствовавших на собраниях возмущали речи, затрагивавшие их патриотические и религиозные чувства; будучи бессильны заставить молчать, они требовали удаления оратора, наглость которого доходила до невероятных пределов,—например, говорилось, что бога нет, а затем высмеивались те, кто молются ему и ходят в церковь". Но Динеге удалось победить протестующих. Овладев движением, при громких одобрениях большинства, на одном из собраний он открыто заявил, что „уничтожит не только тех, которые мешают, но также и тех, которые хотят остаться в стороне от борьбы за правое дело".

„Эта революционная работа привела к тому, что служащие и рабочие начали вести себя вызывающе, вступали в пререкания с администрацией станции по всякому поводу, состязались между собой в произнесении громких фраз, слышанных от агитатора, и в свою очередь вели агитацию без конца".

„Дисциплина на станции упала. Ж.-д. начальство потеряло всякий авторитет, угрозы бойкотом и товарищеским судом, а также вызывающее поведение подчиненных фактически упразднили его власть... Динега и другие делали, что хотели".

В таких выражениях обвинительный акт характеризовал общее положение на станции Гришино еще задолго до декабрьской забастовки.

Но этого мало, помимо агитации и пропаганды Динега и руководимые им организации создали еще в Гришине серьезную вооруженную силу на случай необходимости самообороны при повторении черносотенных погромов или вооруженной борьбы.

Мысль о самообороне возникла в поселке сама собой тотчас после октябрьского погрома. „За ее учреждение горячо ратовали, как сам Динега, так и сочувствовашие ему".

Это был крупный революционер, волевой человек и талантливый организатор, и „самооборона" у него не в пример другим станциям и поселкам была сорганизована очень продуманно, предусмотрены все детали, и действовала настолько хорошо, что приобрела значительную популярность и авторитет в поселке. Во главе ее стоял особый комитет. Был выработан устав и нормальная инструкция для членов. Эти документы, между прочим, в качестве вещественных доказательств были приложены к делу.

По уставу и инструкции, в самооборону могли добровольно поступать служащие ст. Гришино и жители поселка не моложе 17 лет от роду. Во главе ее стояли председатель, хозяйственный комитет, начальник самообороны и три помощника, по числу которых самооборона разделялась на три группы. Каждая

группа разбивалась на десятки во главе с десятником. Начальник самообороны распределял оружие между десятниками, а те наряжали патрули.

Функции самообороны „в мирное время", как значилось в §§ 15—17 инструкции, сводились к обходу станции и поселка патрулями.

Организованная таким образом самооборона существовала не только с ведома жандармских и полицейских властей, но, можно сказать, находилась в прямом контакте с ними. Так, по той же инструкции, патрулям и вообще всем членам самообороны вменялось в обязанность следить и доводить до сведения урядника, станционного жандарма и начальника самообороны обо всех подстрекающих к нарушению тишины и спокойствия, устранять крики, драки и проч.

При нападении хулиганов сбор самообороны производился по общей тревоге, сигнал для которой подавался учащенными свистками паровоза. Интересна такая деталь: тревожные свистки даются машинистами не иначе как по карточке начальника самообороны, при чем эта карточка должна быть передана ему не иначе, как дежурным десятником. В случае тревоги десятники берут хранящееся у них оружие и патроны, являются на сборный пункт и здесь раздают его самооборонщикам. Ни у кого из членов самообороны оружия на дому храниться не должно. Они получали его при нарядах в патрули и затем возвращали, кончив дежурство.

Вооружение самообороны было произведено на деньги, собранные по подписке совершенно легально и открыто среди жителей поселка и станционных служащих. За приобретением его один из поселковых жителей, участвовавший в организации Динеги, ездил два раза в Ростов, при чем в деле было установлено, что в первый раз он привез два ящика с револьверами. Кроме того, оружие для самообороны было выписано из других городов. В состав самообороны вошли главным образом служащие станции.

Деятельность созданной таким образом самообороны, по утверждению обвинительного акта, до декабрьской забастовки носила „вполне мирный характер".

Популярность Динеги и его связь с массами непрерывно росла.

Вечером 22-го ноября на ст. Гришино была получена телеграмма с призывом к забастовке впредь до отмены смертного приговора над инженером Соколовым на ст. Кушка (крепость на Афганской границе[1]). Это был первый случай смертного приговора после октябрьского манифеста.

[1]) См. книгу „1905 г. на Средне-Азиатской ж. д." Л. Румянова, изд. Истпрофтрана.

Он произвел тогда по всей России огромное впечатление, и впервые поставил на очередь вопрос о второй ж.-д. забастовке. Динега собрал митинг огласил телеграмму, произнес горячую речь и предложил немедленно начать забастовку. Его поддержали товарищи. Собрание согласилось, и его участники пошли на станцию тушить паровозы, а Динега дал депешу по линии, что служащие станции Гришино с лозунгом: „долой правительство и смертную казнь", приступили к забастовке. Одновременно гришинские делегаты отправились в Екатеринослав, и на всех промежуточных станциях вели агитацию, требуя поддержки.

Утром 24-го ноября центральный комитет Екатерининской ж. д. телеграфировал в Гришино, что Соколов казнен не будет и забастовка была прекращена.

Наконец, 7-го декабря в Гришино пришла телеграмма из Москвы от конференции 29 ж. д. и центрального бюро ж.-д. союза и московского и петербургского советов рабочих депутатов с об'явлением всеобщей политической забастовки.

На следующий день 8-го декабря распорядительный комитет Екатериниской ж. д. телеграфировал в Гришино и по всем станциям, что забастовка начата с 10 часов утра 8-го декабря. Вслед за первой была получена другая телеграмма с об'яснением, что „в ответ на последние распоряжения правительства, доказавшего ими свою решимость отнять у народа остатки гражданских свобод и обманувшего народ 17-го октября, последовало об'явление всеобщей политической забастовки." Руководство ею на Екатерининской ж. д., принял на себя екатеринославский распорядительный комитет. Все станции, получив эту телеграмму, начинали без рассуждения бастовать. Гришинцы чувствовали себя величиной и силой и их не удовлетворило такое об'яснение. В ответ на телеграмму они послали в екатеринослав делегатов с отдельным паровозом для выяснения причин и условий забастовки. Делегаты, не доезжая Екатеринослава, со станции Синельниково дали в Гришино телеграмму: „С божьей помощью, бастуйте". Тотчас же в здании библиотеки состоялся многолюдный митинг, на котором Динега и его товарищи доказывали политическую необходимость забастовки, которая должна нанести „последний удар существующему правительству". Собрание единодушно решило немедленно приступить к забастовке и избрало распорядительный комитет. По окончании митинга, об этом было об'явлено станционной администрации, и распорядительный комитет вступил в свои обязанности и дал телеграмму № 3680: „с 10 часов вечера 8-го декабря гришинский распорядительный комитет открыл свою деятельность".

Но он не только открыл свои действия, а сейчас же начал по всей дороге устанавливать порядок.

Вслед за названной телеграммой последовала другая: „В. срочно от Авдеевки до Екатеринослава. Всем служащим. Гришинский распорядительный просит открыть телеграфное сообщение и установить правильное обслуживание телеграфа, без чего работать невозможно".

Затем последовала следующая депеша: „Срочно начальникам станций, постов и раз'ездов. Копия Екатеринослав распорядительный комитет. Просим иметь в виду, что за время забастовки будут в движении назначенные комитетом поезда, поэтому наличие дежурных агентов должно быть таковым, чтобы обеспечить безопасность движения. Гришинский комитет".

Одновременно комитетом были назначены к ежедневной отправке поезда №№ 21 и 22.

К делу было приложено 14 телеграмм, которыми он устанавливал порядок проведения забастовки и давал инструкции станционным агентам. Динега и его гришинские товарищи в противоположность громадному большинству участников движения привыкли действовать самостоятельно и, не ожидая ни от кого инструкций, сами устанавливали их и наводили порядок, при чем все в деталях ими было продумано.

Начиная с 8-го декабря, Гришино, как и все станции, очутилось во власти распорядительного комитета, и он стал распоряжаться паровозами, подвижным составом и телеграфом. Однако, из своего ведения счел нужным исключить товарную контору. Ее он просто закрыл и поручил агентам охранять склады и грузы. При этом при выборе комитета были проведены в него более или менее подходящие лица станционной администрации; поэтому захват станции забастовщиками произошел весьма легко без всякого нарушения на ней порядка.

Обвинительный акт утверждал, что „остальные чины станционной администрации: начальник станции, начальник отделения службы движения, помощник начальника станции, а также жандармские унт.-офицеры и многочисленные служащие не сочувствовали забастовке, но не могли оказать какого-либо противодействия членам комитета и их единомышленникам вследствие того, что численный перевес был на стороне забастовщиков, которые к тому же все были вооружены, и своим поведением и угрозами, до лишения жизни включительно, терроризовали остальных". Это утверждение было неверно. Несочувствовавших было немного. Угроз никто не применял, но забастовщики были организованы и имели в своем распоряжении вооруженную самооборону, и свидетелям из жандармских унт.-офицеров она, конечно, была страшной.

С об'явлением декабрьской забастовки в поведении самого Динеги и его товарищей почувствовался перелом. Вместо подготовительной, организационной и агитационной работы наступила открытая революционная борьба. Вместо пассивной обо-

ронительной забастовки гришинцы повели сами организованное наступление. Захватив станцию, Динега и его товарищи стали открыто называть себя революционерами, и доказывать в своих речах, что все должны стать революционерами, т. к. добиться поставленной цели можно только революционным путем. Влияние их было вследствие этого огромное и очень скоро ими был завоеван авторитет по всей линии. Гришинцы не вели борьбу с центральным комитетом, находившимся в Екатеринославе и не конкурировали с ним. Но, взяв свой решительный революционный курс, естественно явились моральным и организационным центром для окружавших станций, рудников и заводов Донецкого бассейна. Они установили со всеми правильные сношения и скоро приобрели формально название отделения центрального комитета Екатерининской дороги. Гришинцы первые соответственно своему настроению повели разоружение проезжавших через станцию воинских чинов и инструктировали в этом отношении соседние станции, но при этом действовали довольно осторожно и старались не вызывать столкновений.

13-го декабря они обезоружили между прочим на своей станции прибывших с поездом 13 солдат с винтовками, и, как ни просили солдаты Динегу вернуть им оружие—„со слезами на глазах", по утверждению обвинительного акта,—Динега остался непреклонным. Затем были разоружены все жандармские унт.-офицеры и местный урядник. Они тоже просили возвратить им отобранное оружие или выдать им расписки и тоже получили отказ.

Гришинский комитет отдал распоряжение сидельцу казенной винной лавки закрыть ее. Когда, утром 11-го декабря комитетчики явились снова в лавку и увидели, что она открыта, они приклеили к ее дверям об'явление за своими подписями о том, что лавка закрыта по постановлению комитета. И после этого винная лавка действительно оставалась закрытой. Гришинский комитет умел свои распоряжения приводить в исполнение, и закрыл казенную винную лавку, потому что считал себя обязанным наводить порядок в Гришине, считая себя ответственным за всякие осложнения. А винная лавка в такое время представляла серьезную опасность, особенно, когда на станции скоплялись запасные или горнорабочие.

Одним из действий комитета было решение освободить Динегу от заведывания ж.-дор. училищем, а самое училище на все время забастовки закрыть, так как вследствие происходивших событий дети все равно не могли заниматься.

С момента разоружения солдат и чинов полиции гришинский комитет переименовал себя из распорядительного в боевой стачечный комитет, что фактически вполне соответствовало его тактике и его функциям. Одновременно с постано-

влением о переименовании Динега произвел реорганизацию и самообороны: из ее участников он выделил особый отряд и назвал его боевой дружиной, сосредоточив в ее руках запасы оружия.

На вооружение ее пошли: 1) оружие и патроны, собранные еще в начале организации самообороны у ж.-дор. служащих и жителей поселка. Это были главным образом охотничьи ружья и несколько револьверов; 2) револьверы, взятые при разоружении жандармских унт.-офицеров и урядников; 3) винтовки, отобранные у солдат, и часть винтовок, доставшихся гришинской дружине при разоружении в Ясиноватой роты Балаклавского полка, которой командовал убитый при этом шт.-капитан Карамышев (см. выше о ст. Ясиноватой); 4) револьверы, купленные в Ростове и Таганроге для самообороны на деньги, собранные еще в начале ее организации по подписке.

Динега и его товарищи позаботились также и о том, чтобы боевая дружина умела обращаться с оружием. Для этого на станции в зале III-го класса они устраивали ученья, при чем занимались главным образом обучением прицельной стрельбе.

Оружие дружины составляло в их глазах большую ценность. Поэтому его не выдавали никому на руки, а хранили в старом, снятом с осей вагоне, стоявшем на путях, откуда выдавали по мере надобности. Этот вагон и представлял собственно арсенал гришинской дружины. Кроме описанного оружия, в нем стояла еще пушка, единственное артиллерийское орудие, которым дружинники располагали в горловском бою. Рассчитано оно было на моральное воздействие на противника, так как стреляло весьма громко. Изготовлена эта пушка была из паровозной оси еще в 1896 г., к коронации Николая II-го, для салюта рабочими местного депо. Дружинники вновь высверлили ее дуло с тем, чтобы расширить его диаметр, и устроили для него лафет на салазках, благо время стояло зимнее. Из этой пушки производилась пробная стрельба в цель нарубленными кусками свинца или самодельной картечью. Наконец, у гришинской боевой дружины было еще 55 ящиков динамита, из которого изготовлялись взрывчатые снаряды. Пробные взрывы их не раз производились невдалеке от станции.

Весь этот запас оружия и снарядов был на очень строгом учете, при выдаче записывался, и для этого при нем состоял специальный конторщик.

Для охраны арсенала и для наблюдения за окрестностями на случай появления войск назначались часовые и патрули.

Все участники боевой дружины, как форму, носили на груди красные ленточки.

Пополнение описанного арсенала производилось постоянно, так как гришинские дружинники по распоряжению комитета раз'езжали по окрестным станциям и обезоруживали всех чинов жандармской и общей полиции, у которых еще не было отобрано оружие.

Параллельно с боевой дружиной продолжала существовать и отправлять свои обязанности по охране поселка и самооборона, при чем ежедневно ее участники назначались в ночные обходы.

Динега был человек с революционным пафосом. Им владело, можно сказать, безумие революции. В декабрьские дни он вел всю описанную деятельность, горя революционными страстями, но в то же время этот человек имел достаточно выдержки, чтобы рассчитывать свои удары и вести за собой события, а не рабски следовать за ними. Заведующий ж.-дор. училищем на одной из ст. Донецкого бассейна, он родился революционным вождем, и, если бы события застали его где-нибудь в центре, то, вероятно, его роль в русской революции была бы значительнее, и он оставил бы по себе больший след. Но случай, имеющий обычно решающее значение в индивидуальной человеческой жизни, забросил его в Гришино и здесь в декабрьские дни Динега сделал все, что только мог сделать отдельный человек для революции, находясь в такой обстановке.

13-го декабря утром была передана гришинской боевой дружине телеграмма о приезде в Авдеевку для совместной экспедиции в Ясиноватую в целях обезоружения 12-ой роты 280 пех. Балаклавского полка. Одновременно было сообщено о натиске, который в тот день произвел ее командир шт.-кап. Карамышев на станцию. Телеграфный аппарат сообщал, что многие из солдат этой роты готовы сами сдаться дружинникам. Динега, выслушав это сообщение, принятое на слух по аппарату одним из телеграфистов, тотчас же собрал свою боевую дружину и отбыл поездом в Авдеевку. Там его дружина соединилась с местной и он повез дружинников дальше в Ясиноватую. Здесь, как известно уже читателю, он руководил всей операцией разоружения роты шт.-капитана Карамышева, произведя ее с необычайной быстротой и ловкостью, с полным расчетом на бескровную победу. Не вина Динеги, если чрезмерная запальчивость Карамышева и несдержанность молодых дружинников привела к убийству этого офицера. Расчет Динеги был другой. Часов в 10 вечера того же дня он возвратился в Гришино со своей дружиной и привез с собою 54 обезоруженных солдат. В дороге он уже успел установить с ними совершенно дружеские отношения, но в то же время хорошо понимал, что пользоваться ими, как боевой силой, для революционных целей не было возможности. В Гришино

солдаты выпили чаю, закусили в буфете, побратались с дружинниками, а затем Динега тотчас отправил их поездом в Екатеринослав. Винтовки их пошли на вооружение гришинских и авдеевских дружинников. Об исходе операции из Ясиноватой было сообщено в Гришино по телефону; поэтому, когда Динега возвращался, его встретила на станции огромная толпа, ему была устроена овация и его носили на руках. С этого момента он несомненно приобрел авторитет не только революционера, оратора и организатора, но и военного вождя. Если прибавить к этому то, что сказано было выше, что Динега был волевой человек и в то же время чрезвычайно обходительный и приятный в личных отношениях, то станет понятным, что ему не только подчинялись, но и верили, а многие и любили.

13-го декабря жребий Динеги был брошен: он и вслед за ним его гришинские товарищи и масса дружинников вступили уже на „путь мятежа", как квалифицировал обвинительный акт, или „открытой революционной борьбы не только с местными властями, но и с войсками и правительством". Он уже знал, что без боя не обойдется, и старался только собрать для него наибольшее количество сил среди революционно настроенной части пролетариата Донецкого бассейна. Как и где должно было произойти столкновение с войсками, ему, как и всем другим, оставалось неизвестным. Но, что должна произойти вооруженная борьба с боями, это было несомненно. Чтобы все понимали это положение, Динега с товарищами организовал в Гришине 14-го декабря революционную демонстрацию. Была собрана огромная толпа, которая пошла по станционным путям и по поселку с пением революционных песен с красными и, что нужно особенно отметить, с черными флагами. На этих флагах был один девиз: „Смерть или победа".

Обвинительный акт называл эту демонстрацию празднованием победы в Ясиноватой. Это неправильно. Ничего праздничного в ней не было. Слово „смерть" на флаге стояло первым, и расчетов на одоление противника было мало. Вести, приходившие из Москвы, носили смутный характер. Динега и его товарищи горели страстью борьбы, и нужно было собирать для нее силы, поднимать настроение. Ведь побеждает всегда тот, кто хоть на минуту дольше противника сопротивляется в борьбе. Затем не было еще известно, как в массе поведет себя армия. Словом, надо было воевать, и Динега решил воевать.

С этого дня, 14-го декабря, его дружинники постоянно имели при себе оружие и осматривали все проходившие поезда, отбирали оружие у всех проезжавших воинских чинов. По приказу Динеги, они, начиная с 14-го декабря, стали вести дальнюю

разведку, высылая конные патрули за несколько верст от станции. Динега знал, что противник не сегодня-завтра должен подтянуть войска и появиться в окрестностях.

Для него и товарищей не было сомнений, что без боя они не сдадутся, нужно было только убедить в этом других или, вернее, создать и у них настроение к бою.

В тот же день, 14-го декабря, на собрании после демонстрации Динега предложил для сопротивления войскам укрепить станцию баррикадами, и быстро без рассуждений провел это решение. Была произведена тревога привычным всем сигналом паровозными свистками, на которую собралась масса служащих и жителей поселка. Под руководством Динеги и дружинников приступили к постройке баррикад и вели ее в течение 2 дней с большой настойчивостью. Баррикады строились вокруг станции из шпал, из набитых землей мешков, из проволоки и вагонеток. Было забаррикадировано и само станционное здание, а одна из его зал приготовлена для лазарета. Эта работа так увлекла ее участников, что в ней помогали почти все жители поселка и железнодорожные служащие, даже и те, которым она не нравилась, так как они считали неловким уклониться. Обвинительный акт утверждал, что дружинники силой выгоняли всех из квартир на постройку баррикад, угрожая отказавшимся насилием. Такие показания в следственном материале были, так как люди перед следователем должны были чем-нибудь оправдаться. В действительности же дружинники ходили по квартирам и люди шли, чтобы не было зазорно, а многие работали на постройке баррикад с полным азартом.

К вечеру 15-го декабря, когда главные баррикады были уже возведены, в Гришино приехала с поездом боевая дружина со ст. Авдеевки. Динега собрал совещание гришинских и авдеевских дружинников и здесь открыто поставил вопрос, как вести себя в случае появления войск. На этом совещании было решено дать им вооруженный отпор. Затем обсуждались тактические меры, которые нужно было принять для успеха борьбы с войсками. Устанавливали команду над отдельными группами дружинников, распределяли позиции и т. д.

По всем этим приготовлениям надо думать, что Динега рассчитывал, что железнодорожники и рабочие Донецкого бассейна должны принять бой с приближавшимися войсками на ст. Гришино. Но 16-го декабря, как известно читателю, в Горловке директор завода, бельгийский инженер Лоэст, и местный пристав Немировский заставили драгун, которые там квартировали, открыть стрельбу в рабочих у ворот завода—с тем, чтобы арестовать Зубарева-Кузнецова. Как только была произведена эта пальба, в Гришине была получена из Горловки телеграмма с требованием прислать туда боевую дру-

жину, „в виду нападения войск на рабочих“. Динега не разделял этого плана, но, получив телеграмму, немедленно созвал общее собрание дружинников в здании библиотеки. Когда оно началось, один из дружинников подал Динеге новую телеграмму из Авдеевки следующего содержания: „Горловка сообщает, что 300 казаков окружили станцию. Дали по народу залп. Убитых много, раненые лежат. Просим немедленной помощи. Из Харцизска и Дебальцева выехали дружинники. Просят вас сейчас же экстренно ехать в Горловку на выручку“.

Несмотря на эти телеграммы, Динега и его дружинники не решались немедленно ехать в Горловку. Предприятие казалось явно безнадежным. Бой с войсками в открытом месте не обещал успеха. Решение вопроса перенесли в совместное заседание главарей дружин с забастовочным комитетом. На этом совещании при голосовании голоса поделились поровну. Совещание затянулось. Затем обсуждение вопроса было внезапно прервано известием, что в нескольких верстах от Гришина появился полк солдат. Командиры дружин немедленно разошлись, чтобы занять посты для встречи солдат. Динега же послал в Горловку на паровозе двух разведчиков. Вскоре оказалось, что слух о появлении войск у Гришина неверен и тревога напрасна, а часа через два разведчики телеграфировали в Гришино, что в Горловку с'езжаются боевые дружины со всех станций Донецкого бассейна, и чтобы гришинская и авдеевская дружины немедленно выезжали на поддержку. По получении ее, в Гришине была произведена тревога паровозными свистками и выстрелами. На них собрались гришинские и авдеевские дружинники с винтовками, охотничьми ружьями, револьверами и шашками, забрав с собой все запасы вооружения, хранившиеся в их арсенале. Захватили с собой также несколько ящиков с патронами и динамитом. Не забыли также и пушку, которую установили на тендере. Динега отправился со всеми своими товарищами во главе авдеевской и гришинской дружин. С ними отправилась и учительница гришинского ж.-д. училища Лидия Доброва. В Горловке Динега вел общее командование боем, подробности которого нами описаны выше.

После поражения гришинцы возвратились к себе на станцию небольшими группами, в поездах и даже пешком. Динега был привезен убитым. Доброва была ранена и вскоре умерла. Был в этом бою ранен в правую ногу и доставлен потом в горловскую больницу Владимир Шмуйлович, впоследствии казненный. Участвовал также в составе гришинской дружины в горловском бою и Петр Бабич, также казненный по этому делу.

После поражения в Горловке гришинцы были тем более угнетены, что лишились своего вождя. Они организовали похороны Динеги и Добровой. Прошли похороны уныло, хотя

толпа собралась огромная. Раздавались революционные песни, были красные флаги, но все это не поднимало настроение, а давило.

О вооруженном сопротивлении дальше уже не было речи. Разговоры, беседы и совещания уже направлялись на вопросы о том, что будет, насколько жестока будет расправа? Все, кто чувствовал себя окончательно скомпрометированным, стали скрываться. Забастовочный комитет потерял влияние и авторитет.

18-го декабря во время заседания комитета в здании библиотеки помимо его воли было созвано общее собрание служащих станции. Всем было ясно, что дело уже проиграно. Большинство собрания требовало уничтожения баррикад и отсылки оружия, оставшегося после горловского боя, в Екатеринослав для сдачи властям. Многие порицали поездку дружинников в Ясиноватую и в Горловку. От забастовочного комитета требовали об'яснений по этому поводу. Особенно много было нападок на тех двух комитетчиков, что были посланы Динегой в Горловку в качестве разведчиков и телеграфировали оттуда о приезде гришинской и авдеевской дружин на помощь.

В виду таких нападок со всех сторон, забастовочный комитет сложил свои полномочия и после собрания вывесил на станции об этом письменное об'явление. С этого момента все движение было окончательно дезорганизовано и быстро пошло на убыль. Но все же более упрямые и убежденные забастовщики хотели его продолжать и настаивали на избрании нового распорядительного комитета. Для этой цели ими были созваны собрания служащих 19-го и 20-го декабря, на которых им удалось, наконец, создать новый комитет. Интересно, между прочим, отметить, что вечером 20-го декабря этот комитет устроил заседание в здании библиотеки для товарищеского суда над начальником станции и еще двумя служащими за их противодействие забастовке. Как и следовало ожидать, из этого суда ничего не вышло. Заседали до поздней ночи и, в конце-концов, решили отложить решение до следующего дня, а утром 21-го декабря станция Гришино была занята войсками. Начались обыски и аресты.

22-го декабря рабочие депо приступили к работам, хотя перед началом их выступали ораторы и требовали, чтобы они продолжали забастовку пока не будут освобождены арестованные войсками товарищи.

На следующий день почти по всей линии Екатерининской ж. д. возобновилось движение поездов.

Часть вторая

СУД

I.

Обвинение.

Обвинение, пред'явленное подсудимым, было формулировано в окончательном виде следующим образом: „На основании изложенного все вышепоименованные, в числе 184 человек [1]), обвиняются в том, что, когда в начале декабря 1905 года, из представителей всех крайних революционных организаций образовался боевой стачечный комитет в гор. Екатеринославе, поставивший своей целью насильственно ниспровергнуть существующий в России монархический образ правления, установленный законами основными, и взамен его немедленно созвать учредительное собрание на основании всеобщего, тайного, равного и прямого голосования для установления демократической республики, при чем для достижения этой цели названный комитет постановил об'явить политическую забастовку и прекратить товарное и пассажирское движение на всей Екатерининской ж. д., а также прекратить работы во всех железнодорожных мастерских, захватив в свою власть всю линию Екатерининской железн. дор., телеграф, телефон, удалить железнодорожную администрацию и, лишив ее власти, передать таковую своим единомышленникам и сообщникам, разоружить чинов общей и жандармской полиции, подготовить всех железнодорожных служащих на Екатерининской железной дороге, окрестных крестьян и рабочих на рудниках Екатеринославской губернии к вооруженному восстанию, для чего по указанию боевого стачечного комитета, были образованы на станциях Екатерининской железной дороги: Екатеринославе, Нижнеднепровске, Александровске, Авдеевке, Гришине, Дебальцеве, Юзовке и друг. боевые дружины, вооруженные огнестрельным оружием и разрывными бомбами, предназначавшимися для борьбы с чинами полиции и для открытого вступления в вооруженный бой с войсками, они, обвиняемые, разделяя взгляды боевого стачечного комитета, действуя по его указаниям и имея те же намерения и пре-

---

[1]) На скамье подсудимых, как сказано выше, было 131. Большая часть из остальных 53 скрылась, а часть умерла до суда или погибла в Екатеринославской губернской тюрьме при стрельбе после взрыва 27-го апреля 1908 г.

следуя ту же конечную цель уничтожения в России монархического образа правления и создания взамен демократической республики, заведомо, сообща вместе со многими необнаруженными лицами в декабре 1905 г. захватили в свои руки всю Екатерининскую железную дорогу и телеграф, лишив власти железнодорожную администрацию, и стали пользоваться железной дорогой исключительно для своих целей, перевозя мятежников и боевые дружины, силою отняли на железнодорожных станциях оружие у чинов общей и жандармской полиции, вступили в боевые дружины, образовавшиеся на различных станциях Екатерининской железной дороги, а когда, по распоряжению администрации, высланы были войска для водворения порядка на железной дороге, для восстановления законных властей и для подавления мятежа, то они, обвиняемые, сосредоточив громадное число мятежников и боевых дружин на ст. Ясиноватой и будучи вооружены ружьями, револьверами, пиками, 13-го декабря 1905 г. днем обезоружили часовых, поставленных для охраны железнодорожного имущества от 12 роты 280 пехотного Балаклавского полка, а затем напали на эту роту, расположенную на продовольственном пункте ст. Ясиноватой, убили ротного командира шт.-капитана Карамышева и, открыв со всех сторон стрельбу по помещению, где находилась рота, принудили всю роту к сдаче, захватив при этом 53 казенных винтовки и ранив во время стрельбы ротного фельдшера Васильева и ряд. Фогельнеста, после чего разгромили продовольственный пункт, затем, вечером того же числа, а также 14-го декабря 1905 года, сосредоточив громадное количество мятежников и боевые дружины с других станций Екатерининской железной дороги на ст. Александровск и будучи вооруженными винтовками, захваченными на ст. Ясиноватой от нижних чинов 13 роты 280 пехотного Балаклавского полка, ружьями, револьверами и разрывными бомбами, вступили в бой с войсками, расположенными на этой станции, при чем войсками штурмом были взяты два вокзала ст. „Александровск“ Екатерининской и Курско-Харьково-Севастопольской железной дор., и в бою с мятежниками ранен был командовавший полусотней казаков под'есаул Скандилов и казак Дуплин, вслед за тем, по окончании боя, они, обвиняемые, разобрали железнодорожный путь между станциями Игрень и Илларионово с целью произвести крушение воинского поезда, в коем следовал 133 пехотный Симферопольский полк, вызванный для подавления мятежа; однако, крушение поезда не последовало только потому, что порча пути была своевременно замечена, и, наконец, 17-го декабря, сосредоточив громадное скопище мятежников и собрав боевые дружины на станции Горловке, напали на отряд войск, находившийся на этой станции для подавления мятежа под командой капитана Угриновича, и, открыв стрельбу

по ротному двору, где в то время находился отряд войск, убили двух нижних чинов, ранили 4-х тяжело, из коих один скончался, и 8 легко и, кроме того, убили 9 казенных лошадей, а затем разгромили ротный и конный дворы, причинив убытки казне на сумму в 2.763 рубля 31 коп. Деяния эти в отношении всех обвиняемых предусмотрены I частью 100 ст. угол. улож., изд. 1903 года, и 279 ст. XXII кн. С.В.П. 1869 года, изд. 3.

Кроме того, Архип Цивилько обвиняется еще в том, что в период декабрьской забастовки 1905 года с целью возбудить неуважение к священной особе государя императора позволил себе неоднократно публично на станции Гришино дерзко говорить, что его и лиц, составляющих высшее правительство, „надо повесить“, что предусмотрено I ч. 103 ст. уг. улож. И независимо от изложенного Сергей Косьмин обвиняется в том, что 13-го декабря 1905 года перед уходом 5-й роты 136 пехотного Таганрогского полка со станции Горловки на станцию Никитовку, он подошел к нескольким чинам роты и стал говорить, что в Екатеринославе войска не стреляли в мятежников, а положили оружие и присоединились к восставшему народу, так как восставшие хлопочут и за солдат, а затем спрашивал этих нижних чинов, последуют ли они примеру своих екатеринославских товарищей и откажутся ли стрелять в народ, если о том последует приказание начальства, что предусмотрено I ч. 131 ст. угол. улож., изд. 1903 года“.

II.

Незаконность нового обвинения.

Приведенная выше формулировка обвинения была принята, как известно уже читателю, при открытии судебного заседания на основании предложения главного военного суда.

То, что суд принял новую квалификацию обвинения в судебном заседании, било всем в глаза своей незаконностью. Судьям нужно было как-то оправдывать ее даже пред самими собою. О том, как они это делали, у нас имеется очень любопытное документальное свидетельство, а именно: по поводу новой квалификации обвинения начальник Екатеринославского губернского жандармского управления полковник Шредель в своем секретном донесении департаменту полиции о ходе этого процесса, написал следующее:

„Не подлежит сомнению, что защита подаст кассационную жалобу, основываясь на том, что суд принял дополнительное обвинение по 100 ст. угол. улож. против всех наличных подсудимых (130 человек), из коих только к 71-му было пред'явлено это обвинение до открытия судебного заседания; в отношении остальных эта статья командующему войсками округа для санкции не представлялась.

С формальной стороны защита будет права, но не по существу, так как квалификация по 100 ст. угол. улож. основана не на каких-либо новых фактических данных, а вытекает из материала, добытого на предварительном следствии. Затем защитники не усматривают единства действий в выступлениях подсудимых и стараются затушевать мятежные действия, рассматривая вооруженные столкновения в отдельных пунктах, как простое сопротивление властям; некоторые же отрицают даже наличность сообщества, предусматриваемого ст. 102 угол. улож.

Об общем ходе процесса представляю дополнительно".

С точки зрения процессуальных законов образ действий военного суда был беспримерным. Ни сенат, ни главный военный суд никогда не разрешали изменять после открытия судебного заседания квалификацию обвинения в сторону усиления репрессии и пред'явления дополнительных обвинений по

статьям, неуказанным в обвинительном акте. Пред'явление новых или дополнительных обвинений не допускается в самом судебном заседании независимо от того, правильны или неправильны они по существу, по той единственной причине, что это ставит обвиняемых в полную невозможность защищаться. Это тоже самое, что неожиданное нападение из-за угла, или подсиживание жертвы в засаде. Не приняв мер к защите против нового обвинения, не вызвав для парирования его свидетелей, не приготовив возможных документальных доказательств, нельзя вести защиты.

III.

Обстановка суда.

Помимо описанного процессуального приема нечто совершенно исключительное представляла та внешняя обстановка и то помещение, в котором происходили судебные заседания по этому делу. Как сказано уже, оно слушалось в помещении исправительных арестантских рот, находившихся на Тюремной площади. В нем не нашлось ни одной большой камеры, в которой можно было бы разместить для заседаний 131 подсудимого с усиленным конвоем, суд, защиту, прокуроров, секретарей и допрашивать около 2.000 свидетелей. Единственный большой зал представляла тюремная церковь. В ней наскоро отделили перегородкой из досок алтарь от помещения для молящихся, а из последнего удалили предметы культа. Таким образом суд заседал собственно в церкви, и здесь же об'явил свой приговор. Потом церковный зал был снова приведен в прежний вид, и в нем опять отправлялись обычные богослужения. Однако, на такое приспособление церкви не решились местные власти без ведома Петербурга. Исправляющий обязанности Екатеринославского губернатора возбудил ходатайство перед департаментом полиции и министерством юстиции, назвав в нем церковь залом исправительного арестантского отделения. Департамент полиции снесся по этому поводу с командующим войсками Одесского округа генералом Каульбарсом, а министр внутренних дел Столыпин с министром юстиции Щегловитовым и начальником главного тюремного управления Курловым, и все уведомили друг друга „о неимении по этому поводу с их стороны никаких препятствий". Характерно, что во всей этой переписке стыдливо ни разу не было упомянуто слово „церковь", а везде фигурировал „зал и несколько камер екатеринославского исправительного арестантского отделения", которые, как говорилось в бумагах, в течение нескольких дней легко могли быть приспособлены для заседаний суда.

Мотивом этого предприятия была выставлена опасность, что рассмотрение дела военным судом может сопровождаться массовыми беспорядками на улицах и „получение указаний о

намерении революционных организаций произвести попытку отбить арестантов от конвоя как на пути следования их из места заключения в суд, так и при обратном препровождении в тюрьму".

Кто кого терроризировал, местные ли губернские и охранные власти председателя Лопатина и судей и прокуроров военного суда или наоборот, неизвестно. Вернее всего, что эти страхи возникли у них у всех вместе, и при обсуждении вопроса о помещении для суда они общими силами так успели взвинтить друг друга, что дошли до гениального проекта устроиться в церкви, забыв об официальном исповедании православия, как основы, на которой стояло старое государство, и не заметили, как жестоко они сами подрывали эту основу.

„Крот, ты славно роешь",—можно сказать о них словами Шекспира.

Когда началось дело, полковник Шредель донес департаменту полиции, что это громкое дело „возбуждает общий интерес, но происходит при закрытых дверях в виду ограниченности помещения, а также в видах безопасности".

„За несколько дней до начала сессии суда",—писал дальше Шредель—„а также 7-го сего ноября стали поступать сведения о том, что революционные организации подготовляют нападение на конвой, сопровождающий арестантов из тюрьмы в исправительное отделение и обратно, для чего будто бы заготовлена большая сумма денег (до 28.000 руб.) и статское платье. Меры предосторожности приняты, конвой достаточно надежен и силен, привод и отвод арестантов будет происходит засветло".

„В ночь на 4-ое ноября",—заканчивал свое донесение Шредель,—„на Петровских заводах и Веровском руднике (ст. Енакиево) чинами полиции были подняты два экземпляра прокламаций издания Юзово-Петровского Комитета Р. С.-Д. Р. П. с призывом „уничтожить без остатка" свидетелей по делу о захвате ст. Горловки, вызванных в Екатеринослав на 7-ое ноября сего года".

Кого дурачил Шредель—себя ли самого, департамент ли полиции или военный суд, который во главе с Лопатиным необычайно легко верил этим слухам—неизвестно, но надо сказать, что цель—терроризировать суд всеми этими мерами предосторожности—была достигнута.

Когда судьи проходили через тюремную площадь, конные стражники далеко оттесняли толпу родственников, жен, сестер, матерей, невест и знакомых, которые ежедневно с раннего утра дежурили за воротами арестантских рот в ожидании привода и увода подсудимых. Они держались здесь общей массой, печальные, бледные, многие с опухшими от слез глазами, тоскующие или совсем отчаявшиеся, и в общем жалкие.

И все-таки Лопатин не решался проходить близко от них и приказывал городовым держать их поодаль.

При всяком шуме или крике Лопатин и другие судьи вздрагивали, а иногда председатель совсем терял равновесие. Так, во время чтения обвинительного акта, которое длилось два дня в виде жужжания секретаря, при чем всех одолевала тоска и скука, болела спина, некуда было деть рук, хотелось лечь и уснуть,—один из конвойных задремал, уронил свое оружие, и от этого стука все вздрогнули, а Лопатин побледнел, откинулся на спинку кресла, а потом, сорвавшись, начал нецензурно ругать конвойного.

В другой раз служитель-арестант принес заправленную, но еще не горевшую лампу и, вставляя в гнездо, свешивавшееся с потолка, уронил ее от страха перед председателем, который, не спуская глаз, следил за ним. Лампа грохнулась, и в зале точно раздался взрыв бомбы. Лопатин так испугался и побледнел, что даже не мог обругать арестанта и только, когда тот ушел, злобно проворчал ему что-то бранное вслед.

В таком состоянии страха Лопатин пребывал в течение всего времени суда. Это настроение в нем сменялось только рассчитанной и спокойной жестокостью, с которой он выпытывал у подсудимых признания. Его состояние в значительной степени сообщилось и остальным судьям,—строевым полковникам, временным членам суда.

Этот нелепый страх ожидания покушений сыграл роковую роль в процессе. Из мирных людей, какими являлось перед судом большинство подсудимых и какими вначале их считали и сами судьи, они постепенно обратились в его глазах в коварных врагов, искусных во всяких террористических покушениях. Судьи естественно озлобились по отношению к ним, а главное перестали им верить, хотя большинство рассказывало о себе сущую правду. В глазах Лопатина все это были волки в овечьей шкуре, которых нечего было жалеть и расправа с которыми, по его понятию, представляла его служебный и верноподданнический долг. Позиция эта прямо противоречила действительности и создавала на каждом моменте процесса непримиримые противоречия между председателем и защитниками, которых к концу суда он также возненавидел. При всей ловкости и лойяльности привыкших к военным судам адвокатов, при всей привычке самого Лопатина, как военного судьи, педантично соблюдать формы процесса, он часто срывался и грозил защите удалением из заседания, обрывал, демонстративно не слушал и всячески старался дискредитировать ее.

Положение защитников было необычайно тяжелое и трудное, но, щадя подсудимых, они выдерживали его до конца, упорно ведя свою линию защиты.

Нужно заметить, что во всех судах играют большую роль в отношениях судей к подсудимым условности, которыми обычно обставляются судебные процессы: торжественные залы, красное сукно на столах, зерцала [1]) и в особенности одежда судей в виде парадных мундиров с густыми эполетами, с орденами, в которой судья не чувствовал себя человеком, а какой-то государственной фигурой, заключавшей в себе особый судейский механизм. Фигуру эту почему-то все обязаны были уважать, а она обязана была повелевать и действовать в интересах закона, олицетворенного в золотом зерцале, и забывать о всех человеческих чувствах и отношениях. Как раз так держался на суде генерал Лопатин и с необычайной ревностью старался внушить это всем участникам судебного заседания, особенно своим коллегам по судейскому столу, строевым полковникам,—т.-е. судьям, взятым от „сохи", непривычным к такой жестокой условности.

[1]) Зерцалом назывался особый прибор, имевший обрядовое значение в судах. Он представлял трехгранную золоченую призму, по сторонам которой в рамах под стеклом были указы о соблюдении в судах законов.
Автор.

IV.

Председатель, судьи и прокуроры.

Генерал Лопатин был среднего роста, стройный, по-военному выправленный, сорокалетний человек, очень моложавый, с необыкновенно белым, по-женски выхоленным лицом. Он имел прямой нос, очень пушистые взбитые кверху усы и голубые глаза, которые всегда таращил, „с'едая" ими подсудимых и свидетелей,—и очень элегантные манеры и голос, вибрирующий от приятных женских нот до дикого смотрового крика.

Надо еще прибавить к этому густые эполеты, которыми он искусно играл при движении плечами, и манеру постоянно разглаживать пушистые усы. Замечательно также было в Лопатине внешнее проявление религиозности: например, он крестился, когда приводили к присяге, не упускал случая помолиться, проходя мимо городских церквей, и присутствовал на молебне в тюрьме в день именин Николая II-го.

Не менее роковую роль, чем Лопатин, играл в процессе, командированный ему в помощь, исправлявший должность военного судьи полковник Курочкин. Сидя за судейским столом, справа от Лопатина, он все время осматривал подсудимых, прищурившимся беспокойным взглядом. С карандашом в руке Курочкин педантично делал о каждом какие-то отметки, которые потом должны были играть роль при определении их судьбы. Бритый, с сухим желто-серым лицом и седой щетиной на голове, он, рассматривая подсудимых, говорил тонким голосом, как скопец, и всегда на одной ноте. Его роль в процессе заключалась в том, что он собирал и систематизировал обвинительный материал, тщательно работал и изучал дело по всем 30 томам предварительного следствия, не упуская никаких мелочей и следил, чтобы не было процессуальных нарушений, могущих дать лишние поводы для кассационных жалоб. В противоположность темпераментному и более или менее необузданному судье Лопатину, привыкшему давать волю своим страстям, Курочкин представлял собой, так сказать, штампованный судейский механизм, работавший, как хорошие часы, и всегда в одном

направлении—в сторону жестокости. Кстати сказать, в результате этого процесса Курочкин был назначен на генеральскую должность военного судьи, которую исправлял раньше временно, откомандированный из военных следователей.

Судьи, полковники строевых частей, имели и в этом деле, как всегда, совершенно второстепенное значение. Как непривычные к судебным процедурам люди, они в течение всего процесса чувствовали себя очень беспокойно, волнуясь от своей неожиданной власти над жизнью и смертью 131-го подсудимого, и взвинченные опасениями террористических покушений.

Среди них выделялся седой до полной белизны, очень сутулый, задыхавшийся уже от старости, с отвислыми морщинистыми щеками пехотный полковник, стоявший уже, как говорится, одной ногой в могиле. Он сидел за столом мертвенно-желтый, бессильный, тоскующий, усталый и в то же время очень страшный, словно живое олицетворение смерти, витавшей в зале все эти шесть недель над головами целой толпы людей. Часто он сидел в своем кресле совсем забывшись, не то спящий с открытыми глазами, не то бодрствующий, но внутренно отсутствующий, как покойник.

Помощник военного прокурора капитан Шевяков представлял собою ровного выдержанного судейского чиновника.

Гладко выбритый и чистенький, он очень прямо держал голову и всю небольшую фигуру с такой осанкой, как будто все приподнимался на носки, чтобы быть немножко выше. На его лице сохранялось всегда одно и то же привычное выражение спокойствия, которое говорило, что он выше всех волнений и забот окружающих его людей и носит в себе живое олицетворение закона.

Он ходил с военной выправкой, позвякивая шпорами, всегда одним и тем же деловым шагом, неторопливым и ровным, как человек, очень хорошо рассчитавший свое время впредь на всю жизнь и превосходно знающий свое дело и свои обязанности, тоже вполне ясные ему в течение всей жизни. Свою обвинительную речь он говорил в течение 7-ми часов, издавая приблизительно такой звук, как пишущая машина под пальцами хорошей машинистки, только перебирая при этом свои пронумерованные, бесчисленные записки.

Другой помощник военного прокурора, командированный главным военным судом, подполковник Филимонов был человек лет 35-ти, с необычайно холеными руками, с энергичным лицом, выдержанный и приятный в обращении. Брюнет с мефистофельской бородкой, он имел свободные манеры и говорил широкими построениями с оттенком публицистики и с несомненным ораторским дарованием. Он выступал уверенно, как человек знающий себе цену, но внутренно волновался, изображая более

или менее преувеличенно картину декабрьских событий 1905 г., перешедших затем в „мятежнические действия", завершившиеся открытым боем на ст. Горловке с правительственными войсками. Его речь была великолепно рассчитана на психологию судей и произвела на них сильное впечатление. Им казалась неотразимой его логика. В хаосе, который происходил на всей линии Екатерининской ж. д., он видел один общий продуманный план, выполнением которого руководила какая-то невидимая рука. Все отдельные эпизоды на станциях были искусно инсценированы ею в порядке этого плана и несомненно вели к ниспровержению установленного основными законами государственного строя, в силу чего в отношении всех подсудимых он поддерживал обвинение по 100 ст. Он постоянно повторял в своей речи слова „мятеж" и „мятежнические действия" и гипнотизировал ими судей. Подсудимых его речь не только волновала, но и возмущала при удивительной внешней стройности и логичности.

Слушая подполковника Филимонова, защитники понимали, что им трудно будет бороться против его доводов перед такими слушателями, как Лопатин, Курочкин, седой полковник и остальные судьи. Защитники также волновались и негодовали, как их подзащитные, и усиленно готовились парировать и разрушать его построения.

В течение всего судебного следствия Филимонов держался довольно пассивно, совсем не касался в своем допросе свидетелей действий отдельных подсудимых и старался только установить те обстоятельства, которые он подводил потом под понятие мятежа и мятежнических действий. Кроме обвинительной речи, он выступил еще, как сказано выше, в начале судебного заседания с заявлением, в котором мотивировал, по поручению главного военного суда, дополнительные обвинения и предложил приведенную выше новую формулировку выводов обвинительного акта.

Всю фактическую работу собирания улик против отдельных подсудимых в течение всех шести недель упорно тащил на себе, как ломовой конь, капитан Шевяков. Филимонов, так сказать, гастролировал двумя выступлениями вначале и в конце процесса, но именно он сыграл в нем наиболее решительную роль. Как никак, но имея перед собой 131 подсудимого, которые страстно боролись за свою жизнь то с отчаянием, то с надеждой, упорно поддерживаемых, и часто весьма искусно, защитой, которая была представлена 12-тью адвокатами,—суд не мог не волноваться и не колебаться в своих отношениях, хотя бы к отдельным подсудимым. Людей, которые представляют просто бесчувственные деревянные манекэны, в природе не бывает. Не бывает таких и судей. Проведя на одном общем деле исследования декабрьских событий шесть недель

вместе с подсудимыми и защитой, судьи стали в те или другие отношения с каждым из них, и, как ни тренировали себя на расправу с ними, все-таки нравственно никто из них не оставался спокоен, исключая может быть одного безжизненного старого полковника. И сам Лопатин, и даже Курочкин нередко обнаруживали в течение процесса признаки крайней тревоги, просто потому, что фигура того или другого подсудимого им оказывалась неясной. При допросе свидетелей они вызывали их и требовали об'яснения их поведения во время декабрьских событий, не знали верить им или не верить, колебались, снова допрашивали свидетелей и снова требовали об'яснений от подсудимых. Особенно часто это случалось тогда, когда защита упорным допросом устанавливала и доводила до очевидности чью-либо невиновность или непричастность к делу, или когда при допросе свидетелей из числа начальствующих лиц ж. д. или полиции оказывалось, что события на той или другой захолустной станции совсем не походили на „мятеж".

Подполковник Филимонов разрушал своей постройкой все их колебания, успокаивал все их волнения, доказывая правоту их раздражения и злобы по отношению ко всем подсудимым без различия, и так искусно перегримировал их всех на глазах у суда в мятежников, что судьи даже не заметили процесса этой работы, а просто были в восторге от его обвинительной речи. В кулуарах суда, в буфете они не скрывали этого от защитников, называли речь талантливой и блестящей, а присутствовавший на процессе начальник Екатеринославского губернского жандармского управления полковник Шредель в тот же день, как она была произнесена, 16-го декабря 1908 г., за № 14035 послал о ней восторженное секретное донесение департаменту полиции. В нем сообщалось, что помощник военного прокурора, подполковник Филимонов, говорил полтора часа и чрезвычайно рельефно изобразил грандиозную картину декабрьских событий. Речь называлась талантливой, впечатление от нее—очень сильным, ее логика—неотразимой.

V.

Донесение о ходе дела начальника Екатеринославского губернского жандармского управления и справка, составленная для Столыпина.

Как сказано выше, на процессе все время присутствовал начальник Екатеринославского губернского жандармского управления полковник Шредель. Его официальная обязанность была следить за ходом процесса и систематически осведомлять о нем департамент полиции. Эту свою обязанность Шредель исполнял очень тщательно и несколько раз в течение процесса посылал департаменту полиции очень подробные донесения, в которых изображал не только ход дела в суде, но и самые события, бывшие предметом судебного разбирательства. Давая отзывы о прокурорах и защитниках, он сообщал положение в деле тех или других обвиняемых и составлял их характеристики. Находясь в постоянном общении с судьями в течение шести недель, он, конечно, не воздерживался перед ними от суждений о деле и об отдельных подсудимых. Надо полагать, что, наоборот, он осведомлял их на основании тех данных, которые имелись в Екатеринославском охранном отделении; таким образом, не сидя за судейским столом, он являлся, так сказать, дополнительным нелегальным судьею. Если не допустить этого предположения, то приговор по отношению к некоторым подсудимым, против которых не было улик, остался бы непонятным.

Донесение полковника Шределя особенно интересно, как документ, характеризующий, как преломлялись в правительственных и полицейских головах декабрьские события.

В своих донесениях департаменту полиции, Шредель установил прежде всего совершенно правильно, что наиболее важные обвиняемые скрылись от ареста и суда, и что за исключением отдельных лиц перед судом сидели не революционеры. Так он доносил, „что всех привлеченных к следствию в качестве обвиняемых было до 300 человек, по передаче же дела в военный суд прокурорский надзор дал заключение о прекращении преследования в отношении 120 лиц; о 184 был составлен обвинительный акт, из которых

СХЕМА ЕКАТЕРИНИНСКОЙ Ж. Д.
ЛОЗОВАЯ
СЛАВЯНСК
КРАМАТОРСКАЯ
НИЖНЕДНЕПРОВСК
БАХМУТ
ЛУГАНСК
ЕКАТЕ-
РИНОСЛАВ
КОНСТАНТИНОВКА
АЛЧЕВСКАЯ
НИКИТОВКА
ОЧЕРЕТИНО
ДЕБАЛЬЦЕВО
ГОРЛОВКА
ГРИШИНО
ЯСИНОВАТАЯ
АВДЕЕВКА
ЮЗОВО
АЛЕКСАНДРОВСК
ИЛОВАЙСКОЕ
ВОЛНОВАХА.
МАРИУПОЛЬ.
МЕЛИТОПОЛЬ
БЕРДЯНСК
ТАГАНРОГ
РОСТОВ

43 наиболее важных обвиняемых скрылись от суда, 10 умерли и только 131 человек оказались 7-го ноября на скамье подсудимых".

Как бы предвосхищая приговор и в то же время оправдывая суд в том, что даже в этом деле будут лица, которых он отпустит на свободу, Шредель доносил: „нужно предполагать, что суд вынесет оправдательный приговор, по крайней мере, 20—25 подсудимым, так как в общей массе этих неинтеллигентных лиц имеются совершенно темные люди, что ясно обнаруживалось при последнем их слове: многие говорили: „пощадите, семья", — а один произнес: „господа правосудие, окажите начальническую милость, увольте".

20-го декабря 1908 г. за № 14090 Шредель сообщил департаменту самый приговор: „Доношу, что 18-го сего декабря военный суд удалился в совещательную комнату для постановки приговора по делу о захвате в декабре 1905 года мятежниками линии Екатерининской железной дороги, и 19-го декабря, в 3 часа пополудни, об'явлена следующая резолюция— приговорены:

1) К смертной казни через повешение—тридцать два человека, в том числе Зубарев-Кузнецов, Ткаченко-Петренко и смотритель погрузового двора станции Горловки Снежко;

2) К бессрочной каторге—двенадцать человек, в том числе Герш Завадский, убийца капитана Карамышева. В момент совершения преступления Завадскому было 15 лет;

3) К каторге на 8 лет—шесть человек;

4) К каторге на 5 лет—двенадцать человек;

5) К каторге на 4 года — двадцать пять человек, в том числе врач Шошников и инженер Данчич;

6) К каторге на 2 года 8 месяцев—пять человек.

Остальные оправданы, в том числе и врач Клингенберг".

Еще до приговора суда Шредель дал отзыв департаменту полиции о всех подсудимых, разбив их по станциям, как это было сделано и в обвинительном акте.

Описав затем события на самой ст. Екатеринослав, Шредель писал, что к концу забастовки интеллигентные члены боевого стачечного комитета скрылись, а на скамью подсудимых попали только второстепенные деятели.

По поводу состава подсудимых по станции Ясиноватой полковник Шредель сообщал: „из служащих на этой станции на скамье подсудимых находятся три телеграфиста, два слесаря, два стрелочника, два конторщика и один ремонтный рабочий, но большинство мятежников скрылось".

По группе ст. Авдеевки,—писал полковник Шредель,— „осуждены два машиниста, два телеграфиста, два слесаря, два агента службы движения, один торговец, но главные виновники — Новиков и его шесть помощников скрылись

и не разысканы". По этой группе был осужден к казни машинист Илья Митусов, о котором в донесении Шределя упоминалось в таком контексте: „Новиков, при самой энергичной поддержке помощника машиниста Митусова, телеграфиста Лаготкина и др., занялся организацией боевой дружины и ее вооружением". Больше о Митусове в донесении Шределя ничего не говорилось. Он по началу, когда только что завелось следствие по этому делу, скрывался, и из него действительно выработался непримиримый революционер. Митусов был в числе упорно отказывавшихся в течение 8 месяцев после приговора к смертной казни от обращения с ходатайством о помиловании; во время тюремного заключения был в очень острых отношениях с администрацией Екатеринославской тюрьмы и, может быть, последнее обстоятельство было одной из главных причин его осуждения и гибели на виселице. В справке, которую составил департамент полиции для Столыпина об осужденных на казнь, о нем говорилось следующее:

„М и т у с о в, Илья, помощник машиниста, обвинялся в том, что перед забастовкой ездил в окрестности по поручению делегатов узнать о настроении шахтеров и крестьян, при чем, вернувшись из поездки 7-го декабря, с целью побудить служащих к вооружению заведомо ложно утверждал, что настроение таково, что нужно служащим или вооружиться, или забирать семьи и уезжать; тогда же читал на митинге телеграммы о приступе 29-ти железных дорог к политической забастовке и о переходе всей Манчжурской армии на сторону народа; вместе с другими следил на митинге за теми, кто возражал агитаторам и противился вооружению, при чем удалял таких насильно с митингов, а более смелых привлекал к товарищескому суду; играл видную роль в образовавшейся в Авдеевке боевой дружине, при чем заведывал складом оружия в общественном собрании; приобрел часть оружия для дружины в Ростове на Дону; с вооруженной толпой принимал участие в обезоруживании на станции 30 казаков и 8 солдат и в отобрании оружия у стражника и жандармского унтер-офицера; был в Горловке и участвовал в нападении на войска, а после поражения дружины отправился пешком на станцию Садки, откуда скрылся".

Значит из группы ст. Авдеевки под удары суда попали за исключением одного Митусова, случайно к ней присоединенного, тоже не главные виновники.

О подсудимых по ст. Гришино в донесении Шределя значилось:

„В результате 30 гришинцев оказались на скамье подсудимых — все машинисты, слесаря, телеграфисты".

Казненные из числа подсудимых по ст. Гришино Владимир Шмуйлович и крестьянин Петр Бабич, 23 лет, погибли в числе 8 других главным образом потому, что их суд принял за

непримиримых революционеров, — по данным, исходившим от Екатеринославского охранного отделенияи от тюремной администрации, и потому,что отказались от ходатайства о помиловании.

В справке, данной Столыпину, о них говорилось:

„Шмуйлович, Владимир. принял участие вместе с гришинской боевой дружиной в нападении на войска в Горловке 17-го декабря, при чем был ранен в правое колено".

„Бабич, Петр, слесарь, входил в состав гришинской боевой дружины и принимал участие в поездках ее на станции Ясиноватую 13-го декабря и в Горловку 16—17-го декабря, при чем дрался там с войсками".

Но, как известно из того же донесения Шределя, принимали участие в нападении на войска в Горловке около 5.000 человек, и среди них было много раненых, и, однако, большинство из них не только не были казнены, но и вовсе не привлекались к суду.

О подсудимых по ст. Дебальцево Шредель писал следующими словами:

„Между подсудимыми с этой станции фигурировали: пять слесарей, два машиниста, три конторщика, вагонный мастер Вонсович и несколько второстепенных агентов службы движения". Таким образом, совершенно согласно с истиной, Шредель оттенил, что и здесь главные виновники и руководители движения успели уклониться от суда.

Из подсудимых по ст. Дебальцево был казнен казак Андрей Иванович Ващаев, 26 лет. Он погиб только потому, что отказался от всяких обращений с ходатайством о помиловании, и считался тюремной администрацией одним из „орлов", с которыми не было слада.

В той же справке, данной Столыпину, о нем было сказано следующее:

„Ващаев, Андрей, был членом распорядительного комитета; агитировал среди рабочих за политическую забастовку и возбуждал их к пред'явлению различных незаконных требований начальству и к вооруженному восстанию; 7-го декабря привез и роздал рабочим и служащим депо прокламации „Кровавый царь" и „К солдатам", явно революционного содержания".

Следующей по обвинительному акту шла группа по ст. Енакиево.

И по этой станции Шредель закончил свое донесение обычным припевом: „Таким образом по делу о вооруженном восстании были судимы почти исключительно рабочие и служащие Петровских заводов и соседнего Веровского рудника, в числе 18-ти человек чернорабочих, слесарей и литейщиков, кроме того девять главных виновников скрылись".

Из названных Шределем лиц были казнены Григорий Ткаченко-Петренко и электротехник Щербаков. О Ткаченко-

Петренко будет еще впереди особая речь. Это был человек исключительного революционного таланта и замечательных нравственных качеств. Ниже читатель найдет его необыкновенное предсмертное письмо, написанное им в тюремной конторе перед самой казнью. В справке по этому делу департамента полиции, составленной для Столыпина, Ткаченко-Петренко был охарактеризован следующими словами:

„Ткаченко-Петренко, Григорий, литейщик, был одним из главных агитаторов на Петровских заводах, устраивал собрания в училище, на заводе и в гостинице, где произносил зажигательные речи о необходимости низвергнуть существующее правительство, созвать учредительное собрание и поставить во главе правления выборных от народа; под видом самообороны учредил из рабочих и жителей поселка боевую дружину, которую снабдил оружием; собрал деньги в забастовочный фонд и на приобретение оружия; когда началась железнодорожная забастовка, уехал в Горловку, где совместно с другими агитировал среди рабочих и железнодорожных служащих, доказывая необходимость продолжения беспорядков; на митингах 10-го и 11-го декабря в Горловке в этом смысле говорил речи, при чем кричал: „долой самодержавие и министров“; вернувшись на станцию Енакиево, руководил скопищем, захватившим в свое пользование эту станцию. 17-го декабря во время боя дружинников с войсками в Горловке раз'езжал по окрестным селениям, собирая для них хлеб и другие продукты; при возвращении дружинников из Горловки на станцию Енакиево упрекал Мазанова за то, что тот со своим отрядом не зашел в тыл казакам, вследствие чего дружинники потерпели поражение. 20-го декабря уговаривал отца убитого в Горловке рабочего Апостолова хоронить сына без священника с пением революционных песен, а затем, утешая его, говорил: „не плачь старик, мы свое возьмем“; при обыске после ареста найдены: 1) бумажка с заметками о пожертвовании в пользу „потемкинцев“ и Петерб., 2) бумажка с заметкой следующего содержания: „141 рубль 18 коп. для пожертвования, 123 руб. остаток организации, всего 264 рубля 18 коп., 3) квитанция о сдаче телеграммы в Москву и 4 различные заметки, записки и счета; кроме того, по показаниям свидетелей, у него в номере, в доме № 31, для холостых, хранились для распространения на заводе и окрестностях тюки прокламаций и других нелегальных изданий; уже после ареста, находясь в кордегардии, демонстративно с другими заключенными распевал революционную марсельезу“.

Несомненно, главной причиной его казни было то, что суд вместе со Шределем совершенно правильно считал Ткаченко-Петренко одним из истинных революционеров, от которого надо было избавиться на будущее время. Формальным усло-

вием, которое дало возможность исполнить над ним приговор, был его решительный отказ от всяких обращений с ходатайствами о помиловании. Сыграло роль в его гибели еще и отношение к нему администрации Екатеринославской тюрьмы, которая стремилась покончить скорее с недававшими ей покоя смертниками по этому делу. Но об этом ниже.

Второй казненный из этой группы электротехник Андрей Щербаков совсем не представлял собою такой видной революционной фигуры, как Ткаченко-Петренко. Это был искренний и очень крепкий морально человек, волю которого не могли сломить ни суд, ни тюремная администрация. Он был казнен только потому, что в тюрьме его считали революционером. В справке, данной Столыпину, о нем было сказано:

„Щербаков, Андрей, электротехник, до и в период железнодорожной забастовки в декабре 1905 г. явился деятельнейшим сотрудником Ткаченки-Петренки и Бутенки по ведению противоправительственной пропаганды; на митингах говорил мало, но всегда находился с ораторами на возвышении; постоянно произносил речи в цехах и на электрической станции, при чем совращал главным образом молодых рабочих и подростков; ездил для агитации в окрестные селения; 13-го декабря вместе с другими рабочими участвовал в захвате винтовок у нижних чинов, помещавшихся в доме № 31 для холостых, при чем, по назначению Мазанова, командовал отрядом дружинников, вооруженных револьверами; агитировал за поездку в Авдеевку 13-го декабря, крича на заводе: „наших товарищей убивают в Авдеевке!“ 17-го декабря с другими дружинниками с оружием в руках поехал в Горловку, при чем принял участие в бою с войсками“.

Однако, ни Ткаченко-Петренко, ни Щербаков, находившиеся среди осужденных по группе ст. Енакиево, не меняют общей физиономии всех подсудимых этой группы. Попрежнему остаются в силе слова полковника Шределя: „9-ть главных виновников скрылись“.

Общая картина событий на станциях Никитовка, Юзовка, Алмазная, Алчевская, Чернухино, Чаплино, Межевая, Просяная, Демурино и др. в донесении полковника Шределя была изображена так, что с его точки зрения никаких революционеров здесь не было. В донесении департаменту полиции он не счел нужным назвать ни одной фамилии, очевидно, подсудимые по этим станциям, просидевшие на суде шесть недель перед его глазами, остались в его представлении общей массой, из которой он не выделил для себя ни одного лица. Однако, и из подсудимых по этим станциям были приговоренные к казни.

В конце донесения Шредель поместил изображение событий на ст. Горловка, где 17-го декабря 1905 г. происходил бой с правительственными войсками. Горловские события были

центральным местом процесса и дали ему всю окраску. Без этого „боя“ едва ли можно было бы поставить так трагично весь судебный процесс, и очень трудно было бы даже Филимонову вменять всем подсудимым 100 ст. угол. улож. 1903 г.

О подсудимых по ст. Горловке Шредель писал:

„Кроме Зубарева-Кузнецова привлечены и осуждены 3 штейгера, 3 телеграфиста, пять рабочих, 1 конторщик, один фельдшер и пять крестьян; человек 8 мятежников успело скрыться“.

Из подсудимых по ст. Горловка были казнены: Александр Зубарев, он же Марк Кузнецов, и Василий Петрович Григоращенко. Зубарев вместе с Ткаченко-Петренко представлял центральную фигуру процесса, и причина его казни понятна без пояснений. О его личности сказано особо.

В справке же, данной Столыпину, вина Зубарева была изображена следующими словами.

„Зубарев, Александр (он же Марк Кузнецов), был на ст. Горловке, на заводе и рудниках главным агитатором и руководил беспорядками; 16-го декабря, по его инициативе, рабочие стали стрелять в войска; по его и его единомышленников настоянию, на ст. Горловке, на заводе и в рудниках было собрано и приобретено оружие и сформировалась боевая дружина, которая 17-го декабря приняла участие в бою с войсками; ездил в Дебальцево с другими агитаторами с целью заставить дебальцевских служащих и рабочих бастовать до тех пор, пока не будет созвано учредительное собрание, при чем произносил речи на вышеуказанную тему; речи его производили на многих сильное впечатление“.

О Григоращенко в той же справке было всего две строки:

„Григоращенко, Василий, получив 17-го декабря от крестьянина Воропаева винтовку, стрелял в войска с эстакады шахты № 1“.

Причина его гибели кроется в том же, в чем и причина гибели Шмуйловича, Щербакова и Ващаева, т.-е. о них что-то нашептали суду из тюремных и жандармских кругов, а формально дал возможность разделаться с ними отказ от обращения о помиловании.

Полковник Шредель писал свое донесение 16-го декабря 1908 г., т.-е. тогда, когда заканчивались речи защитников. Он имел перед собой весь материал судебного следствия и, конечно, знал из кулуарных разговоров с судьями не только их общее отношение к делу, но и суждения об отдельных подсудимых. Недаром он в этом донесении предсказывал, что будет человек 20—25, по крайней мере, оправданных, скромно умалчивая о том, что было хорошо известно ему, да и самому департаменту полиции, т.-е., что будут массовые смертные приговоры. Однако, и он был убежден и сообщал начальству,

что за исключением отдельных лиц скамья подсудимых представлена людьми, которых Шредель не считал нужным называть по фамилиям и именам, а просто писал „три слесаря, два телеграфиста, несколько второстепенных агентов службы движения и т. п.“ И вот как раз из этих безымянных людей около 30 человек были приговорены к смертной казни, и еще 12-ти смертная казнь не была определена судом только вследствие их несовершеннолетия, а заменена бессрочной каторгой. Для полковника Шределя они остались безымянными и после приговора. В своем донесении он назвал только три фамилии приговоренных — Зубарева - Кузнецова, Ткаченко-Петренко и смотрителя погрузочного двора ст. Горловки Снежко. Между тем, приговоренные к казни по первой части 100 ст. уг. улож. занимали в приговоре суда список под буквою „А“ в 32 человека, (см. приложение).

Если у суда могли быть еще свои психологические и формальные мотивы, то наверху их, конечно, не было. Там делали политику и делали ее очень элементарно: желали устрашить обывателя и устрашали его казнями. Хотели, чтобы обыватель трепетал, и чтобы ему не повадно было на будущее время участвовать в политических движениях. И именно потому, что процесс был массовый, что в нем участвовало больше 2.000 свидетелей, что в нем, принимая в рассчет семьи подсудимых, были непосредственно заинтересованы несколько сот лиц, нужна была Столыпину эта страшная расправа.

Как всегда в таких делах, нашлись ревностные исполнители—Лопатин и Каульбарс, которые оставили за собой в тени фигуру самого Столыпина и действительно навели ужас. В те годы (после роспуска 1-й Думы) Столыпин, а вместе с ним и все правительство Николая II-го, сознательно установило отвратительный культ смертных казней. Столыпин гордо кричал тогда „не запугаете“, а сам стремился довести всю страну до оглушения смертными казнями и с этой целью давил на совесть военных судей и подстрекал их на беспощадность, разнуздывая злобу палачей всех положений и рангов, пока висельные дела и смертники не обратились в рядовое „бытовое явление“ и военные суды стали практиковать смертные приговоры по заказу, вынося их пачками, как в данном деле, и подписывая их походя. Достаточно, например, указать, что в том же Екатеринославе временные военные суды заседали без перерыва целыми месяцами и бывали случаи, когда здесь работало по три военных суда одновременно. Случалось, что осужденные ждали очереди у виселиц. Не считая казненных по приговорам военно-полевых судов, в Екатеринославе с 1906 г. по 1910 г. было повешено на балках пожарного сарая при

4-й полицейской части 216 человек по приговорам временных военно-окружных судов [1]).

Но даже и в такой обстановке приговор по „делу о захвате революционерами линии Екатерининской ж. д. в декабре 1905 г.“ выделился своим холодным, рассчитанным ужасом. Здесь между приговором и событиями прошло три года. Ни о какой страсти борьбы с политическими противниками также не могло быть речи. Рассудок усмирителей оставался спокойным. Три года они возились с предварительным следствием. Шесть недель заседали в суде и еще восемь месяцев после суда переписывались, пока окончательно утвердили смертный приговор над 8-ю человеками и казнили их. Это был террор на всякий случай, над раздавленным еще три года назад противником.

В первой Гос. Думе Столыпин в пылу полемики как-то цинично сказал по поводу возможных судебных ошибок при смертных приговорах, что, когда горит дом, то не жалеют стекол, чтобы потушить пожар. Казалось, на время пожар был потушен, а он все продолжал „бить стекла“, пока, наконец, сам не был убит провокатором из своей собственной охраны.

---

[1]) Подсчет этот был произведен по просьбе автора уже в 1917 году по отметкам об исполнении приговоров в камере прокурора Екатеринославского окружного суда.

VI.

Судебное следствие.

Первые дни суда заняли допрос подсудимых и перекличка свидетелей. Их было так много, что они были собраны на дворе, толпою тысяч до двух человек.

Затем началось чтение обвинительного акта, об'емом в 114 страниц. Оно заняло целиком два судебных заседания и навело на всех томительную и нудную скуку. Едва закончилось чтение, как встал подполковник Филимонов и сделал, как описано уже, заявление о том, что согласно материалу, изложенному в обвинительном акте, выводы последнего должны быть изменены, и произнес целую речь, в которой мотивировал новое обвинение, приведенное нами выше. Теперь все подсудимые обвинялись огульно, так сказать, вкупе за все революционные события, происходившие не только на Екатерининской ж. д., но во всем Донецком бассейне. Всем одинаково ставилось в вину участие в Горловском бою, убийство шт.-капитана Карамышева в Ясиноватой, разбор рельс и проч. И деяния всех одинаково были квалифицированы по 100 ст. уг. улож. и по 279 ст. XXII-й книги свода военных постановлений.

Хотя все ожидали, по слухам, что обвинение будет изменено, но заявление подполковника Филимонова произвело прямо ошеломляющее впечатление. Это был первый момент в деле, когда все почувствовали ужас надвигавшихся казней. Защита тотчас же заявила самый энергичный и обстоятельно мотивированный протест, который был обоснован настолько бесспорно с точки зрения процессуальных законов, что даже жандармский полковник Шредель, присутствовавший на суде, донес департаменту полиции, что „защита с формальной стороны будет права". Филимонов возвражал. Ему снова отвечали защитники. Лопатин слушал Филимонова, можно сказать, с восторгом и после его речи имел вид победителя. Доводы защиты не доходили до его сознания и прямо раздражали. Он обрывал адвокатов, старался смутить и сбить их своими окриками с позиции, но последние упорствовали и не сдавались. Как судья, Лопатин понимал, что он нарушал закон и это еще больше

поднимало его злобу. Наконец, он не выдержал и отказал сторонам в новых репликах.

„Суду все ясно",—об'явил Лопатин и удалился вместе с судьями на совещание.

Когда судьи снова заняли свои места за столом с зерцалом и красным сукном, Лопатин имел злобно-радостный, прямо торжествующий вид. Он об'явил, что суд принимает новую формулировку обвинения по 100 и 279 ст.ст. и вместе с тем определяет—заключить всех обвиняемых по этому делу, находившихся на свободе, немедленно под стражу. При этом, чтобы усилить впечатление, Лопатин повысил голос и определение прозвучало в суде как военная команда. Этот крик ударил всем по нервам.

Дальше суд перешел к опросу подсудимых о том, признают ли они себя виновными. Лопатин выкликал фамилии и все по очереди на разные голоса отвечали ему:

„Не признаю", „нет, не признаю".

Некоторые пытались тут же давать об'яснения и оправдываться. Лопатин обрывал их и заявлял:

— Успеете, у вас будет для этого свое время.

Затем началось так называемое, судебное следствие, т.-е. допрос свидетелей.

Они все были разделены по станциям, и для каждой группы Лопатин точно определил время явки на допрос. Процесс начался 7-го ноября, а допрос свидетелей, по расчету суда, должен был закончиться и действительно закончился к 12-му декабря. Внешний порядок был налажен, можно сказать, образцово. Все происходило точно по-военному, в указанное время, и Лопатин сердился, если происходили какие-нибудь нарушения,—например, запаздывали к назначенному дню отдельные свидетели. Он распекал их, грозил штрафами и сообщением начальству.

Чтобы было еще больше порядка, Лопатин предложил подсудимым не сидеть в суде все аремя судебного следствия, а являться группами по тем станциям, допрос свидетелей по которым будет происходить в данном заседании.

— Это ваше право,—говорил Лопатин. — Если хотите, то можете неприсутствовать на суде, когда показания вас не касаются.

Но подсудимые не желали воспользоваться этим удобным для суда правом. Защита же использовала этот случай и заявила суду, что, очевидно, суд сам считает деяния подсудимых по отдельным станциям совершенно обособленными, предложив такой порядок заседания.

Предложенный председателем порядок еще раз показывает неправильность пред'явления огульного обвинения всем по 100 и 279 ст. ст.

При этом заявлении защиты Лопатин так вскипел, что не желал ничего слушать, отворачивался к окнам от говоривших, затем лишил защитников слова по этому вопросу, а при новой попытке пригрозил удалить из заседания.

Самый допрос свидетелей тоже нередко сопровождался инцидентами. Почти все свидетели, не исключая крупных должностных лиц и даже некоторых чинов наружной полиции, давали показания более или менее об'ективно и в большинстве случаев в пользу подсудимых, а при щекотливых вопросах обычно отзывались „запамятованием". Ни прокурорам, ни Лопатину и Курочкину никакими напоминаниями не удавалось добыть от некоторых из них нужных им улик против отдельных подсудимых. Когда так вели себя свидетели—городовые или околоточные и пристава или жандармские унтер-офицеры и ротмистры ж.-д. отделений, это доводило Лопатина до бешенства.

Сначала он спокойно на вид, только нервно теребя усы, советовал им вспомнить о долге службы. Потом ехидно читал показания, данные свидетелем на предварительном следствии, и требовал, чтобы тот подтвердил. Когда случалось, что и после этого свидетель отзывался запамятованием, или особенно, когда отрицал правильность записанного следователем, то происходили бурные сцены. Председатель багровел, глаза его выкатывались и неподвижно упирались в свидетеля, а рот извергал поток угроз рапортом по начальству, увольнением от службы и даже судом за лжесвидетельство. Но в большинстве случаев свидетели не смущались его криками, (вероятно, вообще привычные к крикам начальства) и обычно более или менее ловко уклонялись от дачи показаний, уличающих подсудимых.

Лопатин и судьи приписывали такое поведение свидетелей тому, что они терроризованы. Надо вспомнить, что полковник Шредель доносил департаменту, что найдены прокламации, в которых содержался призыв уничтожить всех свидетелей по этому делу. Этой прокламации он не приложил к донесению. Вероятнее всего, что ее никогда не было, а если она и была, то, очевидно, исходила из кругов охраны, т.-е. носила провокационный характер. В действительности, конечно, свидетелей никто не запугивал кроме самого Лопатина. Вся их масса была подавлена обстановкой суда, искренно сочувствовала подсудимым и негодовала на суд, поставивший их под угрозу смертной казни. При таком противоположном отношении к делу свидетелей и суда между ними, конечно, не могло быть общего языка. Каждое слово, каждый жест свидетелей встречал недоверие. Когда свидетель пытался искренно и просто сообщить свой взгляд на дело, то он точно резал ножем

уши Лопатина, который или обрывал его или даже сажал на место.

В такой атмосфере велось все судебное следствие, допрашивались сотни свидетелей в течение шести недель, и, чем дальше шло дело, тем создавался все больший и больший сумбур вокруг событий, бывших предметом судебного разбирательства. Никакого истинного освещения их установить уже не было возможности. Только время и утомление судей, прокуроров, подсудимых и защиты вносили более спокойную струю. В такие моменты вдруг все замирало. Свидетели что-то бормотали, судьи и Лопатин их не слушали. Прокуроры и защита о чем-то спрашивали свидетелей. Но все их показания протекали мимо, как вода.

Когда защитники, пытаясь оттенить те или другие факты, удостоверенные свидетелями, подчеркивали их и обращали на них внимание суда, Лопатин махал рукой и говорил, что суд все видит и все слышит.

В такие моменты наступала томительная тоска. Судьи зевали и не находили положения в своих креслах, то опираясь на стол, подпирая голову обоими руками, то откидываясь на спинку кресла и вытягивая ноги, то приваливаясь на подлокотники.

Неутомимым оставался только подполковник Курочкин, который не упускал случая задавать вопросы свидетелям, слушал об'яснения обвиняемых по поводу показаний, данных свидетелями, и все что-то записывал на своих листах бумаги, тогда как у других судей они оставались чистыми или разрисовыванными карикатурными профилями, чортиками, женскими головками и проч. Таким же неутомимым был и помощник военного прокурора капитан Шевяков. Для каждого подсудимого у него был свой листок с вопросами, которые задавались свидетелям. Он ничего не упускал и все записывал и очень старательно и точно использовал все это впоследствии в своей обвинительной речи, которая длилась 7 часов. А до этого времени не раз, конечно, использовал свои записи против подсудимых в кулуарных беседах с судьями, с которыми вне заседаний находился в постоянном общении. У подполковника Филимонова была, как сказано выше, другая роль. Его не интересовали улики против отдельных лиц. Он старался только во время судебого следствия установить в наиболее ярких и кровавых тонах общую картину восстания на Екатерининской ж. д. и в прилегающих районах Донецкого бассейна, а главное—об'единить все эти хаотически происходившие события одним общим руководительством какого-то оставшегося необнаруженным единого революционного центра, по плану которого были, будто бы, инсценированы все отдельные эпизоды на всей линии Екатерининской ж. д. в период времени

с 4-го по 17-ое декабря. Этот взгляд на дело плохо вязался с представлением о нем свидетелей из начальствующих лиц Екатерининской ж. д. и высших чинов ж.-д. полиции. Филимонов спорил с ними при поддержке Лопатина и старался добиваться от них согласного со своим взгляда на дело. Удавалось это довольно плохо. Даже когда свидетели соглашались с ним, их показания были тусклы, никакой картины не выходило. После допроса первых свидетелей из начальствовавших лиц Филимонов успокоился, очевидно решив создать нужную ему картину самостоятельно в обвинительной речи, и большую часть судебного следствия или отсутствовал, куря в коридорах, или что-то читал, мало обращая внимания на то, что происходило в зале.

Сам Лопатин часто скучал, бездушно рассматривая кончики своих пушистых усов и вяло покручивая их. Даже подсудимые часто целыми часами скучали под вялое бормотание свидетелей, которые сменялись поминутно один за другим, как фигуры в кинематографе. Оживлялись при этом только те из подсудимых, о которых говорил в данный момент тот или другой свидетель. Они вставали и заявляли суду, что хотят дать об'яснения. Лопатин предоставлял им слово и, большею частью, также не слушал подсудимых, как не слушал и свидетелей. Если об'яснения затягивались, Лопатин сажал говоривших, заявляя, что у них еще будет время дать свои об'яснения суду в последнем слове.

Некоторое оживление наступало только в те моменты, когда Лопатину, Курочкину или Шевякову казалось, что свидетели уличают в чем-то того или другого из подсудимых. Тогда они сами вызывали его на об'яснения и со скромным видом спрашивали:

— А вы ездили в Горловку?

— У вас был револьвер?

— А куда вы дели свою винтовку?

— Кто снабдил вас оружием? и т. д. и т. п.

И тотчас что-то записывали.

Потом опять все успокаивалось, опять нависала нудная скука, от которой у всех болели спины и некуда было деться.

Так длилось судебное следствие изо дня в день, с 10-ти часов утра до сумерек, не внося никакой ясности в дело. И как ни старались его участники установить те или другие события, они, конечно, ничего установить не могли ни в сторону защиты, ни в сторону обвинения, и Фемида с каждым днем становилась все более и более слепой.

VII.

Р е ч и.

Судебное следствие закончилось к 12-му декабря. С этого дня начались „прения сторон". Перед ними все подтянулись. Из зала ушла скука. Казалось, что-то новое, более ясное будет внесено в дело. По крайней мере так думали подсудимые, надеясь на речи защитников и на свое последнее слово; в ожидании его они не спали по ночам, обдумывая, что скажут судьям. Очень немногие более или менее спокойно ожидали приговора. Большинство ждало прений, как момента последней борьбы за оправдание.

Защитники яснее понимали положение. Они упорно готовились к своим речам, но почти не рассчитывали на их воздействие на волю судей.

Прения сторон начались охарактеризованной выше речью подполковника Филимонова. Она резала ухо своей противоположностью об'ективной правде и злобно-радостным тоном. Филимонов уверенно тащил всех 131 человека на виселицу, совсем не обращая на подсудимых никакого внимания, точно их не было в зале или перед ним сидели театральные статисты, на судьбе которых его слова не могли отразиться. Он выступал, как человек заранее торжествовавший свою победу, и успел убедить судей в том, что, если они приговорят к казни, то это будет сделано ими по закону, и начальство ждет от них такого приговора. Он обращался к судьям, как к победителям революционного движения 1905 г. и требовал от них и „суда победителей". Эту свою позицию он великолепно укрепил и, можно сказать, украсил цветами красноречия с самодовольством мастера своего дела.

Помимо жестокости внутренняя фальшь этой „великолепной речи" была безмерна. Но она пришлась так по настроению судьям, что к концу ее подсудимые совсем притихли в ужасе перед своей судьбой. Когда она окончилась и был об'явлен перерыв, они бледные, осунувшиеся с раширенными глазами на перебой спрашивали у защитников, что им делать, т.-е., что им говорить в своем последнем слове. Впечатление на скамьях защиты было тоже сильное. На лицах судей они

прочли выражение успокоения, и даже довольства. Все было кончено, и смертная казнь никого из судей уже не пугала и не волновала. Оставалось под вопросом только общее число казней и кто именно из подсудимых будет поставлен под виселицу.

Вторым говорил помощник прокурора шт.-капитан Шевяков. Этот вел лобовую штыковую атаку посредством собирания фактических улик против отдельных подсудимых. Называя по очереди 131 фамилию, Шевяков едва ли мог соединить каждую из них с живым лицом, тут же сидевшим на скамье подсудимых и слушавшим его речь. В его глазах и уме они давно обратились в фамилии или номера; он часто так и говорил: „номер такой-то по списку обвинительного акта", начиная абзац своей речи по записке о том или другом лице, и уже после этих слов произносил его фамилию.

Эта речь длилась 7 часов с двумя перерывами, и слушать ее не было никакой возможности. Ее мерный треск отдавался в ушах, не доходя до сознания. Только когда он произносил фамилии, носившие их подсудимые и их защитники настораживались, стараясь уловить брошенные улики. Судьи же, к которым Шевяков обращался, пропускали их мимо ушей, просто потому, что никакое человеческое внимание, никакая память не могли их уловить и удержать, хотя бы до приговора. Несмотря на это Шевяков не терял энергии, и работал на своей машине до конца в полном убеждении, что его речь будет отмечена, как заслуга, которую нельзя не оценить, принимая во внимание 131 номер подсудимых и огромную продолжительность.

Хотя при всей тщательности и чиновничьей добросовестности шт.-капитана Шевякова против некоторых подсудимых у него не находилось никаких улик, он все-таки не счел себя вправе отказываться от обвинения ни одного из них. Он даже не отказался по отношению ни к одному от 100 и 279 ст. ст., признавая, что судебное следствие ничего не изменило. В обвинительном акте не было с его точки зрения ни преувеличений, ни ошибок. Наоборот, он казался ему составленным слишком мягко, хотя автором был он сам.

Когда Шевяков закончил свою речь, и суд об'явил перерыв до следующего дня, подсудимые почувствовали острую безнадежность своего положения. Никаких средств борьбы собственно уже не оставалось, хотя по существу с самого дня первого ареста 3 года назад ими еще не было сказано громко, открыто ни одного слова в свое оправдание. Оставалось только кричать и вопить. Но в глухих стенах арестантских рот за „девятью дубовыми дверями" крики и вопли были бы простым рефлексом без цели и смысла, так как при закрытых дверях, кроме судей, их могли слышать только стены церковного зала, где торчали лишь следы от снятых икон.

13-го декабря с утра начались речи 12-ти защитников. Они с перерывами говорили свои речи до 17-го декабря, т.-е. 4 дня. При самых благоприятных условиях, при самых хороших слушателях, как бы не были искусны и интересны ораторы, они не могут заставить слушать себя такой долгий срок при условии, что не меняется тема. А здесь перед защитой в лице судей сидели люди, которые просто не желали их слушать. Лопатину слово, произносимое со скамей защиты, казалось лишним, затягивало заседание и мешало правосудию. Он нервно дергал свои усы и старался поймать какое-нибудь неосторожное выражение, чтобы оборвать защитника.

В лице судей защита имела перед собой слушателей с психологией, поставленной на голову: правда им казалась ложью, а достоверная ложь принималась за правду. И этих людей нужно было как-то убеждать в своих точках зрения на дело, незаметно для них захватывать с собой, вести и заставить совершить определенный акт — оправдать или более мягко отнестись к тому или иному подсудимому. Единственной общей почвой с судьями мог быть закон, и защитники требовали законности. Но судьи, приняв новую формулировку обвинения, еще в начале заседания отказались от законности в этом деле. Они рассуждали так же, как полковник Шредель в своем донесении: „здесь защита формально, конечно, права, но не по существу, наше дело добиться настоящей, а не формальной правды".

Поэтому, когда двое защитников вновь очень горячо навалились на 100 и 279 ст. ст., исключение которых повело бы к устранению всякой возможности казней, Лопатин побагровел, и при всей лойяльности речей защиты начал сбивать защитников окриками вроде:

— Это мы слышали.

— Переходите скорей к делу.

— Это мы знаем, нам этого не нужно.

— Суду известны все законы.

Когда же защита пробовала ссылаться на манифест 17-го октября, то это действовало, как каленое железо.

И все-таки несмотря ни на что адвокаты продолжали борьбу за своих подзащитных, стараясь вытаскивать их на свободу.

И судьи, строевые полковники, менее предубежденные, чем Лопатин, не раз под натиском их логики сдавались. Случалось, что и сам Лопатин увлекался и слушал. Но это продолжалось недолго. Он вдруг спохватывался и с досадой на себя еще резче обрывал защитника, а тот, пробурчав в ответ „подчиняюсь", продолжал свою речь. И можно утверждать, что защита, строго пользуясь фактами и документами, с глубоким убеждением требовала для большинства оправдания, и в то же

время не уставала отвергать висельные статьи по отношению ко всем подсудимым.

И именно поэтому полковник Шредель писал в своем донесении, что „защита велась с поддельным пафосом, страдала отсутствием логики выводов, прибегала к передержкам фактов и вообще старалась доказать отсутствие единства в действиях забастовщиков и даже отрицала наличность понятия о сообществе".

В действительности, защита совершенно непререкаемо установила, что события носили стихийный характер и не были об'единены общим руководством несмотря на наличность боевых стачечных комитетов. В них все было случайным плодом настроений каждого данного момента, в каждом данном месте. А в общей своей совокупности они были результатом движения, охватившего тогда всю страну, а не продуктом злой воли подсудимых, с которыми расправлялись через три года.

Но вообще над этим процессом тяготели какие-то роковые случайности. Этот строгий общий тон защиты был вдруг нарушен следующим скверным случаем.

Один из защитников, молодой тогда помощник присяжного поверенного, обладавший большим внешним апломбом и значительным легкомыслием, очень уверенно и развязно отрицал улики против всех своих подзащитных, а в заключение выкинул такой трюк: он заявил, что его подзащитный Тарасенко прошел на суде такой тусклой фигурой, что обвинитель даже не нашел нужным упомянуть о нем. Иронизируя дальше над прокурором, он говорил, что этот пропуск со стороны обвинителя вполне понятен в виду многочисленности подсудимых, и кончил словами: „я не сомневаюсь, господа судьи, что Тарасенко вы оправдаете".

Пока он говорил, Лопатин, прищурившись, ждал и дал ему кончить, а едва он замолчал и хотел сесть, как Лопатин сказал ему:

— Погодите!

И затем, обратившись к подсудимым, выкрикнул:

— Подсудимый Тарасенко, встаньте!

Но никто не отозвался, и никто не встал со скамей подсудимых. Все застыли—судьи, прокуроры, адвокаты и подсудимые. Развязный же помощник присяжного поверенного стоял один, как будто ничего не случилось. Тогда Лопатин стал издеваться над ним. Сначала ровным голосом он отечески распекал молодого адвоката за то, что за шесть недель судебного следствия он не сделал ни одной попытки переговорить со своим, отсутствовавшим на суде, подзащитным, а потом сорвался, перешел на крик и кончил тем, что занес в протокол и постановил довести до сведения совета присяжных поверенных для привлечения его к ответственности.

Для всей защиты этот случай был тяжким моральным ударом; для подсудимых он еще больше усилил трагичность положения, очень понизив все впечатление от речей защиты. Особенно торжествовали прокуроры, а полковнику Шределю это дало повод написать департаменту полиции, что вообще „защита подсудимых была представлена довольно слабо... было замечено, что не все защитники отнеслись добросовестно к своей задаче, некоторые были плохо ознакомлены с материалом обвинения, наивно отрицая доказанные факты". И затем Шредель приводил описанный случай. Кроме этого помощника присяжного поверенного тяжелую обязанность защиты несли на себе следующие лица: А. М. Александров, С. С. Анисимов (автор этой книги), М. Е. Булгаков, В. Г. Воронин, В. Г. Гальков, С. И. Гальперин, Д. Д. Данчич, Пав. Абр. Корецкий, Петр Ан. Корецкий, Н. Н. Коростовцев и А. Е. Пудер.

На несчастье описанный случай произошел в конце защитительных речей, и говорившие вслед за ним адвокаты уже не могли рассеять невыгодного впечатления.

После прений подсудимые были уведены в тюрьму в самом подавленном настроении, под гнетом которого должны были готовиться к своему последнему слову.

VIII.

«Последнее слово» подсудимых.

Утром 17-го декабря подсудимые начали произносить свое „последнее слово". В этот день в толпе женщин и родственников, дежуривших на площади против арестантских рот, с раннего утра было особенно много бледных лиц и опухших от слез глаз. Все они вечером накануне побывали у защитников и знали, что надежды на оправдание близких им людей очень не велики, ибо защита как и перед началом дела, так и теперь не скрывала положения ни от родственников, ни от самих подсудимых. Все надежлы она возлагала на успех кассационных жалоб в главном военном суде и на ходатайства в высоких сферах.

С Лопатиным явно не было сладу. Он должен был разразиться смертными приговорами. Считали только их возможное число, и думали и говорили по слухам из судейских кругов, что их едва ли будет больше 10.

Когда вдали показалась партия подсудимых под конвоем, женщины бросились к ней и кричали своим разные советы о том, что им говорить суду в последнем слове, но подсудимые в этот день отвечали им только взглядами. Никто из них ничего не кричал, все шли сосредоточенные и молчаливые. Только лязгали кандалы, шлепали копыта и слышались крики стражников. Когда партия ушла в ворота, женщины остались на площади еще более испуганные и оторопелые, чем во все предшествовавшие дни, едва сохраняя в себе надежду на оправдание своих близких.

Подсудимых ввели в зал и рассадили в порядке их списка в обвинительном акте. Многие почти не спали ночью, и их лица были особенно бледны. Некоторые из них не могли скрыть своей растерянности и неестественно жалко улыбались.

Ровно в $9^1/_2$ часов началось заседание.

— Суд идет! — прокричал юношеским петушиным голосом подпоручик, дежурный офицер.

Лопатин с судьями подошел к красному столу, белолицый, торжественный и расправил свои пушистые усы. Усевшись,

он поиграл плечами с эполетами и выдержал долгую паузу, обводя взглядом стены над головами подсудимых.

— Суд переходит к последнему слову подсудимых, — об'явил он радостным и ясным голосом, как будто сообщая им приятную новость. Затем он опустил глаза в списки и начал выкликать:

— Подсудимый (такой-то), вам по закону принадлежит последнее слово. Говорите, что вы можете сказать в свое оправдание, — и он отвертывался к окнам и расправлял усы, как бы говоря этим жестом, что все равно, что ни говори, он слушать не будет. Ему и так все известно.

— Ну, что же вы молчите, — бросал он через минуту замешкавшемуся подсудимому и внимательно и любовно начинал снова рассматривать свои усы, как бы скучая в ожидании.

— Говорите же, наконец. Закон предоставляет вам право последнего слова, пользуйтесь им, повышал голос нетерпеливый Лопатин.

Когда первый, вызванный таким образом подсудимый двинулся было от скамей к судейскому столу, Лопатин приказал ему оставаться на месте.

— Мы услышим вас и оттуда,—заявил он.

Подсудимый смутился, замялся, сказал несколько слов, неясных и неопределенных. Помолчал. Затем хотел было сказать что-то еще, но Лопатин не стал ждать, посадил его и вызвал следующего. И следующий подсудимый, и многие другие, по инстинктивному стремлению как-то выделить себя из общей массы 131 человека, сидевших на скамьях и загораживавших от суда друг друга, двигались было вперед к судейскому столу, но Лопатин упорно не хотел допускать такого беспорядка.

Очень редко кто из подсудимых говорил о своем положении в деле, разбирал улики, приводил новые факты, отрицал виновность и просил оправдания. Многие просто заявляли, что они не революционеры, и искренно изумлялись, что прокурор считает их мятежниками.

— Это мы слышали и знаем; скажите что-нибудь новое,— язвительно отзывался на их реплики Лопатин, и если подсудимый молчал, то торопился посадить его и вызывал следующего.

Некоторые подсудимые в последний день судебного следствия представили суду одобрительные удостоверения от своего начальства, а некоторые имели даже письменные благодарности за охрану ими станции и грузов во время декабрьской забастовки, когда полицейская охрана отсутствовала.

Когда подсудимые в последнем слове ссылались на них, Лопатин заявлял:

— Вот за это-то мы вас и судим: сначала охраняли, а потом охрану обратили в боевую дружину.

И, срезанный такой репликой, подсудимый уже ничего не находил для своего последнего слова и покорно садился.

После нескольких таких опытов большинство уже не могло высказать перед судом в свою защиту того, что было продумано много раз за полтора месяца судебных заседаний.

Они вставали, недоумело глядели на Лопатина и пассивно заявляли:

— Не имею,—нет не имею.

— Садитесь, — одобрительно кивал им головой Лопатин и как бы поощрял и следующих к такому же лаконизму и покорности. Когда подсудимые по очереди вставали так один за другим перед судьями, точно марионетки, судьи, почти о каждом из них, что-то отмечали в своих списках.

В таком тоне последнее слово подсудимых шло необычайно быстро, как по маслу. Лопатин был доволен, прояснел и громко выкликал по списку фамилии.

Приблизительно на сотом имени вдруг сорвался с задней скамьи огромный мужчина с лохматой головой, подсудимый— учитель Редькин. Послышалась возня и по проходу между скамьями он моментально подлетел к судейскому столу. Судьи в испуге замерли в креслах, а у Лопатина застыли выпученные глаза. Его рука беспомощно теребила усы, и, к общему удивлению, привыкший к крику голос пропал. Минуты две стояла тишина. Сам Редькин тоже растерялся, но потом оправился и заговорил что-то простодушно протодьяконовским басом. И тотчас Лопатин дико закричал на него. Редькин замолчал, повернулся по-солдатски налево кругом и пошел на место. Лопатин набросился на старшего конвойного и начал по-площадному ругать его и грозить рапортом по начальству. Конвойный моргал глазами и, вытянувшись, говорил: „слушаю-сь“, пока председатель не отпустил его. Наконец, все успокоилось, и Лопатин снова вызвал Редькина.

— Только, пожалуйста, оставайтесь на месте; мы не глухие.

Тот молчал.

— Ну, говорите же, говорите, мы вас слушаем,—требовал Лопатин.

— Не имею, нет не имею,—глухо отозвался Редькин и сел.

Положение этого подсудимого в деле было совсем незаметным. Он был учителем в селе Чернухино, соседним с одноименной станцией, и никакой роли в движении не играл, кроме нескольких ораторских выступлений и обращения к крестьянам и разоружение урядника. Совсем неожиданно для всех Редькин получил смертный приговор, поводом к которому вероятнее всего послужило описанное выступление в суде,

выделившее его перед судом из других подсудимых. Суд судил не за дела или „деяния“, а за склонность к революции, и оценил Редькина, как революционера, несмотря на все свидетельства о его лойяльности.

Дальше „последнее слово“ протекло ровно и гладко. Все говорили: не имею, нет не имею.

Затем еще нечаянно выделился один из подсудимых, приземистый калужский мужик, ремонтный рабочий. Он был замечен всеми потому, что на третий день суда в то время, когда все явившиеся на суд подсудимые уже жестоко жалели, что не послушались совета и не скрылись, вдруг почти силой прорвался сквозь охрану городовых и влетел в зал судебного заседания, держа под мышкой огромную красную подушку без наволочки и овчинный полушубок. Этот бородатый мужик основательно подготовился сидеть в тюрьме и убедительно просил суд извинить его за опоздание, ибо он не виноват: слишком поздно была получена повестка, а ехать пришлось очень издалека да еще без денег, зайцем. Кондуктора же не хотели входить в положение и все высаживали его. И вот кое-как, где пешком, где на „дешевке“, он едва добрался до суда и, как не спешил, все-таки опоздал.

— Просю простить,—картавил он перед судьями.

Лопатин тогда, вначале заседания, был умилен этим явлением, судьи же откровенно смеялись. И это был единственный за весь процесс случай, когда элементарное человеческое чувство смеха на минуту об'единило всех в этом зале. И этому наивному бородачу все симпатизировали и всем казалось, что он будет оправдан, тем более, что против него не было никаких улик, кроме одного какого-то глухого показания жандарма о том, что он ездил с пикой в Горловку, будучи сильно выпивши.

Теперь, когда Лопатин вызвал его, этот бородач вдруг выскочил из-за скамей и бухнулся в ноги судьям с земным поклоном. Конвойные бросились и подняли его, а он стал что-то шептать и шевелить губами и опять упал на колени со словами: „просю простить“ [1]).

На этот раз Лопатин ничуть не испугался, а только ядовито спросил:

— А пика у вас была, когда вы ездили в Горловку?

— Была, васе превосходительство.

И опять упал на колени, а потом встал и молча ушел на место.

Во всяком другом суде эта сцена могла возбудить только жалость и вызвать улыбку, но не у Лопатина. Здесь после нее стало еще страшнее.

[1]) Или, как писал в своем донесении полковник Шредель: „увольте, господа. правосудие“. *Автор.*

Опять полились реплики подсудимых—не имею или—нет не имею.

Только те двенадцать, что отказались от ходатайств о помиловании, и среди них те восемь, что потом были казнены, гордо заявили суду, что они не хотят защищаться или не признают этого суда.

Надо иметь в виду, что все они не хотели раздражать суда, чтобы не оттягчать участи остальных подсудимых, добивавшихся оправдания, и поэтому отказались от произнесения демонстративных речей. Кроме того, при Лопатине произнести их было бы фактически невозможно.

Из остальных лишь инженер Данчич и врачи Шошников и Клингенберг произнесли более или менее спокойно и с большим достоинством целые речи в свое оправдание. В частности, доктор Шошников говорил очень умело и даже талантливо. Он отлично разобрал все собранные против него улики и развил, ничуть не унижаясь перед судьями, все доводы в свою защиту. При этом всех поразило, что Лопатин и судьи терпеливо слушали его, и, надо думать, что только благодаря своему последнему слову он получил в приговоре всего 4 года каторжных работ, которые достались и инженеру Данчичу, занимавшему в деле аналогичное с ним положение. На них обоих и на оправданного доктора Клингенберга усиленно напирали, как на интеллигентов, оба прокурора, о них же со злобой писал в своем донесении полковник Шредель, что это „люди не только либеральной окраски, но и явно освободительного направления, очень ловкие, умеющие отводить глаза начальства и заводской администрации и в то же время руководившие революционным движением и организовавшие самооборону, дававшие на нее деньги и состоявшие членами забастовочного комитета в Горловке".

После их речей раздалось в зале еще несколько отзывов: не имею или — нет не имею — и последнее слово подсудимых было быстро закончено.

Лопатин об'явил, что суд удаляется для постановки приговора. Это было 18-го декабря, днем. Подсудимых обычным порядком увели в тюрьму, а судьи остались совещаться в помещении арестантских рот. Но прежде чем успели увести подсудимых они видели, как в помещение, куда удалялись судьи, вносили кровати для ночлега и, кстати, карточные столы для их развлечения „в антрактах" между совещаниями, которые длились до 3-х часов 19-го декабря.

IX.

Приговор.

В тюрьме, в ожидании приговора, подсудимые томились почти два дня—с утра 18-го декабря до сумерек 19-го.

Все течение процесса, особенно речи прокуроров и поведение Лопатина во время „последнего слова“, убеждало их в том, что приговор будет жестокий. Защитники не утешали их и говорили, что от Лопатина и Курочкина ожидать человечности нельзя, остальные же судьи более или менее покорны им. Все расчеты они строили на том, что приговор будет смягчен при конфирмации или будет удовлетворена кассационная жалоба в главном военном суде, словом, весь расчет был на петербургские сферы. Все надеялись, что казни не состоятся, и эта надежда очень поддерживала всех морально. Казалось, что и сам Лопатин, при той огласке, которую получило дело, все-таки не решится на простое огульное озорство в расправе с подсудимыми. Жила вера в человеческий разум, и думалось, что в этом деле не должно быть проявлено простого, животного, бессмысленного зверства, опасного самим победителям. В таком настроении прошел конец дня 18-го декабря. Но ночью, когда все легли спать, почти никто из подсудимых заснуть не мог. Ночью все надежды меркнут, а ужасы растут, и почти каждый из подсудимых спрашивал себя, неужели его могут казнить, повесить. И каждый чувствовал, что эти судьи действительно могут это сделать. И у тех, у кого эта мысль являлась впервые, холод бегал по спине и удушье подкатывалось к горлу. Люди спрашивали себя: за что? Начинали более спокойно рассуждать и убеждались, что их казнить не за что: но все же всякое воспоминание о Лопатине приводило в отчаяние.

Самым страшным было то, что все надеялись на одно и то же,—на то, что судьи всех не обвинят и всех не повесят, и что в число тех, кого обвинят или повесят, попадут другие. Только те, кто не сомневались, что будут осуждены, чувствовали себя ровнее и спокойнее.

Когда наступило утро, то за суетой обычной тюремной жизни всем стало легче. Умывались, ходили оправляться, пили долго чай, потом обедали и пили вечерний кипяток, а их все

не требовали в суд. Ожидать не хватало терпения; последние часы этого дня 19-го декабря тянулись длиннее, чем все 42 дня процесса.

Судьи же провели эти дни совсем иначе. Более или менее равнодушные к судьбе подсудимых, они разбирали по списку фамилии в обвинительном акте и улики, записанные в разных местах на их листках. Они, конечно, не всегда могли вспомнить лица тех подсудимых, к которым относились их записи, но это их не очень волновало. Лопатин и Курочкин знали свое дело и вели его очень уверенно и просто. Если сопоставить, сколько приговорено было к повешению, сколько к каторге и сколько оправдано, то станет ясным, что они разрешили дело, как простейшую арифметическую задачу: из 131 человека они решили сначала приблизительно одну треть оправдать, одну треть приговорить к смертной казни и одну треть приговорить к разным срокам каторги. После такого решения задача судей очень упростилась: надо было только установить общие признаки, которые давали повод зачислять в ту или другую категорию. Как были установлены эти признаки, видно из приведенных ниже рапорта Каульбарса и из справки, составленной для Столыпина, так как в основе обоих документов лежит, несомненно, доклад Лопатина.

Не вина суда, если среди 44-х лиц приговоренных по ст. 100 оказалось совершеннолетних 32 человека, которые и получили в приговоре смертную казнь, а 12 оказались имевшими возраст в декабре 1905 года от 17 до 21 года, к которым по 100 ст. никак нельзя было применить казни через повешение, и пришлось назначить бессрочную каторгу.

Характерно в этом приговоре и распределение на категории приговоренных к каторге на 8 лет—6 человек, на 6 лет—12 человек и на 4 года—25 человек. Ясно, что эти цифры получены умножением каждой предшествовавшей цифры на два.

Если результаты этих арифметических действий суда не совсем точны на один — два человека, то это естественно, так как цифра 131 на три не делится, а затем нужно же было немного и замаскировать простоту и удобство этого приема.

Надо, однако, сказать, что Лопатин и Курочкин не были в этом случае оригинальными. Это—обычный прием для массовых судебных процессов [1]).

[1]) Так, по делу о бунте в Тобольской каторжной тюрьме № 1-ой, слушавшемуся в Тобольске в 1908 году, один из военных судей Омского военно-окружного суда, где обвиняемых было 40 человек, 13 человек из подсудимых приговорил к повешению, и они все были казнены, 13 оправдал, а остальным продлил сроки каторги. После этого, так сказать, „суда" он, не скрывая, говорил, что еще перед выездом в сессию по следственному материалу правильно разделил подсудимых на три равные части, и на суде так и случилось, что приговор оказался таким же правильным.

Автор.

Обладая такой „соломоновой мудростью", судьи не слишком долго думали о приговоре, и у них естественно освободилось время для игры в винт, пока Лопатин должен был собственной рукой писать очень длинную резолюцию, уснащать ее статьями законов и заботиться о том, чтобы не сделать какой-нибудь ошибки в именах или фамилиях, в количестве лет каждого из подсудимых и особенно о том, чтобы кого-нибудь не пропустить, как тот помощник присяжного поверенного, который не знал, что его подзащитный Тарасенко успел скрыться от суда.

Естественно также, что все судьи ночью спали в кроватях, принесенных им в помещение суда.

Под вечер 19-го декабря подсудимых привели в суд обычным порядком, скованных попарно наручниками.

В помещении арестантских рот им пришлось прождать приговора еще около часу. Уже темнело, когда секретарь влетел к ним в камеру, соседнюю с церковным залом, и об'явил, что все готово. Подсудимые вскочили с пола, на котором сидели. Конвойные заторопились вести их в зал заседания. Там горели висячие лампы-молнии и две лампы стояли на единственном столе с красным сукном. Но света в общем было немного, и зала выглядела особенно мрачно. Подсудимых выстроили рядами саженях в двух от судейского стола. Вошли защитники во фраках и столпились вправо от судейского стола. Быстро и твердо вошли прокуроры и, подняв головы, рассматривали потолок и карнизы. Явился суетливый секретарь и начал вместе с конвойными перестраивать по списку ряды подсудимых и отодвинул их подальше от судейского стола. Он проделал это очень быстро, переговариваясь с конвойными шопотом. Когда секретарь кончил, все жутко стихло. Секретарь побежал докладывать и все уперлись глазами в дверь, из которой должен был выйти суд, но он что-то медлил, и все в тишине слушали у себя в ушах и в висках удары от приливов крови.

— Суд идет! —Возгласил сорвавшимся голосом вбежавший в залу молоденький дежурный офицер.

Тотчас шумно растворились двери и в них показался Лопатин и за ним судьи. На минуту он замялся у дверей, потом решительно подошел к столу.

За 42 дня процесса Лопатина видели, можно сказать, во всех видах. Но здесь он был новый, с воспаленными, горящими, бегающими глазами, напружинившимися на лбу венами, с высоко поднятым в руке приговором. Он задыхался и громко набирал воздух в грудь... и вдруг, напрягшись изо всех сил, начал выкрикивать слова приговора смотровым голосом, как команду на параде. Этот неожиданный крик заставил всех вздрогнуть, затем все застыли, вслушиваясь в слова, которые выкрикивал с упоением исступления Лопатин. А он все громче и все решительнее кричал:

— По указу его императорского величества Одесский временный военный окружной суд в Екатеринославе... под председательством военного судьи генерал-майора Лопатина, в составе... рассмотрев дело о подсудимых, — и дальше следовали имена 131 подсудимых, при выкрике которых по списку каждый из них вздрагивал и ловил слова своей участи, но их пока не было—это было только предисловие.

Наконец, Лопатин опять набрал воздуху и, наддавши, прокричал:

— Признал виновными и приговорил к смертной казни...

И начал произносить имена и фамилии приговоренных людей. Это был список в 32 человека и, казалось, что Лопатин читал его безмерно долго. Каждый раз, как он выкрикивал новую фамилию, это был точно разрыв снаряда, каждый ждал, что в него попадут его осколки. Внешнее впечатление было таково, что мутилось сознание. А Лопатин все кричал и кричал. Подсудимые стояли перед ним в оцепенении, а потом вдруг трое из них один за другим грохнулись молча на пол в обмороке. Лопатин, было, вздрогнул, на секунду остановился, а затем, понял, в чем дело, снова наддал силы своему голосу и продолжал выкрикивать фамилии других приговоренных к смертной казни.

Вероятно, этот список занял минут 5, не больше, но в сознании слушавших его это происходило вне времени и было бесконечно и мучительно.

При всей подготовленности к жестокости со стороны Лопатина никто такого огромного числа казней не ожидал. Это было просто беспримерно, непонятно.

Лопатин покосился из-за приговора на подсудимых и, повидимому, был удовлетворен. Более ровным голосом, но пожалуй еще громче, он стал перекликать имена и фамилии 48 лиц, приговоренных в каторжные работы по 102 ст. угол. улож., и вдруг у него перехватило дыхание и он по-петушиному сорвался, и тотчас среди подсудимых кто-то точно залаял, захлебываясь в истерике. Тогда Лопатин, оправившись, снова стал выкрикивать список, и сразу еще два, три человека из подсудимых залились истерикой и заглушили его. Чтобы перекричать, он наддал еще в своем исступлении и докончил чтение приговора среди этих воплей. Только раза два он останавливался на минуту, мертвенно бледный, дрожащий, и потом опять продолжал дочитывать список оправданных, но уже не криком, а ровным казенным голосом бесстрастного судьи, а кругом раздавались вопли, прорвавшихся наружу безмерных страданий. Оправданных оказалось 39 человек. Но большинство из них не верило своему счастью. Они стояли растерянные, ошеломленные, не зная, что делать. А трое упавших безжизненно лежали в обмороке. Лежал также на полу один из

оправданных молодой телеграфист, находившийся при смерти от чахотки. Он с помощью товарищей кое-как доплелся в суд, чтобы дело о нем по болезни не было выделено, но сцены об'явления приговора не вынес и окончательно ослабел. Он умер в следующую или в одну из ближайших ночей.

Лопатин, подозвав старшего по конвою, строго требовал от него, чтобы тот прекратил беспорядок. Конвойный отвечал—„слушаюсь", но сделать, конечно, ничего не мог. Тогда Лопатин среди того же хаоса звуков сказал, что приговор в окончательной форме будет об'явлен 30-го декабря в 12 часов дня и, вместе с судьями и прокурорами, ушел в свое помещение с кроватями и карточными столами. Адвокаты бросились к осужденным, стараясь успокоить растерявшихся надеждами на смягчение и на кассационные жалобы. Конвойные солдаты стали выводить подсудимых в соседнюю камеру. Те не починялись, не слушали их, распрашивая о своей судьбе защитников. Тогда солдаты, внезапно озлобившись, начали кричать, подражая Лопатину, и решительно вытеснили их из зала. На полу остались только чахоточный телеграфист и три человека лежавших в обмороке,—неподвижимые и бледные, как мертвецы. Над ними суетились защитники и старались влить им в рот хоть глоток воды. Какой-то конвойный прибежал с ведром и стал окатывать водою их головы. Но ни один из них не шевельнулся. Их тормошили, повертывали навзничь, расталкивали и растирали, но они долго не могли очнуться. Первым пришел в себя тот бородатый ремотный рабочий, который наивно явился в суд с красной подушкой под мышкой. Он спокойно открыл глаза, но, увидав солдат, вдруг вскочил и неистово закричал: „За что! за что!" дико блуждая из-под мокрых волос круглыми глазами. Затем он не то зарыдал, не то завыл. Солдат взял его под руку, стал успокаивать и вывел из зала. Второй обморочный был молоденький конторщик. Придя в сознание, он тихо заплакал и, спотыкаясь, как во сне, ушел из зала. Третьего обморочного, тоже юношу, пришлось вынести на воздух, взяв под мышки и за ноги. Вслед за ним вынесли в камеру к остальным подсудимым и умиравшего, обрадованного оправданием, телеграфиста.

Пока конвойные возились, сковывая попарно всех, и оправданных и приговоренных, Лопатин, Курочкин, остальные судьи и прокуроры торопливо оделись и ушли. Во дворе арестантских рот они слышали из камеры подсудимых истерические вопли. Ни выпитая вода, ни смоченные ею головы, ничто не могло остановить их. Эти звуки невыносимых страданий лились сами собою и, вылетая наружу, доносились до толпы женщин и родственников, ожидавших у ворот. И в толпе тоже кто-то протяжно выл. У ворот Лопатин, судьи и прокуроры в нерешительности остановились, о чем-то поговорили, и Лопатин

первый гордо поднял голову, покрутил усы и решительно вышел навстречу толпе стонавших женщин, которых на этот раз не сдержала стража. Они еще не знали приговора и бросились к Лопатину. Он остановился, как будто совсем спокойный, и, подняв руку, дал знак, чтобы женщины стихли. И они тотчас смолкли. Судьи и помощники прокурора, пользуясь этим протискались сквозь них и ушли, а Лопатин начал спрашивать фамилии. Женщины лезли друг на друга, называя себя. Он сдерживал их, успокаивал и говорил про осужденных на казнь, что они приговорены к каторге, а про всех остальных, что оправданы, и сразу вместо стонов или тихих покорных слез в толпе женщин пронеслись облегченные, радостные слова и вздохи. Лопатин провел с женщинами минут 10 и затем спросил, все ли знают приговор, и получил утвердительный ответ и несколько неожиданных возгласов:

— Благодарим!

Он пообещал женщинам, что еще похлопочет за всех приговоренных при конфирмации приговора, и, выправившись по-военному и снова поправив свои усы, быстро пошел догонять судей.

Защитники задержались, обсуждая с осужденными вопрос о кассационных жалобах и ходатайствах. Когда они вышли, вся толпа родственников бросилась к ним и тут она впервые узнала и почувствовала весь ужас приговора. Истерический женский визг, неудержимый и безумный, разнесся по Тюремной площади, вдруг разорвав тишину зимнего вечера. И здесь на мостовой, слегка покрытой снегом, оказались обморочные женские фигуры. Над ними суетились родные и близкие, а конные городовые наседали на них и требовали, чтобы они ушли от ворот и пропустили партию осужденных. Появилась ломовая телега для больного телеграфиста. В глубине двора зажглись факелы. Подсудимых вывели, построили по четыре в ряд, окружили еще более плотной стражей и быстро повели. Когда они поровнялись с женщинами, то все кругом наполнилось безумными и страшными криками и воплями. Осужденные и оправданные шли вместе рука об руку сосредоточенные и молчаливые, как будто торопясь уйти от женских криков. Женщины рванулись было за партией, но конные городовые не пустили их, и они ушли, унося свою боль по домам.

Часов в 10 вечера всех оправданных выпустили из тюрьмы, а приговоренных к смерти заковали в ручные и ножные кандалы.

30-го декабря осужденные были еще раз собраны в церковном зале арестантских рот, и Лопатин прочел им приговор в окончательной форме. Это был военно-судебный обряд, который никого не интересовал и не волновал. Сейчас же

после него подсудимые подали Лопатину кассационные жалобы, заготовленные защитниками, а затем их всех отвели обратно в губернскую тюрьму.

Вечером 31-го декабря в Екатеринославе в помещении английского клуба происходил новогодний бал, и его открыл вальсом, в паре с молоденькой девушкой лет 16-ти в белом бальном платье, тот же самый генерал-майор Лопатин, в тех же густых эполетах, в которых он фигурировал на суде [1]).

[1]) Описанный судебный процесс послужил для автора сюжетом рассказа «Приговор», в котором читатели могут найти в беллетристической форме более полное с психологической стороны освещение этого дела, но без документально точных подробностей, как в этой книге

Автор.

X.

Судьба приговора.

Впечатление от приговора не только среди осужденных и их родственников, но и во всем городе было потрясающее и, надо сказать, совсем не то, на которое рассчитывали власти. Вместо страха и трепета, люди негодовали, ужаснувшись его откровенной и безобразной жестокости, в которой в окончательном итоге, не оказалось и политического смысла.

Дело слушалось при закрытых дверях. Печать должна была по закону молчать о нем, но она не молчала. Первой выступила местная газета „Южная Заря" со статьей под названием „Ужас", которая произвела свое действие.

Екатеринославский губернатор оштрафовал редактора газеты „Южная Заря" А. Я. Ефимовича на 300 рублей. Возбуждался даже вопрос о закрытии газеты. Однако, дело было сделано, молчание нарушено. Появились заметки во всех столичных газетах, и волна негодования полилась по всей России.

Тотчас же в 3-ей думе кадеты внесли запрос правительству. Его энергично поддержала вся оппозиция и с.-д. Правые в лице Пуришкевича и Маркова II-го подняли самый пошлый скандал в обычном стиле этих думских гаеров, которые с полным обнажением и наглядностью вскрыли внутренние мотивы этого акта правительственного террора. Вся оппозиция ушла из зала заседания и, хотя запрос был формально провален, правительство, так сказать, победило, но он возымел свое действие. Столыпин тотчас же послал шифрованную телеграмму в Одессу командовавшему войсками барону Каульбарсу:

„Благоволите не отказать в предварительном сообщении ваших предположений по поводу приговора военного суда по рассмотренному в Екатеринославе делу о захвате революционерами Екатерининской ж. д." На этой телеграмме стоит дата 25/XII 1908 г. № 160.

Таким образом, в день самого праздника рождества Столыпин счел необходимым побеспокоиться об этом деле. Не получив ответа в течение 4-х дней, он 29 XII за № 166 вновь послал шифрованную телеграмму — в Одессу командующему войсками.

„Лично по поводу окончательных мер взыскания по рассмотренному в Екатеринославе делу о захвате Екатерининской ж. д., считаю долгом сообщить вашему превосходительству, что его величество изволил неоднократно высказывать мнение о необходимости применения высшей репрессии лишь в случаях, когда наказание следует в непродолжительном времени за преступлением (точка). В виду того, что после указанного выше революционного акта прошло до приговора три года, представлялось бы соответственным ограничиться назначением высшей кары только лицам, уличенным по суду в самых тяжких преступлениях (точка). Сообщая об этом, прошу телеграфировать о принятом вами решении".

В тот же день он получил в ответ телеграмму из Одессы, посланную „по военным обстоятельствам".

„Екатерининское дело мне еще не доложено. Представлю мои заключения согласно с прежде полученными распоряжениями. 672. Барон Каульбарс".

По содержанию этих телеграмм, по их спешности, по нетерпению при неполучении ответа на депешу, посланную в первый день рождества, в неприсутственные дни, совершенно очевидно, что Столыпина волновало впечатление, произведенное приговором в Петербурге. Однако, от применения в этом деле смертной казни, как видно из самого текста телеграммы, он не хотел отказаться. Повидимому, он беспокоился только о том, что „прежде полученные от него распоряжения" поняты слишком широко. Столыпин хорошо знал приверженность барона Каульбарса к смертным казням и беспокоился не напрасно, но от своего плана отказаться ему не хотелось. На всякий случай, чтобы обеспечить себя, он сослался даже на его величество, сделав это очень двусмысленно. Получив, наконец, 29/XII, в первый присутственный день после праздников, ответную телеграмму Каульбарса, он успокоился.

После об'явления резолюции суд потратил несколько дней на то, чтобы изложить приговор в окончательной форме, и 30-го декабря, в 12 часов дня, он был об'явлен подсудимым и, согласно закону, им был предоставлен суточный срок для подачи кассационной жалобы. Все осужденные воспользовались этим правом, и от имени всех была принесена кассационная жалоба в главнный военный суд. От командующего войсками округа генерала Каульбарса зависело дать или не дать движение этим жалобам, т.-е. отказать в праве кассации или переслать жалобу в главный военный суд.

В начале января генерал Каульбарс телеграфировал Столыпину: „На № 160 прошлого года по делу захвата революционерами Екатерининской ж. д. мною дано движение кассационной жалобе всех осужденных".

Получив это сообщение, Столыпин не только успокоился, но совсем забыл об этом деле—до того момента, когда его, уже в июле месяце, побеспокоил сам Каульбарс, о чем речь будет ниже.

Вместе со Столыпиным в первые дни после приговора большое беспокойство о деле обнаружила господствовавшая в 3-й думе фракция октябристов. Запрос кадетов о приговоре был отклонен большинством их голосов вместе с правыми. Но их глава М. В. Родзянко, председатель думы и в то же время депутат от Екатеринославской губернии, и другой екатеринославский депутат, октябрист П. В. Каменский, прекрасно знали всю обстановку дела. Многие из подсудимых были им лично известны. Как люди, Родзянко и Каменский, негодовали по поводу приговора, но, как октябристы, они же, провалив запрос, хотели показать, что оппозиция в думе может только скандалить, а они могут делать дело и добиваться в правительственных сферах успеха. По их настоянию телеграмма с ходатайством о помиловании была спешно доложена Николаю II, и в день нового года он положил резолюцию: „даровать жизнь, смягчить участь". Потом вслед за пропуском кассационной жалобы в главный военный суд они подали Столыпину нижеследующую докладную записку:

„По делу о захвате в декабре 1905 года Екатерининской железной дороги временным военным судом в Екатеринославе обвинено 92 человека, при чем 32 приговорены к смертной казни, а 60 в каторжные работы на разные сроки.

„Чрезвычайно неблагоприятные общие условия судебного процесса, длившегося $1^1/_2$ месяца, обилие материалов, заключавшихся в 30 томах следственного производства и свыше тысячи допрошенных на суде свидетелей, разбросанность событий, подлежавших обследованию суда, по отдельным станциям и группам лиц, ничем между собою не связанных, и, наконец, самое ведение дела через три года, когда большинство свидетелей перезабыло подробности событий декабря 1905 года, не дало возможности суду вынести приговор, отвечающий справедливости и действительной виновности отдельных лиц.

„По имеющимся у нас сведениям, некоторые из обвиненных вовсе не виноваты; другим назначено наказание, совершенно не соответствующее их виновности. Полагая, что ошибки суда несомненно будут исправлены главным военным судом при рассмотрении кассационных жалоб и в порядке уже дарованной подсудимым высочайшей милости, мы находим, что судьба значительной группы лиц, содержащихся в настоящее время в Екатеринославской тюрьме, может и должна быть облегчена немедленным изменением принятой меры пресечения и освобождением их под залог или на поруки до разрешения главным

военным судом касационной жалобы и определения размеров высочайше дарованного смягчения.

„По закону изменение меры пресечения зависит от Одесского военного суда; однако, после того, как все дело поступило на рассмотрение в Петербург и состоялась высочайшая резолюция о смягчении участия осужденных, на просьбы родственников, обращенные к председателю суда, им было об'явлено, что суд теперь не предпримет без указаний из Петербурга никаких шагов по екатеринославскому делу, хотя и признает возможным и допустимым по отношению к некоторым изменение принятой меры пресечения на более легкую.

„Представляя при сем список лиц, по отношению к которым обвинительный приговор менее всего отвечает справедливости и действительной виновности, мы ходатайствуем о немедленном освобождении их с отдачей под надзор полиции, под залог или поручительство".

Подписали эту записку: члены государственной думы М. В. Родзянко и П. В. Каменский.

К этой записке был приложен очень большой список осужденных из 30 фамилий, которых они или лично знали, или имели сведения от лиц, которым доверяли. Обо всех этих 30 осужденных Родзянко и Каменский хлопотали в министерстве внутренних дел, в главном военном суде и перед Одесским военно-окружным судом, прося немедленно их освободить под залог или на поруки „до разрешения главным военным судом кассационной жалобы и определения размера высочайше дарованного смягчения". Конечно, не надо и упоминать, что в этом списке не было всех тех, кто отказался ходатайствовать о помиловании, в том числе не было, значит, речи ни о ком из тех восьми, которые были потом казнены.

В результате этой записки товарищ министра внутренних дел Курлов 20-го февраля 1909 г. за № 102.617 обратился к председателю главного военного суда барону Остен-Сакену со следующим конфиденциальным письмом, приложив к нему записку Родзянки и Каменского:

„Имею честь препроводить при сем на распоряжение вашего превосходительства записку членов государственной думы М. В. Родзянко и П. В. Каменского. Полагаю, что судьба указанных в приложениях к означенной записке лиц из числа осужденных по поступившему ныне на рассмотрение главного военного суда делу о захвате революционерами в декабре 1905 года Екатерининской железной дороги должна быть облегчена немедленным изменением принятой против них меры пресечения". Дальше следовал список 9 лиц, которых Курлов считал возможным немедленно освободить из-под стражи.

В результате этих хлопот несколько отдельных лиц из числа приговоренных к каторге были освобождены под залог в не-

сколько тысяч рублей. Вообще же на участи подсудимых все эти закулисные хлопоты Родзянки и Каменского мало отразились: только все успокоились в виду высказанного ими убеждения, что по этому делу никто казнен не будет. Дело было переслано в главный военный суд и там вылеживалось несколько месяцев, пока не улеглось впечатление от приговора и делом никто не стал интересоваться, за исключением осужденных и их родственников. Вопреки обычной практике, по которой кассационные жалобы в главном военном суде по делам, рассматривавшимся по законам военного времени, разрешались в течение нескольких дней, а в редких случаях в течение нескольких недель, это дело покоилось в канцелярии главного военного суда в Петербурге до самого наступления думских каникул, т.-е. того глухого летнего времени, когда к этому забытому делу не было никакой возможности привлечь внимание высоких и влиятельных сфер. На все справки родственников в главном военном суде отвечали, что никому неизвестно, когда кассационная жалоба будет рассмотрена.

Наконец, совершенно неожиданно 28/V главный военный суд рассмотрел кассационные жалобы осужденных и оставил их без последствий и тотчас же отослал дело барону Каульбарсу для конфирмации приговора.

Все это было сделано так, что очень немногие из подсудимых узнали об отказе в кассационной жалобе. Официальных об'явлений им послано не было. Адвокаты, поддерживавшие жалобы в главном военном суде, сообщили своим коллегам, екатеринославским адвокатам, по поручению которых выступали, но из тех в летнее время многих не было в городе. В заключение стало известно подсудимым, что приговор пошел на конфирмацию командующего войсками, и что проект конфирмации будет доложен Столыпину, который обещал Каменскому и Родзянко, что казней по этому делу не будет. Поэтому отказ главного военного суда в жалобе не произвел впечатления ни на кого, не исключая осужденных к казни, так как от главного военного суда другого результата никто не ожидал.

А в это время в судьбах приговора произошло следующее:

2-го июня дело поступило к барону Каульбарсу при отношении главного военного суда, в котором было предложено „уведомить об его конфирмации относительно всех осужденных по делу". Каульбарс потребовал, чтобы ему в помощь был командирован из Москвы генерал Лопатин, который к этому моменту в виде повышения был переведен в Московский военно-окружной суд. Таким образом, „даровать жизнь и смягчить участь" согласно высочайшей резолюции должны были те самые люди, по воле которых весь этот процесс был обращен в сплошной ужас. Как Лопатин и Каульбарс пере-

сматривали дело, неизвестно, об этом надо судить главным образом по фигурам самого Каульбарса и его докладчика Лопатина, да еще по одному документу, а именно—по рапорту Каульбарса на имя военного министра, посланному в ответ на телеграмму с запросом о казни. В этом рапорте Каульбарс писал, что сущность доклада Лопатина сводилась как к об'ективному уяснению существа настоящего дела, так и к определению чисто индивидуальных особенностей каждого осужденного, степени участия его в деле, поведения на суде и в тюрьме и степени искренности выраженного ими раскаяния.

Таким образом, Лопатин и Каульбарс возились с этим делом до конца июня. Затем 8-го июля 1909 года к Столыпину поступили предположения Каульбарса о конфирмации, согласно телеграммы Столыпина, посланной им еще 25/XII 1908 г. за № 160.

„Секретно. Министру внутренних дел. Препровождая при сем список осужденных по делу о вооруженном восстании на линии Екатерининской ж. д. в 1905 г., сообщаю вашему высокопревосходительству, что я предполагаю назначить каждому из них наказания, как указано в списке. Подобный же список вместе с сим представляю военному министру, вследствие отзыва главного военно-судного управления от 2-го июня с/г. за № 7648. Приложение: список. Командующий войсками генерал от кавалерии барон Каульбарс".

На этой телеграмме имеется резолюция Столыпина:

„Срочно. Составить доклад о приговоренных к смертной казни".

По этой резолюции директор департамента полиции составил следующий доклад:

— „Из сопоставления предположений командующего войсками с имеющимися сведениями о виновности осужденных можно вывести заключение:

„1) что ссылка в бессрочную каторгу предположена для тех осужденных, которые принимали непосредственное активное участие в убийствах или стреляли в войска;

„2) что каторга на 20 лет назначается для тех лиц, которые, принадлежа к революционным боевым дружинам, участвовали в их выступлениях, но в совершении убийств не уличались и

„3) что ссылка на каторгу на 15 лет предполагается для тех членов боевых дружин, которые особенно деятельного участия в вооруженных выступлениях революционеров не принимали.

„Право командующего войсками при замене смертной казни назначить другое наказание, на основании ст. 95 воинск. уст. о наказ., сила и пространство действия конфирмации приравниваются к высочайшему повелению и поэтому не подлежат законному ограничению.

„По полученным из главного военного судного управления сведениям, 31-го декабря 1908 года и 9-го января 1909 года последовали высочайшие повеления о том, чтобы была дарована жизнь и облегчение участи 80-ти осужденным, которые подали всеподданнейшее прошение о помиловании. К числу этих лиц принадлежат те 24 осужденных к смертной казни, которым командующий войсками ныне предполагает заменить это наказание каторжными работами на разные сроки.

„Те же 8 осужденных к смертной казни, в отношении коих командующий войсками предполагает приговор утвердить, не обращались к милосердию монарха.

„Приговор по настоящему делу состоялся в декабре 1908 г. Затем по кассационным жалобам осужденных дело было передано в главный военный суд, коим в настоящее время жалобы эти оставлены без последствий, почему ныне приговор и обращен к конфирмации.

„Главное военно-судебное управление, в которое командующий войсками Одесского округа представил список аналогичный с поступившим в министерство внутренних дел 16-го сего июля, по приказанию военного министра, просило барона Каульбарса сообщить об окончательной конфирмации приговора, но ответа еще не поступало.

29-го июля 1909 года".

Таким образом, в этом докладе Столыпину директор департамента совершенно ясно указал, что командующий войсками предполагал утвердить смертный приговор в отношении тех восьми осужденных, которые не обращались с ходатайствами о помиловании. Кроме того, если бы Столыпин пожелал заглянуть в список, приложенный к предположениям Каульбарса, он сам увидал бы из него то же самое, что доложил ему директор департамента. Мало того, к докладу, приведенному выше, была еще приложена справка для Столыпина со списком всех осужденных, в которой было сказано еще раз „не обращались тогда к милосердию монарха 12 осужденных. Из них восемь приговорены к смертной казни и по отношению к ним приговор вошел в законную силу, а именно:

1. Митусов, Илья. 2. Григоращенко, Василий. 3. Зубарев, Александр, он же Марк Кузнецов. 4. Ткаченко-Петренко, Григорий. 5. Щербаков, Андрей. 6. Ващаев, Андрей. 7. Шмуйлович, Владимир. 8. Бабич, Петр".

При каждой из этих фамилий сообщались для Столыпина сведения о том, в чем каждый из них виновен, которые нами изложены выше (см. справку для Столыпина).

Замечательно, что этот доклад и справка к нему директора департамента полиции помечены датой 29-го июля 1909 года, составлены же они, как указано, на основании резолюции са-

мого Столыпина на представление Каульбарса, помеченной 15 июля; однако, не ожидая этого доклада, Столыпин телеграфировал 19-го июля в Одессу командующему войсками: „не встречаю препятствий к замене смертной казни указанным в списке лицам в предположенном размере. № 1872. Министр внутренних дел ст.-секретарь Столыпин. 19-го июля 1909 г.“.

Итак, волею Столыпина, прежде всего, был поставлен весь этот дикий процесс, а затем судьба подсудимых отдана в распоряжение Каульбарса и Лопатина, которые не умели, да и не хотели сдерживать своей злобы к революционерам. И в то же время Столыпин посылал запросы и телеграммы Каульбарсу, приказывал докладывать ему предположения о конфирмации, ссылаясь на высочайшую волю, и даже создал миф, что „его величество изволил неоднократно высказать мнение о необходимости применения высшей репрессии лишь в случаях, когда наказание следует в непродолжительном времени за преступлением“. Он же возмущался перед Родзянко и Каменским нелепой жестокостью приговора, обещал им, что казней по этому делу не будет, и достиг того, что они, поверив ему, сообщили свое убеждение всем заинтересованным в деле и самим осужденным и их родственникам.

А в заключение, когда Каульбарс доложил Столыпину проект конфирмации, он телеграфировал ему свое согласие. Но этим роль Столыпина еще не кончилась. 5-го сентября член гос. думы Каменский со ст. Желанной, т.-е. из глубокой провинции, где спокойно отдыхал, полагая, что все сделано для предотвращения казней по этому делу, послал ему телеграмму следующего содержания:

„По делу захвата Екатерининской ж. д. 1905 г. воспоследовало высочайшее повеление жизнь даровать. Родственники осужденных извещают, что утверждено восемь смертных приговоров. Молят пощады. Член гос. думы Каменский“.

На этой телеграмме резолюция Курлова:

„Срочно. Директору департамента полиции. Снестись скорее с главным прокурором, нет ли ошибки“.

А сам Столыпин 6-го сентября за № 539 телеграфировал в Одессу Каульбарсу:

„Благоволите телеграфировать, конфирмован ли вами приговор по делу захвата Екатерининской железной дороги, и, в утвердительном случае, имели ли место какие-либо особые обстоятельства, усугубляющие вину приговоренных к смертной казни восьми лиц, или же конфирмация последовала только за необращением их с ходатайством о помиловании. В виду посланной вашему высокопревосходительству военным министром телеграммы о приостановлении приведения приговора в исполнение, не предполагаете ли вы войти с представлением об облегчении участи осужденных“.

В ответ на эту телеграмму он получил на другой день следующее сообщение:

„Приговор об осужденных по екатерининскому делу конфирмован командующим войсками 30-го июля согласно предположениям, изложенным в отзыве вашему высокопревосходительству 8-го июля № 1052, по получении телеграммы вашей от 19-го июля № 1872 (точка). Об окончательной конфирмации телеграфировано главному военному прокурору 30-го июля за № 1149 (точка). 28-го августа утвержденный приговор военным прокурором обращен к исполнению (точка). 6-го сентября вследствие телеграммы военного министра телеграфировано прокурору екатеринославского суда и губернатору о приостановлении приговора над восемью осужденными к смертной казни (точка). Что касается сведения по вопросу об облегчении участи их, то таковые могут быть даны лишь по возвращении командующего войсками из Ливадии, каковое ожидается на днях. 12646. Помощник командующего войсками генерал от артиллерии Фан-дер-Флит".

А 8-го сентября тот же Фан-дер-Флит телеграфировал Столыпину:

„Екатеринославский губернатор сообщает, что приговор приведен в исполнение 4-го сентября".

Столыпин положил резолюцию: „Деп. пол. Опять такая торопливость", и потребовал справку. Ему сообщили следующее:

„По делу о вооруженном восстании в декабре 1905 года на линии Екатерининской железной дороги 8-го июля 1909 г. № 1052 командующим войсками одесского военного округа представлен список осужденных 92-х лиц с предположениями о смягчении, согласно высочайшему повелению, определенного им судом наказания, присовокупив, что смертная казнь оставлена тем, которые не подали прошений на высочайшее имя".

На докладе по этому поводу последовала резолюция министра: „На замену согласен. Разобраться более подробно, правильно ли командующим немечена градация на каторгу: без срока, на двадцать лет и на 15 лет".

Во исполнение этой резолюции 19-го июля 1909 года за № 1872 командующему войсками была послана телеграмма следующего содержания:

„Не встречаю препятствий к замене смертной казни указанным в списке лицам в предположенном размере.

8-го сентября 1909 года".

Одновременно Столыпин запросил военного министра, которым состоял тогда Сухомлинов, и того же 8-го сентября он получил ответ в виде письма, в котором тот сообщал: „милостивому государю Петру Аркадьевичу", что еще в декабре 1908 г. 73 осужденных по этому делу обратились со всеподд-

даннейшей телеграммой о помиловании, на которой его императорскому величеству 31-го декабря благоугодно было собственноручно начертать: „даровать им жизнь и облегчение участи". Затем в январе 1909 г. еще 7 человек из числа осужденных обратились со всеподданнейшей просьбой о помиловании и о смягчении их участи. На всеподданнейшем докладе с изложением этой просьбы его императорское величество 9-го января собственноручно начертать изволил: „согласен на помилование и облегчение участи".

Дальше в этом письме передается история кассационной жалобы, оставленной без последствий, история всех сношений самого Столыпина с Каульбарсом, а в заключении значится:

„Вследствие выраженного мне вашим высокопревосходительством от 6-го сего сентября желания приостановить приведение в исполнение приговора над 8 лицами, осужденными к казни, приговор о которых конфирмован без изменения, в виду отсутствия их прошений, мною того же 6-го сентября была послана срочная телеграмма командующему войсками Одесского военного округа с предложением приостановить исполнение приговора.

На эту телеграмму я сего числа получил от помощника командующего войсками Одесского военного округа генерала от артиллерии Фан-дер-Флита извещение, что приговор над этими осужденными 4-го сентября приведен уже в исполнение.

О вышеизложенном считаю долгом довести до вашего сведения. Сухомлинов".

XI.

Рапорт командующего войсками Одесского военного округа.

Кроме приведенного письма, Сухомлинов послал телеграфный запрос Каульбарсу и в ответ на него получил секретный рапорт от 10-го сентября 1909 г. Каульбарс сообщал ему всю известную читателю историю приговора и рассказывал о методе, которым он вместе с генералом Лопатиным пользовался при конфирмации приговора.

„В основу конфирмации“,—писал Каульбарс,—„прежде всего вошла ясно выраженная воля его императорского величества государя императора, всемилостивейше даровавшего жизнь и облегчение участи тем 80 осужденным, кои, принося свое раскаяние, обратились к путям монаршего милосердия“.

Этим Каульбарс еще раз подтверждал, что Митусов, Григоращенко, Зубарев-Кузнецов, Ткаченко-Петренко, Щербаков, Ващаев, Шмуйлович и Бабич были действительно казнены только в виду отсутствия их прошений, как полагал Столыпин и писал Сухомлинов.

В заключение Каульбарс сообщал следующее:

„Принимая во внимание, что к 30 июля все установленные сношения по этому делу были закончены, при чем указанные мною предположения никаким изменениям подвергнуты не были, того же числа приговор был мною конфирмован во всем согласно предположениям.

„Тем не менее, в виду большой огласки, которую это дело приобрело, и значения, которое ему придавалось, а также предполагая, что из числа 8 человек, в отношении коих мною был утвержден смертный приговор, хотя некоторые и не заслуживали, я в течение еще 28 дней воздержался от обращения приговора к исполнению.

„25-го августа сего года мною было получено письмо екатеринославского губернатора за № 1119, в копии при сем прилагаемое, в коем названный губернатор ходатайствует о 68 осужденных по настоящему делу и, вместе с сим, просит о

скорейшем разрешении дела о 8 осужденных, упорно отказавшихся от обращения к путям монаршего милосердия.

„Последнее обстоятельство убедило меня в бесцельности дальнейшей задержки дела, утвердив в ранее принятом, в отношении этих 8 человек, решении, и я приказал приговор по настоящему делу, в полном об'еме, обратить к исполнению, что и было исполнено военным прокурором 28-го августа.

„6-го сентября, вследствие телеграммы вашего высокопревосходительства от того же числа за № 11748, было телеграфировано прокурору екатеринославского окружного суда и губернатору приостановить исполнение смертного приговора над 8 осужденными к казни, но распоряжение это явилось запоздавшим, ибо смертный приговор над ними был приведен в исполнение в ночь на 4-ое сентября сего года, о чем и было донесено вашему высокопревосходительству и министру внутренних дел телеграммами от 7-го сентября сего года за №№ 12594 и 12593.

„Засим, в виду телеграммы министра внутренних дел от 6-го сентября сего года за № 539, в коей его высокопревосходительство спрашивал, не предполагал ли я войти с ходатайством об облегчении участи восьми, смертный приговор о коих был мною утвержден, и не руководился ли я в своей конфирмации лишь тем соображением, что упомянутые осужденные не обратились к путям монаршего милосердия, я долгом почитаю доложить, что, руководствуясь общим опытом революционного прошлого вверенного мне округа вообще и Екатеринославской губернии в частности, принимая во внимание чрезвычайную дерзость преступлеиия, опасность прецедента и каких бы то ни было послаблений в отношении лиц непосредственно посягнувших на пути сообщения и войска, а также считая, что в лице 8 казненных правительству приходилось иметь дело с интеллектуальными руководителями и работниками революции, я с полным убеждением докладываю, что упомянутые осужденные ни в коем случае не заслуживали какого бы-то ни было смягчения их участи, в силу чего я, считаясь с государственной необходимостью, постановил о них свою конфирмацию.

„Вышеизложенное вместе с сим в копии сообщено и министру внутренних дел".

Каульбарс, конечно, был прав по отношению к Столыпину. Никаких возражений с его стороны проект конфирмации не встретил. Проект был драконовский. Столыпин это видел и понимал. Кроме того, департамент полиции составил для него еще особую справку о всех 8-ми подлежавших казни. Столыпин согласился на их казнь, конечно не по недосмотру, а потому, что сам был инициатором этого террористического акта и первым мастером по части „битья стекол". В дан-

ном случае он с убеждением следовал общему правилу своей политики. Вся переписка, поднятая им после телеграммы Каменского, об'ясняется, повидимому, только тем, что еще в январе, когда было свежо впечатление приговора и чувствовалось общее негодование, он обещал Родзянке и Каменскому, что смертных казней в этом деле не будет. Поэтому после казней нужно было сделать вид, что он в них не при чем, это — торопливость каких-то провинциальных властей и больше ничего.

Получив приведенный выше рапорт Каульбарса, Столыпин и Сухомлинов вполне им удовлетворились. Все оказалось правильным и все остались на своих местах, а Лопатин и Курочкин даже получили в награду движение по службе.

XII.

Роль тюремной администрации.

Еще до начала судебных заседаний по делу тюремная администрация приняла в нем горячее участие. Все восемь казненных долго сидели в екатеринославской тюрьме до суда. Их она несомненно по своему изучила и оценила. Старший тюремный надзиратель Белокоз (впоследствии умерший от сыпного тифа) прозвал их „орлами". Это был специалист по части избиения заключенных. Высокий, стройный блондин, с правильным лицом и какими-то бесцветными, недвигавшимися глазами, Белокоз обычно принимал все прибывавшие в екатеринославскую тюрьму этапы, опрашивал всех, за что арестованы, и некоторых отбирал и пропускал „сквозь строй", по тюремному выражению, т.-е. командовал окружавшим его надзирателям: „взять его", и те утаскивали его в соседнее тюремное помещение и там избивали. Часто тут же под тюремными воротами, где происходил прием партий, Белокоз распоряжался отправить того или другого из вновь прибывших арестантов в темный карцер. Вот этот-то Белокоз определил их, как „орлов", т.-е. людей, с которыми нет сладу и, конечно, его определение стало известно суду. С первого же дня к ним ясно установилось отношение Лопатина, с оттенком уважения и страха. Особенно Ткаченко-Петренко и Зубарева-Кузнецова он ненавидел и боялся. Повидимому, Лопатину казалось, что даже на самом суде не исключена возможность покушения на него со стороны этих подсудимых. Никто другой, кроме тюремной администрации или губернатора, этого отношения к ним Лопатину еще до суда внушить не мог. А у них были к тому полные основания. Недаром екатеринославский губернатор просил в приведенном выше письме к Каульбарсу разрешить поскорее их судьбу. Когда 6-го декабря 1908 г., т.-е. еще недели за две до приговора, заключенные служили в тюрьме в присутствии губернатора и Лопатина молебен и посылали телеграмму с поздравлением на высочайшее имя, то среди них не только произошел непримиримый раскол, но были даже драки. Эту тяжелую историю с молебном начала очень небольшая кучка подсудимых, инспирированная той же админи-

страцией. Для Лопатина и суда этот молебен и подпись под телеграммой должны были служить очень простым и ясным способом отбора и разделения подсудимых на овец и козлищ. Вполне понятно поэтому, почему он сам счел необходимым присутствовать на молебне. Независимо от положения в деле, хотя бы оно было самым незаметным и случайным, всякий неподписавшийся на телеграмме должен был знать, что он будет приговорен к смертной казни, если только не был несовершеннолетним, что впоследствии и случилось. Моральное испытание было ужасное. Совсем не революционеры по складу характера и убеждениям, большинство подсудимых все-таки относились к этому акту с отвращением. Когда он готовился, они метались в тоске, не зная, что делать. По камерам ходил с ведома тюремной администрации подписной лист, на котором собирались подписи желавших послать поздравительную телеграмму. Вот с этими-то сборщиками и произошла драка. После нее 12 человек, в том числе все 8 впоследствии казненных, были посажены в две башни (8-ую и 9-ую), в которых их разместили по 6 человек. Все это было точно известно во всех подробностях Лопатину, и на другой же день это событие открыто обсуждалось в корридорах суда и буфета. Тюремные „орлы“ стали „орлами“ и в глазах суда. Участь всех этих 12 человек была уже бесповоротно решена. 4 из них не попали на виселицу, как уже сказано, только потому, что в декабре 1905 г., когда происходили события, вмененные им в вину, они имели возраст от 17-ти до 21-го года.

Всех отказавшихся даже при таких обстоятельствах подписать телеграмму было не 12, а 19 человек, но остальные 7 уже после приговора и после помилования тех, которые подавали телеграмму, не устояли и присоединились к ходатайству о помиловании.

После об'явления приговора все 12 были закованы в ножные и ручные кандалы, и с этого момента тюремная администрация их выделила в совершенно особую группу. Зная их, она их не трогала, так как боялась, что всякое происшествие с ними получит широкую огласку. Кроме того, трогать было рискованно и персонально для надзирателей; так, напр., с Петром Бабичем был такой случай: один надзиратель, из вновь нанятых, как-то ударил его; Бабич тут же накинул ему на шею свои ручные кандалы и начал душить, и, если бы не подоспела помощь, надзиратель наверное погиб бы. Такая решительность, как известно, всегда вызывает в тюрьме вежливое и опасливое отношение, и потому тюремная администрация старалась их не трогать; но она понимала, что эти люди внушают непокорный дух всей остальной тюрьме. При всяких тюремных эксцессах и голодовках они становятся во главе движения. И, как ни старались их изолировать, они сильно

влияли на весь склад тюремной жизни, внося в него свой мятежный дух.

По вынесении смертных приговоров, обыкновенно в течение 8—10 дней, пока шли сношения с командующим войсками, все кончалось. Людей или вешали или об'являли о замене смертной казни каторгой, но здесь прошли не дни, а недели и месяцы, и осужденных никто не трогал. Им только советовали присоединиться к прошению на высочайшее имя, и каждый раз встречали негодующие протесты. Обещание, данное Столыпиным, что никто не будет казнен по этому делу, было известно всем. По хлопотам адвокатов и родственников все 12 были переведены из смертных подвальных камер, представлявших клетки шагов 6 в длину со сводчатым потолком и грязными сырыми стенами без коек, столов и скамеек. Их поместили снова в тюремные башни. Этот перевод обрадовал всю тюрьму. Сами осужденные с этого момента тоже убедились, что смертная казнь им заменена каторгой, и со дня на день ожидали официального сообщения об этой замене. При таких обстоятельствах сама тюремная администрация уверовала в то, что казни не будет. Но самих приговоренных неизвестность мучила. Эта же неопределенность очень беспокоила, только по другому, и тюремное губернское начальство. Как ни как, но от „орлов" необходимо было избавиться. Надо было или разослать их по каторжным тюрьмам или покончить с ними. Этим и об'ясняется письмо екатеринославского губернатора Каульбарсу, в ответ на которое последний поспешил обратить приговор к исполнению.

XIII.

Казнь и предсмертное письмо Ткаченко-Петренко.

Самая казнь была совершена в ночь с 3-го на 4-ое сентября на балках пожарного сарая 4-ой полицейской части, как ее обычно совершали в те годы в Екатеринославе. В конторе тюрьмы в ожидании прокурора, врача и священника осужденным позволили написать письма родным. Из этих писем в нашем распоряжении, к сожалению, имеется только одно—Ткаченко-Петренки, так как оно каким-то путем попало, в копии, в дело департамента полиции.

Вот это замечательное письмо [1]):

„Здравствуй и прощай, дорогой брат Алеша, и все остальные братья рабочие и друзья.

„Шлю вам свой искренний и последний поцелуй. Я пишу сейчас возле эшафота и через минуту меня подвесят за дорогое для нас дело. Я рад, что я не дождался противных для меня слов от врага... и иду на эшафот гордой поступью, бодро и смело смотрю прямо в глаза своей смерти, и смерть меня не может страшить, потому что я, как социалист и революционер, знал, что меня за отстаивание наших классовых интересов по головке не погладят, и я умел вести борьбу и, как видите, умею и помирать за наше общее дело так, как подобает честному человеку. Поцелуй за меня крепко моих родителей, и прошу вас любите их так, как и я люблю своих братьев рабочих и свою идею, за которую все отдал, что мог. Я по убеждению социал-демократ, и ничуть не отступил от своего убеждения ни на один шаг до самой кончины своей жизни. Нас сейчас возле эшафота восемь человек по одному делу—бодро все держатся. Постарайся от родителей скрыть, что я казнен, ибо это известие после такой долгой разлуки с ними их совсем убьет.

[1]) Письмо это впервые опубликовано в издании „Екатеринославского Истпарта"—материалы за 1904—1906 годы.

Автор.

„Дорогой Алеша, ты также не беспокойся и не волнуйся, представь себе, что ничего особого не случилось со мной, ибо это только может расшатать твои последние силы. Ведь все равно когда-либо помирать надо. Сегодня 3-го сентября в 8 часов вечера зашли к нам в камеру куча надзирателей, схватили меня за руки, заковали руки, потом выводили остальных, забрали под руки и повели прямо в ночном белье босых под ворота, где человек 50 стояло стражи с обнаженными шашками, забрали и повели в 4-й участок, где приготовлена была петля, и так это смешно, как эта стража с каким-то удручающим ужасом смотрит на нас, как на каких-либо зверей, им, наверно, кажется, что мы какие-то звери что ли, но мы честнее их. Ну, не важно, напиши куму самый горячий привет и поцелуй его и Федорова крепко за меня. Живите дружно и не поминайте меня лихом, ибо я никому вреда не сделал. Ну, прощайте, уже 12 часов ночи, и я подхожу к петле, на которой одарю вас последней своей улыбкой. Прощайте, Алеша, Митя, Анатолий и все добрые друзья—всех вас крепко обнимаю, жму и горячо целую последним своим поцелуем... Писал бы больше, да слишком трудно, так как окованы руки обе вместе, а также времени нет—подгоняют... Конечно, прежде чем ты получишь это последнее письмо, я уже буду в сырой земле, но ты не тужи, не забудь Анне Ильченко передать привет. Прощайте все, и все дорогие и знающие меня. Напиши Богуславскому и остальным. Последний раз крепко целую вас".

Григорий Федорович Ткаченко-Петренко. 3-го сентября, 12 часов ночи.

Г. Екатеринослав 1909 год.

Так закончилась екатеринославская трагедия.

А затем началась по поводу нее описанная телеграфная переписка между Столыпиным, Сухомлиновым и Каульбарсом, посредством которой Столыпин старался спихнуть с себя вину в этих 8 казнях, а Каульбарс оправдывал себя и пытался успокоить столыпинскую совесть, которая и без того оставалась вполне спокойной и холодной. Ведь висельная эпопея для него не составляла новости. Он сам был ее главным героем и вдохновителем в течение всего времени своего премьерства, начиная с самого разгона 1-ой государственной думы.

XIV.

Заключение.

Наше изложение окончено. Если перед читателем прошли общие картины суда и декабрьских событий 1905 г. на Екатерининской ж. д., то цель автора достигнута. Остается только сказать, что в этом жестоком деле трагедия подсудимых не была исчерпана приговором и последовавшим наказанием. Еще до суда во время взрыва в екатеринославской тюрьме, 27 апр. 1908 г. часть из них была перебита, а часть ранена.

Вот описание этого события, появившееся в екатеринославской газете „Южная Заря“ № 597 от 1-го мая 1908 года в статье под заголовком „В тюрьме“:

„Как известно третьего дня в губернской тюрьме произошло трагическое событие, жертвой которого сделалось около 60-ти человек.

„Около часу дня в тюрьме раздался страшный взрыв, который был слышен во всех концах города. Оказалось, что взрыв произошел около северной стены тюрьмы, примыкающей к помещению 4-ой полицейской части, где размещаются конные стражники. Стена в этом месте имеет толщину около 2-х с половиной аршин. Только этим можно об'яснить, что стена уцелела. Но все же сила взрыва была такова, что она дала трещину, и со стороны 4-ой части вывалились кирпичи. Стекла в помещении конных стражников выбиты. Остается до сих пор не выясненным при каких обстоятельствах произошел взрыв...

„При взрыве среди надзирателей, сопровождавших арестованных на прогулке, произошло смятение, воспользовавшись которым арестованные разбежались в разные стороны...

„Полагая, что стена взорвана, часть арестованных бросилась к месту взрыва, но здесь увидели, что стена осталась невредимой. Тогда двое из них взобрались на крышу. Они были замечены одним из часовых, который произвел в них несколько выстрелов. Оба были убиты...

„Во время взрыва в дежурном помещении был караул 133 Симферопольского полка, который немедленно явился во двор. Увидя убегавших арестованных, солдаты открыли по ним стрельбу...

„Во дворе в это время было около 30 арестованных. Многие из них падали на землю и притворялись мертвыми. Из 30-ти душ, находившихся во дворе, было убито 12.

„Было произведено несколько залпов в окна, вследствие чего в камерах было также много убитых и раненых.

„Немедленно тюрьма была оцеплена войсками. Прибыли военные и гражданские власти, которые приступили к следствию.

„Всего убитых 29 арестованных, ранено 30, из которых один тюремный надзиратель Азаров. С 3-х часов дня начался обыск во внутренних помещениях тюрьмы. Обыск продолжался до поздней ночи“ [1]).

К этому надо прибавить, что солдаты были введены в коридоры и все камеры тюрьмы, и произошло жесточайшее избиение прикладами. Кроме убитых во время этой истории и раненых, еще больше было очень жестоко избитых. Из раненых и избитых некоторые умерли. Других избиение и раны привели к туберкулезному процессу. Сколько было убитых, раненых и пострадавших при избиении из участников описанного процесса, установить трудно, но все же те из них, которые были в Екатеринославской тюрьме 27-го апреля 1908 г., подверглись по крайне мере избиению.

Сейчас нет возможности ни проследить, ни перечислить те моральные и физические страдания, которые в последующие годы пришлось перенести осужденным в каторжных тюрьмах и ссылке. Нужно вспомнить только, что все те, кто отбывал каторгу сроком более 8 лет, были особождены только в 1917 году второй революцией, когда уже не было в живых главных виновников их страданий. Столыпин был убит. Лопатин и Курочкин умерли. Судьба генерала Каульбарса автору совершенно неизвестна, но во всяком случае он тоже давно сошел со сцены. А очень многие из осужденных по этому делу живы и сейчас. Каторга и ссылка закалила их характер, и они работают теперь на разных постах и при этом очень многие в родных местах Донецкого бассейна.

Вспоминая их, автор шлет им свое приветствие.

19—VI—1925 г.
Москва.

[1]) Из приведенной статьи пропущены места с ссылками на заведомо недостоверный источник—полицейский рапорт, в которых передаются версии о том, откуда взялась бомба, и сообщается, что возле трупов были найдены два браунинга, а в двух камерах две фитильные бомбы.

Автор.

Часть третья

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК

лиц, привлеченных в качестве обвиняемых к делу о захвате мятежниками Екатерининской железной дороги в округе Екатеринославского окружного суда в декабре 1905 года.

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
I. По делу о захвате станц. Екатеринослав.			
1. Соколов, Борис Михайлов, бывший студент Харьковского Технологического Института, в службе пути.	1 ч. 126, 2 п. 1 и 2 ч.ч. 123	Не допрошен.	Скрылся.
2. Железняк, Емельян Аверьянов, старший телеграфист ст. Екатеринослав.	Те же.	То же.	»
3. Филатов, Александр Михайлов, студ. Томского Технологического Института, практикант кузнечн. цеха Екатер. жел.-дор. мастерских	»	»	»
4. Покотилов, Анатолий Иванов, машинист депо Екатеринослав	»	»	Подлежит допросу.
5. Едловский, Андрей Петров, слесарь депо Екатеринослав	»	»	»
6. Кожанов, Николай Михайлов, мастеровой ремонта депо Екатеринослав .	»	»	»

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
7. Науман, Василий Васильев, делопроизводитель материальной службы . .	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129.	Содержание под стражей.	
8. Киватицкий, Владимир Федоров, счетовод управления дороги	Те же.	То же.	
9. Марков, Василий Васильев, старший счетовод службы движения . .	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 2 и 3 п. 1 ч. 129 и 1 п. 2 ч. 129.	Залог в 1000 р. представлен.	Первонач. содержан под стражей до 10 апреля.
II. По делу о захвате станц. Нижнеднепровск.			
10. Радченко, Леонтий, служивший в управлении дороги	1 и 2 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123.	Залог в 1000 р. представлен.	Скрылся.
11. Тарчевский, Игнат, рабочий Брянского завода в Екатеринославе	Те же.	»	»
12. Бугаев, Иван Никифоров	»	Залог в 300 р. представлен.	»
13. Фаин, Мовша Янкелев, кузнец 2 участка службы пути	»	»	»
14. Кабанцев, Дмитрий, машинист	»	»	Выясняется место нахождения.
III. По делу о захвате станц. Горловка.			
15. Именующийся Зубаревым, Александром Михайловым, и Кузнецовым . .	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129.	Содержание под стражей.	Личность еще не установлена.

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
16. Глушков, Евгений Иванов	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129	Содержание под стражей.	
17. Снежко, Илья Михайлов, смотритель погруз. двора	Те же и 2 ч. 123.	То же.	Скрылся.
18. Гречнев, Андрей Семенов, учитель Горловского рудничного училища . . .	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 2 ч. 123, 1, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129.	»	»
19. Осипович, Антон Осипов, телеграфист станции Горловка	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 2 ч. и 1 п. 1 ч. 123, 3 п. 129.	»	»
20. Смирнов, Николай Федоров, бывший рабочий Горловского машиностроительного завода	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 1, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129.	»	»
21. Соколовский, Нухим Мордков, химик Горловского рудника	1, 2, 3 п.п. 1 ч. 129.	»	
22. Ткаченко-Петренко, Григорий Федоров, литейщик Петровских заводов близ Горловки	1 ч. 126, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129.	»	
23. Залесный, Михаил Сергеев, технический агент ст. Горловка	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 3 п. 1 ч. 130.	»	Подлежит допросу.
24. Павленко, Тихон Данилов, телеграфист станции Горловка	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129.	»	
25. Павловский, Болеслав Викторов, конторщик . . .	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	»	

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
26. Исиченко, Василий Арсентьев, телеграфист .	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 3 п. 1 ч. 129.	Содержание под стражей.	
27. Гуртовой, Павел Андреев, штейгер Горловского рудника	1 ч. 126, 1 п. 1 ч. и 2 ч. 123.	То же.	
28. Щепкин, Василий Васильев, помощ. нач. станции Горловка	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 3 п. 1 ч. 129.	—	Подлежит допросу.
29. Петров, Владимир Сергеев, конторщик ст. Горловка	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123.	—	
30. Коваленко, Роман Диомидов, конторщик	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 1, 2. 3 п.п. 1 ч. 129.	То же.	
31. Козьмин, Сергей Виталиев, кассир станции Горловка	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 1 ч. 131.	—	Подлежит допросу.
32. Додукалов, Павел Владимиров, конторщик станции Горловка	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123.	—	»
33. Чугунов, Павел Ануфриев, помощ. нач. станции Горловка	Те же.	—	»
34. Харченко, Спиридон Елисеев, составитель поездов ст. Горловка	»	—	»
35. Киселев, Дмитрий Михайлов, десятник Горловского машиностр. завода .	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 2 и 3 п.п. 1 ч. 123.	Содержание под стражей.	
36. Дейнека, Михаил Стефанов, строгальщик Горловского завода	1 ч. 126, 1 п. 1 ч. 123.	То же.	

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
37. Куликов, Козьма Степанов, машинист	1 ч. 126, 1 п. 1 ч. 123.	Содержание под стражей.	
38. Руденко, Василий Власов, слесарь Горловского машиностроит. завода . .	Те же.	То же.	
39. Малышев, Петр Федоров, столяр Горловского рудника	1 ч. 126, 1 п. 1 ч. и 2 ч. 123.	»	
40. Богач, Иван Николаев, конторщик ст. Горловка .	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	—	Подлежит допросу.
41. Суханов, Григорий Елисеев, конторщик станции Горловка	1 ч. 126, 2 п. 123.	—	»
42. Яковлев, Иван Иванов, помощник машиниста . .	Те же.	—	»
43. Карабулин, Иван Сергеев, разметчик Горловского машиностроительного завода	1 ч. 126, 2 п. 123.	—	»
44. Рабинович, ученик штейгерского училища в Горловке	1 ч. 126, 123.	—	»
45. Евтушенко, Григорий Евдокимов, кузнец Горловского машиностроительного завода	1 ч. 126.	Содержание под стражей.	
46. Данчич, Валериан Дмитриев, горный инженер . .	Те же.	Поручительство в 1000 р.	Первонач. содержался под стражей.

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
47. Клингенберг, Станислав Феликсов, врач Горловской рудничной больницы	1 ч. 126.	Залог 1000 р.	Первонач. содержался под стражей.
48. Шошников, Александр Георгиев, врач Горловской заводской больницы . . .	Те же.	»	То же.
49. Перетяткович, Карл Калистов, заведующий материальной службой Горловского рудника	»	—	Подлежит допросу.
50. Бервольф, Александр Альбертов, штейгер, прусский подданный	1 ч. 126, 1 п. 1 ч. 129.	Содержание под стражей.	
51. Маддалена, Виктор Гратен, штейгер, итальянский подданный	Те же.	То же.	
52. Лесовой, Федор Ефремов, подрядчик Горловского рудника	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129.	»	
53. Красненко, Федор Андрианов, приказчик в лавке в п. Горловке	1 ч. 126, 1 п. 1 ч. 123.	»	
54. Волков, Василий Сергеев, чернорабочий . . .	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	»	
55. Петриков, Семен Васильев, слесарь Горловского рудника	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 2 и 3 п.п. 1 ч. 123.	»	
56. Подольский, Даниил Павлов, подрядчик Горловского рудника	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 3 п. 1 ч. 129.	»	

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
57. Герасимов, Иван Васильев, чернорабочий . . .	1 ч. 126, 1 п. 1 ч. 129.	Содержание под стражей.	
58. Воропаев, Петр Федоров, слесарь Горловского рудника	1 ч. 126, 1 п. 1 ч. 123.	То же.	
59. Григоращенко, Василий Петров, слесарь Горловского рудника . .	Те же.	»	
60. Зима, Андрей Никифоров, слесарь Горловского рудника	»	»	
61. Мещеряков, Михаил Венедиктов, рабочий Горловского рудника	»	—	Подлежит допросу.
62. Тарасенко, Филипп Фомин, рабочий Горловского рудника	»	—	То же.
63. Киричек, Алексей, ученик Горловского штейгерского училища	1 ч. 126, 1 п. 1 ч. 123, 1 п. 1 ч. 129.	—	»
64. Мациошинский, Казимир Осипов, конторщик ст. Енакиево	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	Поручительство в 500 р.	
65. Чернявский, Иван Петров, помощн. нач. станции Енакиево	Те же.	Поручительство в 1000 р.	
66. Терентьев, Павел Яковлев, рабочий Петровских заводов	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123, 2 п. 1 ч. 129.	Содержание под стражей.	

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
67. Подольский, Ефим Матвеев, литейщик Петровских заводов	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123, 1 и 2 п.п. 1 ч.	Содержание под стражей.	
68. Крупец, Василий Васильев	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	То же.	
69. Третьяк, Афанасий Иванов, рабочий Петровских заводов	Те же.	»	
70. Павлов, Петр Алексеев, слесарь Петровских зав. .	»	»	
71. Коновалов, Петр Корнеев, домовладелец в пос. при Петровских заводах .	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123, 1, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129.	»	
72. Ивановский, Прокофий Осипов, домовладелец в том же поселке	Те же.	»	
73. Мальцев, Афанасий Матвеев, машинист Петровских заводов	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	»	
74. Осовецкий, Николай Прокофьев, телеграфист Петровских заводов . . .	Те же.	»	
75. Махоткин, Егор Матвеев, рабочий Петровских заводов	1 ч. 126, 1 и 2 ч.ч. 123, 1 и 2 п.п. 1 ч. 129.	»	
76. Морозов, Иван Иванов, модельщик Петровских заводов	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	»	

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
77. Малина, Антон Иванов, рабочий Петровских заводов	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	Содержание под стражей.	Умер.
78. Флядржинский, Иван Антонов, конторщик Петровских заводов	Те же.	То же.	
79. Христич, Григорий Макаров, рабочий Петровских заводов	»	»	
80. Беспаленко, Василий Ильин, рабочий Петровских заводов	»	»	
81. Мирандов, Михаил Иванов, табельщик Петровских заводов	»	»	
82. Сорокин, Иван Леонтьев, литейщик Петровских заводов	»	»	
83. Галкин, Иван Петров, слесарь Петровских заводов	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123, 1 и 2 п.п. 1 ч. 129.	Поручительство 500 р.; тоже первоначальное содержание под стражей.	Не представлено; содержится под стражей.
84. Кореньков, Федор Егоров, сталевар Петровских заводов	Те же.	—	То же.
85. Петров, Семен Федоров, слесарь Петровских заводов	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123, 1 п. 1 ч. 129.	Содержится под стражей.	
86. Волошин, Даниил Петров, слесарь Петровских заводов	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. и 2 ч. 123.	»	

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
87. Апостолов, Федор Павлов, слесарь Петровских заводов	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. и 2 ч. 123.	Содержится под стражей.	
88. Гинак, Тимофей Александров, в конторе Петровских заводов	Те же.	То же.	
89. Косинский, Александр Осипов, приказчик в лавке в поселке при Петровских заводах	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	»	
90. Борковский, Осип Ремульдов, рабочий Петровских заводов	Те же.	»	
91. Прилипченко, Константин Васильев, рабочий при Петровск. заводах . .	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 и 2 чч. 123.	»	
92. Цыплаков, Николай Михайлов, слесарь Петровских заводов	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	»	
93. Выборников, Янкель Гиршев, сын торговца в поселке при Петровских заводах	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 1 и 2 пп.. 1 ч. 129.	»	
94. Карфагенский, Анатолий Алексеев, чертежник Веровского рудника Петровских заводов . . .	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	Залог 500 р.	Представил.
95. Торопов, Иван Корнеев, токарь Веровского рудника Петровских заводов	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. и 2 ч. 123.	Содержание под стражей.	
96. Щербаков, Андрей Филиппов, электротехник Петровских заводов . . .	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123, 1 и 2 п.п. 1 ч. 129.	То же.	

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
IV. По делу о захвате станц. Ясиноватая.			
97. Гриценко, Михаил Илларионов, фельдшер станции Ясиноватая	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 и 2 ч. 123, 2 и 3 п. 1 ч. 130.		Недопрошен, содержится в психиатрическом отд. екатериносл. губ. земск. больницы.
98. Андрейчиков, Сергей Моисеевич, машинист ст. Ясиноватая	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 и 2 чч. 123, 3 п. 1 ч. 130.	Содержание под стражей.	
99. Ляхов, Иван Андреев, машинист	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 122, 3 п. 130.	То же.	
100. Борисенко, Иван Спиридонов, заведующий маневрами ст. Ясиноватая .	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 и 2 ч.ч. 123, 3 п. 1 ч. 130.	»	
101. Черняков, Егор Никитин, стрелочник ст. Ясиноватая	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	»	
102. Колодяжный, Иван Кузьмин, телеграфист ст. Ясиноватая	Те же.	»	
103. Волков, Афанасий Самойлов, старший ремонтный рабочий ст. Ясиноватая	»	»	
104. Калюта, Тимофей Петров, телеграфист ст. Ясиноватая	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123.	»	
105. Степанов, Никифор Павлов, стрелочник станции Ясиноватая	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123, 3 п. 1 ч. 129.	»	

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
106. Кукушшко, Иван Григорьев, заведующий маневрами ст. Ясиноватая . .	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 и2 ч. 123, 3 п. 1 ч. 130.	Содержится под стражей.	
107. Маринич, Андрей Андреев, телеграфист станции Ясиноватая	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123.	То же.	
108. Василенко, Федор Платонов, проводник паров. ст. Ясиноватая	1 ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	»	
109. Кравченко, Иван Данилов, конторщик ст. Ясиноватая	Те же.	»	
110. Гриценко, Алексей Илларионов, помощ. нач. ст. Грачево, близ Ясиноватая	»	»	
111. Бушуев, Александр Иванов, конторщик станции Ясиноватая	»	»	
112. Дацун, Николай Матвеев, слесарь ст. Ясиноватая	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123.	»	
V. По делу о захвате станции Гришино.			
113. Ефимов, Степан Степанов, конторщик ст. Гришино	1 и 2 чч. 126, 1 и 2 п.п. 1 и 2 чч. 123, 1, 2 и 3 п. п. 1 и 2 чч. 129.	—	Бежал после задержания его и скрылся.
114. Морозов, Сергей, «товарищ Сергей»	1 и 2 чч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 1 2 и 3 п.п. 129.	—	
115. Поляков, Федор Егоров, инженер-технолог, начальник депо Гришино .	1 и 2 чч. 126, 1 и 2 п.п. 1 и 2 чч. 123.	—	Скрылся.

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
116. Горянинов, Федор Алексеев, делопроизводитель отд.	1 и 2 чч. 123, 1, 2п.п.1 и 2чч. 123, 1, 2 и 3 п.п. 129.	Содержание под стражей.	
117. Поцепухов, Сергей Петров, инженер-технолог, ревизор тяги ст. Гришино.	1 и 2 чч. 126, 1 и 2 п.п. 1 и 2 чч. 123.	То же.	
118. Колосов, Захарий Авраамов, монтер депо Гришино	1 и 2 чч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. и 2 ч. 123, 1 и 3 п.п. 1 ч. 129.	»	
119. Житомирский, Александр Абрамов, аптекарь в поселке при ст. Гришино (еврей)	Те же.	»	
120. Колосов, Федор Захаров, слесарь депо Гришино	1 и 2 чч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123, 2 и 3 п.п. 1ч. 129.	»	
121. Дробышевский, Петр Михайлов, телеграфист ст. Гришино	1 и 2 чч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	»	
122. Гаевский, Тимофей Игнатьев, машинист депо Гришино	1 и 2 чч. 126, 2 п. 1 ч. 123.	Залог в 300 р.	Представлен.
123. Окуневич, Евгений Георгиев, смотритель зданий ст. Гришино	1 и 2 п.п. 126, 2 п. 1 ч. 123.	То же.	»
124. Шнабель, Франц Иванов, машинист	1 и 2 чч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	»	»
125. Файбишев, Николай Федоров, машинист станции Гришино	1 и 2 чч. 126, 1 и 2 чч. 125.	»	»

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
126. Ларин, Василий Иванов, конторщик станции Гришино	1 и 2 чч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	Содержание под стражей.	
127. Рысин, Андрей Ефимов, конторщик ст. Гришино .	1 и 2 чч. 126, 2 п. 1 ч. 123.	Поручительство 300 р.	Не представил, содержится под стражей.
128. Сыч, Никита Саввин, конторщик	1 и 2 чч. 126, 2 п. 1 ч. 123.	Поручительство 200 р.	Представил.
129. Завадский, Хаим Шендеров, сапожник при поселке ст. Гришино	1 и 2 чч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	Содержится под стражей.	
130. Завадский, Герш Хаимов, приказчик угольного склада в поселке при ст. Гришино, сын предыдущего Завадского	Те же.	То же.	
131. Краснопольский, Вульф Юдков, механик в поселке при станции Гришино	1 и 2 чч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 2 п. 1 ч. 129.	»	
132. Удалый, Иуда-Шмуль Беров, кузнец в пос. при ст. Гришино	1 и 2 чч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	»	
133. Шуйлович, Владимир Владимиров (еврей), музыкант, помощник слесаря депо Гришино	Те же.	»	
134. Вегер, Вера Лейвикова, дантистка в поселке при ст. Гришино	1 и 2 чч. 126, 2 п. 1 ч. 129, 1 п. 1 и 2 ч.ч. 130, 2 п. 1 ч. 123.	—	Скрылась.

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
135. Славкин, Иосиф, житель при пос. ст. Гришино (приказчик)	1 и 2 ч.ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123, 1 и 3 п.п. 1 ч. 129.	. .	Скрылся.
136. Лесин, Марк, житель пос. при ст. Гришино . . .	1 и 2 ч.ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	—	»
137. Бабич, Петр Лукин, слесарь депо Гришино	Те же.	Содержание под стражей.	
138. Глаголев, Гавриил Васильев, помощн. машиниста депо Гришино	1 и 2 ч.ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123. 2 и 3 п.п. 1 ч. 129.	То же.	
139. Бондаренко, Георгий Яковлев, техник практикант при ст. Гришино . .	1 ч. 123, 3 п. 1 ч. 130.	»	
140. Ольшанский, Илларион Алексеев.	1 и 2 чч.. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123, 1, 2 и 3 п.п. 1 и 2 ч.ч. 129.	»	
141. Игнатьев, Федор Павлов, стрелочник ст. Гришино	1 и 2 ч.ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	»	
142. Аникеев, Сафрон Иванов, бывш. слесарь депо Гришино	1 и 2 ч.ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 1, 2 и 3 п.п. 1 ч., 1 п. 2 ч. 129.	»	
143. Оршадский, Владимир Петров, конторщик станц. Гришино	1 и 2 ч.ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	»	
144. Обухов, Григорий Егоров, слесарь	Те же.		
145. Садовников, Василий Павлов, слесарь депо Гришино	»	»	

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
146. Бабин, Евгений Тимофеев, 15 лет, помощн. слесаря депо Гришино . . .	1 и 2 ч.ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	Ответственный надзор родителей.	
147. Цивилько, Архип Андреев, артельный староста службы пути при ст. Гришино	1 и 2 ч.ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123, 2 и 3 п.п. 1 ч. 130 и 1 ч. 103.	Содержание под стражей.	
148. Пономарев, Иван Артемьев, слесарский ученик депо ст. Гришино	1 и 2 ч.ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. и 1 п. 2 ч. 129.	То же.	
149. Лиховшин, Михаил Герасимов, табельщик депо Гришино	1 и 2 ч.ч. 126, 1 и 2 ч.ч. 1 п. 123.	»	
150. Рожков, Даниил Семенов, помощник депо Гришпно	Те же.	»	
151. Федоров, Николай Степанов, помощник слесаря депо Гришино	1 и 2 ч.ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч., 3 и. 1 ч. 129.	»	
152. Сурин, Максим Васильев, слесарь депо Гришино . .	1 и 2 ч.ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	»	
153. Кравцов, Архип Иванов, слесарь депо Гришино.	Те же.	»	
154. Думбровский, Иван Васильев, слес. депо Гришино	»	»	
155. Яндоленко, Трофим Александров, котельщик депо Гришино	»	Поручительство в 500 р.	Представлено.
156. Егерев, Александр Николаев, столяр в пос. при ст. Гришино	»	—	Подлежит допросу; выехал на родину.

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
157. Игнатов, Николай Константинов, токарь депо Гришино	1 и 2 ч.ч. 126, 1 п. 1 ч. 123.	—	Подлежит допросу.
158. Иотковский, Иван Викторов, помощн. машин. депо Гришино	Те же.	—	То же.
159. Марценко, Владимир Макаров, помощн. машин. депо Гришино	1 и 2 ч.ч. 126, 2 п. 1 ч. 123.	—	»
160. Подопригора, Егор, плотник при ст. Гришино.	Те же.	—	Скрылся.
161. Сурин, Михаил Васильев, мастеровой депо Гришино.	1 и 2 ч.ч. 126, 2 п. 1 ч. 123.	—	Подлежит допросу.
162. Сурин, Николай Васильев, мастеровой депо Гришино	Те же.	—	»
163. Федоров, Степан Иванов, слесарь депо Гришино	»	—	»
164. Чевичилов, помощник машиниста депо Гришино.	1 и 2 ч.ч. 126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	—	»

VI. По делу о захвате станции Авдеевка.

165. Золотых, Даниил Фотиев, конторщик ст. Авдеевка	126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	Содержание под стражей.
166. Чикалов, Феодосий Иванов, обер-кондуктор ст. Авдеевка	126, 2 и 3 пп. 1 ч. 129.	То же.
167. Подройкин, Иван Михайлов, подрядчик кондукторской бригады станц. Авдеевки	126, 1 и 2 пп., 1 ч. 123, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129.	»

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
168. Марков, Терентий Савельев, слесарь депо Авдеевки	126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123, 3 п. 1 ч. 129.	Содержание под стражей	
169. Харченко, Ефим Артемьев, котельщик депо Авдеевка	126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	То же.	
170. Шерстюк, Стефан Варламов, конторщик станц. Авдеевка	126, 2 п. 1 ч. 123.	»	
171. Форостенко, Даниил Григорьев, машинист депо Авдеевка	126, 1 и 2 пп.. 1 ч. 123.	»	
172. Манжелесов, Григорий Порфирьев, котельщик депо Авдеевка . . .	Те же.	»	
173. Думан, Иван Петров, помощн. машиниста депо Авдеевка	»	»	
174. Земцев, Иван Васильев, житель пос. при ст. Авдеевка	126, 1 п. 1 ч. 123.	»	
175. Амелин, Иосиф Иванов, помощн. машиниста депо Авдеевка	126, 2 п. 1 ч. 123.	Особ. надзор полиции с 1 мая 1906 г.	Первонач. содержался под стражей.
176. Полыгач, Родион Константинов, телеграфист ст. Авдеевка	126, 2 п. 1 ч. 123.	Содержание под стражей.	
177. Кошевой, Арсений Никифоров, медник депо Авдеевки	Те же.	То же.	

Фамилия, имя, отчество и проч.	Ст. ст. угол. улож.	Мера пресечения.	Примечание.
178. Битнер, Федор Федоров, помощн. машин. депо Авдеевка	126, 2 п. 1 ч. 123.	Особый надзор полиции с 2 мая 1906 г.	Первонач. содержался под стражей.
179. Бийцев, Иона Игнатьев, помощн. машин. депо Авдеевка	Те же.	Содержание под стражей.	
180. Горбунов, Израиль Мордухов, торговец в пос. при ст. Авдеевка	126, 1 и 2 п.п. 1 ч. 123.	То же.	
181. Егоров, Вадим Михайлов, телеграфист станц. Авдеевка	126, 2 п. 1 ч. 123.	»	
VII. По делу о разоружении жандармских унтер-офицеров на станц. Демурино и Просяной и других: подлежит приобщению к делу о захвате станции Гришино.			
182. Кочергин, Григорий Иванов, конторщик станц. Чаплино	126 и 123.	Особ. надзор полиции с 2 мая 1906 г.	Первонач. содержался под стражей.
VIII. По делу о захвате ст. Никитовка К.-Х.-С. ж. д.			
183. Троянов, Георгий Захаров, телеграфист ст. Никитовка	1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 123, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129.	Содержание под стражей.	
IX. По делу о захвате ст. Никитовки К.-Х.-С. ж. д.			
184. Иваницкий, Василий Максимов, помощник начальника станции Письменная.	1 ч. 126, 1, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129.	Особ. надзор полиции с 2 мая 1906 г.	Первонач. содержался под стражей.

Прокурор Екатеринославского окружного суда (подпись).

Приговор.

7-го ноября—19-го декабря 1908 г. временный военный суд в г. Екатеринославе под председательством военного судьи генерал-майора Лопатина и бытность в составе суда и. д. военного судьи полковника Курочкина при помощниках военного прокурора подполковниках Филимонове и Шевякове, рассмотрев дело о мещанах: Владимире Киватицком и Георгии Гаевском, крестьянине Архипе Цивилько и потомственном почетном гражданине Сергее Косьмине и других 127 лицах, преданных военному суду все, за исключением Косьмина, по обвинению по 1 ч. 100 ст. угол. улож. и 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3, а Косьмин по 1 ч. 131 ст. угол. улож.; кроме того и Цивилько и по 1 ч. 103 ст. угол. улож. (по делу о захвате революционерами линии Екатерининской жел. дороги в декабре 1905 г.), признал:

А. Виновными: 1) Федора Василенко, 2) Егора Чернякова, 3) Илью Митусова, 4) Георгия Евтушенко, 5) Илью Снежко, 6) Василия Руденко, 7) Василия Волкова, 8) Василия Григоращенко, 9) именующего себя Александром Зубаревым (он же Марк Кузнецов), 10) Григория Ткаченко-Петренко, 11) Андрея Щербакова, 12) Ефима Подольского, 13) Павла Терентьева, 14) Семена Петрова, 15) Василия Крупеца, 16) Константина Прилепченко, 17) Петра Коноваленко (он же Коновалов), 18) Ивана Еремеева, 19) Якова Красношапку, 20) Михаила Молчанова, 21) Тихона Барыщенко, 22) Андрея Ващаева, 23) Ивана Редькина, 24) Гавриила Глаголева, 25) Николая Фаинбишева, 26) Архипа Цивилько, 27) Владимира Шмуйловича, 28) Петра Бабича, 29) Иллариона Ольшанского, 30) Василия Ларина, 31) Ивана Иодковского, 32) Афанасия Мальцева, 33) Ивана Морозова, 34) Николая Дацуна, 35) Григория Христича, 36) Михаила Мирандова, 37) Александра Николаенко (он же Николенко), 38) Петра Дробишевского, 39) Николая Федорова, 40) Григория Обухова, 41) Ивана Пономарева, 42) Иосифа Славкина, 43) Герша Завадского, 44) Архица Кравцова, в насильственном посягательстве на изменение в России установленного основными законами образа правления, а Цивилько кроме того и в оскорблении публично царствующего императора с целью возбудить неуважение к его священной особе, и на основании 51, 57, 1 ч. 100, 1 ч. 103 ст. угол. улож. приговорил поименованных в п. 1—32 к смертной казни через повешение, а в п. 33—44, как совершивших преступление в возрасте от 17—21 г., к бессрочной каторге.

Б. В участии в преступном сообществе, поставившем заведомо для всех его участников целью своей деятельности насильственное изменение в России установленного основными законами образа правления, каковое сообщество имело в своем распоряженииc редства для взрыва и склад оружия, виновными признаны судом и, на основании 57 и 2 ч. 102 ст. угол. улож., присуждены к ссылке в каторжные работы: 1) Владимир Киватицкий на 4 г., 2) Василий Марков на 4 г., 3) Игнат Торчевский на 4 г., 4) Сергей Андрейчиков на 6 л., 5) Иона Бийцев на 4 г., 6) Терентий Марков на 8 л., 7) Василий Исиченко

на 4 г., 8) дворянин Болеслав Павловский на 4 г., 9) горный инженер Валериан Данчич на 4 г., 10) Александр Шошников на 4 г., 11) Михаил Залесный на 8 л., 12) Александр Бервольф на 8 л., 13) Семен Петриков на 3 г., 14) Петр Малышев на 6 л., 15) Георгий Троянов на 6 л., 16) Виктор Жежурин на 4 г., 17) Щепкин на 4 г., 18) Анатолий Карфангенский на 4 г., 19) Александр Аполиник на 4 г., 20) Иван Шкатов на 6 л., 21) Прокофий Рукас на 4 г., 22) Дмитрий Паранич на 8 л., 23) Михаил Андреев-Мельников на 4 г., 24) Петр Поливин (Полуянов) на 6 л., 25) Сергей Федосеев (он же Феодосьев) на 4 г., 26) Иосиф Будников на 4 г., 26) Михаил Куракин на 6 л., 28) Степан Шарапенко на 4 г., 29) Иосиф Жуковский на 4 г., 30) Иван Жаданенко на 4 г., 31) Трифон Пичиков на 6 л., 32) Михаил Косенко на 4 г., 33) Георгий Брезинский на 8 л., 34) Альбин Думницкий на 8 л., 35) Алексей Шульженко на 4 г., 36) Николай Фоменко на 4 г., 37) Дмитр. Беспаленко на 6 л., 38) Василий Кунаков на 6 л., 39) Федор Игнатов на 4 г., 40) Николай Игнатов на 4 г., 41) Андрей Рысин на 6 л., 42) Евгений Окуневич на 6 л., 43) Вульф Краснопольский на 6 л., и совершившие вышеупомянутое преступление в возрасте от 17 до 21 года, 44) Николай Кожанов на 2 г. 8 м. 45) Михаил Красненко на 2 г. 8 м., 46) Емельян Заика на 2 г. 8 м., 47) Моисей Шейко (Шыйко и Шейкин) на 2 г. 8 м., 48) Григорий Кочергин на 2 г. 8 м.; те же 48 подсудимых оправданы судом по обвинению по 1 ч. 100 ст. угол. улож.

В. 1) Сергей Косьмин, 2) Георгий Гаевский, 3) Алексей Гриценко, 4) Тимофей Колюта, 5) Александр Бушуев, 6) Даниил Форостенко, 7) Арсений Кошевой, 8) Станислав Клингерберг, 9) Андрей Зима, 10) Михаил Мещеряков, 11) Владимир Петров, 13) Петр Павлов, 13) Егор Махоткин, 14) Иван Сорокин, 15) Николай Турбин, 16) Никита Мезенцев, 17) Леон Вонсович, 18) Яков Сведенюк, 19) Владимир Толчинский, 20) Пантелеймон Ольховский, 21) Афанасий Натопта, 22) Василий Баранников, 23) Иван Пелипенко, 24) Иван Багровский, 25) Самуил Берестенев, 26) Иван Аконин, 27) Федор Горяинов, 28) Даниил Рожков (он же Митрофанов), 29) Степан Федоров, 30) Евгений Бобин, 31) Михаил Лиховшин, 32) Никифор Гнида, 33) рядовой Александр Егерев, 34) Николай Челпанов, 35) Николай Орфенов, 36) Тихон Павленко, 37) Леонид Тиганов, 38) Кузьма Гуржиенко, 39) Гавриил Руденко-Косьмин по обвинению по 1 ч. 131 ст., а остальные по 1 ч. 100 ст. угол. улож. судом оправданы.

СПИСОК

осужденных приговором 18—19-го декабря 1908 года Одесского военно-окружного суда по делу о вооруженном захвате в декабре 1905 года линии Екатеринославской жел. дор., с указанием последовательного смягчения определенных судом наказаний.

№№ по порядку.	Определенные судом наказания и имена и фамилии осужденных.	Наказание по конфирмации командующего войсками.	Наказания, пониженные согласно высочайшего соизволения от 14 ноября 1909 г.
	1. Смертная казнь.		
1	Евтушенко, Григорий	Бессрочная каторга.	20 лет каторги.
2	Снежко, Илья		
3	Волков, Василий		
4	Подольский, Ефим		
5	Коноваленко, Петр, он же Коновалов		
6	Батыщенко, Тихон		
7	Редькин, Иван		
8	Цивилько, Архип		
9	Ларин, Василий		
10	Руденко, Василий		
11	Василенко, Федор	—	15 лет каторги.

№№ по порядку.	Определенные судом наказания и имена и фамилии осужденных.	Наказания по конфирмации командующего войсками.	Наказания, пониженные согласно высочайшего соизволения от 14 ноября 1909 г.
12	Черняков, Егор	—	15 лет каторги.
13	Файбишев, Николай		
14	Иотковский, Иван		
15	Мальцев, Афанасий		
16	Терентьев, Павел	15 лет каторги.	10 лет каторги.
17	Петров, Семен		
18	Крупец, Василий		
19	Еремеев, Иван		
20	Красношапко, Яков		
21	Молчанов, Михаил		
22	Глаголев, Гавриил		
23	Ольшанский, Илларион		
24	Прилипченко, Константин . .		
	2. Каторжные работы.		
	А. Без срока:		
25	Дацун, Николай	20 лет каторги.	15 лет каторги.
26	Николаенко, Ал-др, он же Николенко		
27	Пономарев, Иван		
28	Морозов, Иван	15 лет каторги.	10 лет каторги.
29	Христич, Григорий		
30	Дробишевский, Петр		
31	Кравцов, Архип		

№№ по порядку.	Определенные судом наказания и имена и фамилии осужденных.	Наказания по конфирмации командующего войсками.	Наказания, пониженные согласно высочайшего соизволения от 14 ноября 1909 г.
32	Мирандов, Михаил	12 лет каторги.	7 лет каторги.
	Б. Сроком на 8 лет:		
33	Паранич, Дмитрий	7 лет каторги.	3½ года каторги.
34	Залесный, Михаил	6 лет каторги.	3 года каторги.
35	Брезинский, Григорий		
36	Думницкий, Альбин		
37	Марков, Терентий	5 лет каторги.	3½ года каторги.
38	Бервольф, Александр		
	В. Сроком на 6 лет:		
39	Поливин, Петр, он же Полуянов	5 лет каторги.	2½ года каторги.
40	Краснопольский, Вульф		
41	Андрейчиков, Сергей	4 года каторги.	2 года каторги.
42	Малышев, Петр		
43	Куракин, Михаил		
44	Пичиков, Трофим		
45	Рысин, Андрей		
46	Окуневич, Евгений		
47	Троянов, Георгий	3 года каторги.	1½ года каторги.
48	Безпаленко, Дмитрий		
49	Шкатов, Иван	2 года каторги.	1 год каторги.
50	Кунаков, Василий		

№№ по порядку.	Определенные судом наказания и имена и фамилии осужденных.	Наказания по конфирмации командующего войсками.	Наказания, пониженные согласно высочайшего соизволения от 14 ноября 1909 г.
	Г. Сроком на 4 года:		
51	Щепкин, Василий	3 года каторги.	3 года крепости.
52	Карфагенский, Анатолий . . .	3 года каторги.	1½ г. крепости.
53	Аполлоник, Александр		
54	Рукас, Прокофий		
55	Киватицкий, Владимир	2 года каторги.	1 год каторги.
56	Тарчевский, Владимир		
57	Бийцев, Иона		
58	Исиченко, Василий		
59	Шошников, Александр		2 года крепости.
60	Петриков, Семен		1 год каторги.
61	Жежурин, Виктор		
62	Мельников, Михаил Андреев. .		
63	Федосеев, Сергей, он же Федосьев		2 года крепости.
64	Будников Иосиф		1 год каторги.
65	Игнатьев, Федор		
66	Игнатов, Николай		
67	Шарапенко, Степан	1 год каторги.	1 год крепости.
68	Марков, Василий	3 года крепости.	1½ г. крепости.
69	Павловский, Болеслав		
70	Жуковский, Иосиф		
71	Жаданенко, Иван		

№№ по порядку.	Определенные судом наказания и имена и фамилии осужденных.	Наказания по конфирмации командующего войсками.	Наказания, понижженные согласно высочайшего соизволения от 14 ноября 1909 г.
72	Косенко, Михаил	3 года крепости	1½ г. крепости.
73	Шульженко, Алексей		
74	Фоменко, Николай		
	Д. Сроком на 2 года и 8 мес.:		
75	Кожанов, Николай	2 года крепости.	1 год крепости.
76	Красненко, Михаил		
77	Занка, Емельян		
78	Шейко, Моисей, он же Шыйко и Шейкин		
79	Кочергин, Григорий		

Из числа всех 92 осужденных по настоящему делу в этот список не включены:

1) 8 человек, над коими приведен в исполнение смертный приговор;

2) 4 осужденных, а именно: Николай Федоров, Григорий Обухов, Иосиф Славкин и Герш Завадский, кои уклонились от обращения к монаршему милосердию, и

3) Валериан Данчич, как уклонившийся от исполнения над ним приговора и до сих пор не розысканный.

Составлен 11-го мая 1911 года.

Содержание.

стр.

От «Петпрофтрана» 7
От автора 9
Введение: «Дело о захвате революционерами линии Екатерининской ж. д. в декабре 1905 г.». 13

Часть I. События.

I. Общая картина декабрьских событий 1905 г. на линии Екатерининской ж. д. 21
II. Станция и город Екатеринослав 31
III. Станция и посад Нижнеднепровск. 38
IV. Станция Ясиноватая. 40
V. Станция Авдеевка. 49
VI. Станция Горловка. Горловский машиностроительный завод. Рудники Южно-Русского общества промышленности. 56
VII. Горловский бой 62
VIII. Станция Никитовка 71
IX. Станция Енакиево, Петровские заводы и Веровский рудник . . 75
X. Станция Алчевская, Донецко-Юрьевский завод и Жиловский рудник. 80
XI. Станция Дебальцево. 86
XII. Станция Юзово 89
XIII. Станция Алмазная, село Чернухино, ст. ст. Чаплино, Межевая, Демурино и Просяная 93
XIV. Станция Гришино 97

Часть II. Суд.

I. Обвинение 111
II. Незаконность нового обвинения 114
III. Обстановка суда. 116
IV. Председатель, судьи и прокуроры. 120
V. Донесение о ходе дела начальника екатеринославского губернского жандармского управления 124
VI. Судебное следствие 135
VII. Речи 140
VIII. «Последнее слово» подсудимых. 145
IX. Приговор. 150
X. Судьба приговора. 157
XI. Рапорт командующего войсками Одесского военного округа . . 167
XII. Роль тюремной администрации. 170
XIII. Казнь и предсмертное письмо Ткаченко-Петренко 173
XIV. Заключение 175

Часть III. Приложения.

I. Список 184 лиц, привлеченных в качестве обвиняемых. 179
II. Приговор. 198
III. Список осужденных с указанием последующего смягчения наказаний 200

Вышли из печати следующие издания „Истпрофтрана“:

1. Железнодорожники в 1905 г.

Сборник № 1. Москва. 1922 г., 32 стр. Цена 18 коп.

Содержание: Забастовка 1895 г. Н. Барышков.—Краткие сведения о 1-м Всероссийском Союзе. В. Переверзев.—Граф С. Ю. Витте и забастовка Петроградского узла в октябре 1905 г. М. Орехов.—Воспоминания дорожного мастера. Г. Вуколович.—Памяти т. Ухтомского.—Саратовский с'езд. Н. Барышков.—Воспоминания о 1905 г. «Тяжелые дни». Мартынов.

2. Очерки по истории союза 1917 г.

Сборник № 2. Москва. 1924 г., стр. 174. Цена 1 руб.

(Издание разошлось).

Содержание: Полуреспублика 1917 г. М. Орехов.—Нейтралитет Викжеля в Октябрьские дни. В. Рабовик.—Из деятельности Викжеля и его Московского Бюро. П. Стефановский.—Украина в начале 1918 г., и Союз железнодорожников. Б. Дашкевич.—Оккупация Архангельска в 1918 г. Н. Батманов.—Гражданская война и оренбургские мастерские (очерки и воспоминания участников). Библиографический указатель литературы по вопросам истории профессионального движения на транспорте.

3. П. Вомпе. Дни Октябрьской революции и железнодорожники.

(Материалы к изучению истории революционного движения на железных дорогах).

Москва. 1924 г., 84 стр. Цена 50 коп.

Содержание: Позиция Викжеля до Октябрьской революции. Позиция Викжеля в Октябрьские дни. Как Викжель проводил свою платформу в жизнь. Бесполезность и банкротство платформы Викжеля. Отношение к Викжелю других организаций.

4. В. Д. Гурьевич „Маджель“.

Союз младших агентов движения жел.-дор. 1917—1919 г.г. Исторический очерк по личным воспоминаниям и некоторым документам. М.—Лен. 1925 г. Стр. 61. Цена 30 коп.

Содержание: Первые шаги организации. Взаимоотношения с союзом ж.-д. служащих и рабочих. Взаимоотношения с ВЦСПС. Перед Учред. С'ездом союза железнодорожников. Вхождение Маджеля в Викжель. Маджель в дни Корниловского мятежа. Сентябрьская забастовка и Маджель. Чрезвычайный Всероссийский С'езд и Маджель II-й Всероссийский С'езд. Работа Центрального Правления. Слияние с союзом курьеров и рассыльных. III-й Всероссийский С'езд. Создание Цекпрофсожа. Документальные данные.

5. А. Хаин. Пройденный путь.

Союз мастеровых и рабочих железнодорожников Петроградского узла в 1917—1919 г. (по личным воспоминаниям и документам). М.—Лен. 1925 г. Стр. 74. Цена 30 коп.

Содержание: Первые шаги. Наша платформа. Наш союз и борьба за улучшение быта рабочих. Наша позиция и Викжель. Союз мастеровых и рабочих Московского узла. Подготовка к Всероссийскому С'езду мастеровых и рабочих. Раскол на чрезвычайном железнодорожном с'езде. Журнал «Гудок». Организационное Бюро по созданию производственного железнодорожного союза. Наша программа и Всопрофжель. Наша победа. Документальные данные.

6. А. Таняев. Очерки по истории движения железнодорожников в революцию 1917 г. (февраль—октябрь).

М.—Лен. 1925 г. Стр. 168. Цена 50 коп.

Содержание: Экономическое и правовое положение железнодорожников накануне февральской революции. Первые шаги движения. Апрельская ж.-д. конференция. Майско-июньское движение за повышение заработной платы. Образование союза мастеровых и рабочих и партия большевиков. Борьба за контроль и управление дорогами. Политика Временного Правительства и буржуазия. Наступление реакции и Всероссийский Учредительный С'езд железнодорожников. Уструговская прибавка и забастовка паровозных бригад в августе. Всероссийская сентябрьская железнодорожная забастовка. Железнодорожники в дни Октябрьского переворота. Борьба за Советскую власть на жел. дорогах.

7. Литературный сборник № 1.

Суд и расправа над железнодорожниками. М.—Лен. 1925 г. Стр. 1 0. Цена 30 коп.

Содержание: Приговор. С. Анисимов.—Как это было. С. Анисимов.—Октябрьская забастовка 1905 г. в Курском уезде. А. Масальский.—Дело № 7110 (из архива департамента полиции).

8. Железнодорожники и революция.

Историко-революционный сборник. М.—Лен., 1925 г., стр. 118. Цена 45 коп.

Содержание: Воспоминания товарищей Зимина, Пятницкого, Ароштама, Амосова, Тихонова, Попова, С., Напереткова, Мажокина, Бочарова, Прохорова, Баклунова и Егорова, группы ячейки 18-го участка тяги Сев. ж.-д. и друг.

9. 1905 г. на Юго-Восточных ж. д.

Исторический очерк. Допрофсож Юго-Восточных ж. дорог. М.—Лен. 1925 г. Стр. 238. Цена 80 коп.

Содержание: Накануне февральской забастовки 1905 года. Февральская забастовка. Накануне октябрьской забастовки. Октябрьская забастовка. Накануне декабрьской забастовки. Декабрьская забастовка. Разгром. Революционное движение на линии Юго-Восточных жел. дорог. Последующие годы. Документальные приложения.

10. Б. Н. Дашкевич. Железнодорожники в период австро-германской оккупации Украины.

Москва. 1925 г., стр. 214. Цена 80 коп.

Содержание: Начало 1918 г. на Украине до австро-германской оккупации.—Оккупация Украины при Центральной Раде.—2 с'езда.—Гетманщина.—Период легальной борьбы.—Начало всеобщей железнодорожной стачки.—Борьба со стачкой.—Разгром железнодорожной стачки.—Торжество реакции и ее поражение.

11. Н. Ростов. Железнодорожники в революционном движении 1905 г.

(Краткий исторический очерк).

М.—Лен. 1926 г. Стр. 154. Цена 50 коп.

Содержание: Канун 1905 г.—Экономическое положение железнодорожников накануне пятого года. 9 января 1905 года и начало движения среди железнодорожников. Массовое движение, начало 1905 г. I-й с'езд и образование железнодорожного союза. II-й с'езд. Летние забастовки среди железнодорожников. Делегатский с'езд и октябрьская забастовка. «Дни свободы» и ноябрьские забастовки. Декабрьская забастовка и вооруженные восстания. Разгром. Приложения.

12. Сборник № 3.

Материалы по рабочему движению на железных дорогах до 1905 г. Москва. 1925 г. Стр. 176. Цена 50 коп.

Содержание: Стачка 1894 года в мастерских Владикавказской ж. д. Я. Андреев.—Из истории Ковровских мастерских. А. Ляхин.—Обзор рабочего движения на Южных жел. дорогах.—Некоторые документы по событиям в Ростове-на-Дону в ноябре 1902 года. Очерки по истории союза 1905 г. (Часть I). С. Антоневич.—Рабочие движение в Красноярских жел.-дорожных мастерских до 1904 г. А. Рогов.—Очерки быта служащих и рабочих Московско-Ярославск. жел дороги. С. И. Пушкин-Бачинский.—Хронологический указатель главнейших событий по истории профессионального и революционного движения на жел.-дор. транспорте до 1905 г.

Готовятся к печати и в ближайшее время выйдут следующие издания „Истпрофтрана“:

13. Железнодорожники Московского узла в 1905 г.

Исторический очерк

14. Путеводитель по Всероссийским железнодорожным с'ездам и конференциям.

15. 1905 год на Средне-Азиатской жел. дороге.

Исторический очерк.

16. Сборник № 4.

Материалы по рабочему движению на жел. дорогах в 1905 г.

17. Историческая хрестоматия.

Центральные органы союза 1917—1925 г.г. в отдельных очерках.

ЦЕНА 1 р. 50 к